

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И.	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister I.</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 327.5

БОРЬБА МИРОВЫХ СИЛ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Исследуется вопрос будущего демократии, который серьезно беспокоит специалистов западных стран, где демократия является устойчивой формой политической власти. Определены две школы изучения будущего демократии – европейская, представленная в основном немецкими и французскими учеными, и американская. Европейские исследователи отмечают необходимость создания единой системы глобального демократического управления, в которой государства проводят свою политику автономно по схеме снизу вверх и на основе равноправного сотрудничества складывается единая универсальная модель. Американские исследователи рассматривают такую же систему глобального демократического управления, однако настаивают на том, что в ее основу должна быть положена модель американской демократии.

Ключевые слова: демократия; глобальное управление; равноправное сотрудничество.

THE STRUGGLE OF WORLD POWERS AND THE FUTURE OF DEMOCRACY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

The problem of the future of democracy is of serious concern for the academic community of the Western countries, where democracy has been a stable form of political power. Today it is possible to discern two schools of the study of democracy – European, which is represented mostly by the researches from Germany and France, and the American one. European scholars construct a unified system of the global democratic governance, when democratic countries develop an autonomous

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Борьба мировых сил и будущее демократии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;4:4–11.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-4-11>

For citation:

Antonovich II. The struggle of world powers and the future of democracy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:4–11. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-4-11>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.
iantonovich@mail.ru

system from bottom to top, which produces a unitary, universal model on the basis of the egalitarian cooperation. American researchers in fact envision a similar model of the global democratic governance while suggesting that it is constructed on the basis of the American model of democracy.

Keywords: democracy; global governance; egalitarian cooperation.

Мировые тренды глобализации и взаимозависимости, четко обозначившие себя к концу XX в., были разрушены экспансионизмом США, которые развязали серию войн в целях обеспечения своего гегемонизма, проиграли их и продемонстрировали всем, что идея однополярного мира и эпоха панамериканизма оказались утопией. Масштабы пандемии, повлекшие огромные человеческие жертвы, показали хрупкость структур глобальной взаимозависимости. Государства поспешили с мерами изоляции и с ограничением внешних контактов, пытаясь бороться с глобальной эпидемией в одиночку, что в значительной мере замедлило преодоление ее последствий. Серия испытаний ослабила структуры власти во многих странах, вызвав недоверие к способности их лидеров справляться с новыми вызовами. В западных демократиях усилились авторитарные тенденции и безразличие массового избирателя к электоральным процедурам.

В итоге в США и странах ЕС к власти стали приходить лидеры с неустойчивыми мандатами при минимальных электоральных преимуществах, не способные оправдать надежды большинства граждан. Судьба демократии как формы политического правления в соответствии с волей большинства вызывает особую озабоченность.

Между тем конец XX в. был оптимистической эпохой для демократии. После распада СССР бывшие советские республики, объявившие независимость, одновременно выразили уверенность в необходимости создания общества демократического типа. Лидеры социальных революций в Африке (которые чаще всего заканчивались военными переворотами) неизменно объявляли своей задачей строительство демократии, которую они видели в основном в проведении свободных выборов. В сентябре 1997 г. в Румынии прошла III Международная конференция по новым и восстановленным демократическим режимам. Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем обращении продемонстрировал убежденность в том, что, хотя интерес ООН к демократическим процессам является относительно новым, демократия имеет положительную перспективу. Э. Константинуеску, являвшийся на тот момент президентом Румынии, во вступительном слове подчеркнул важность демократических преобразований в его стране и других государствах бывшего социалистического блока, а также индивидуальных измерений демократии на основе естественного закона: демократия освобождает человека и позволяет ему реализоваться. Он не скрывал озабоченности

теми трудностями, которые стоят перед молодыми суверенными государствами, нацеленными на борьбу за демократию, ведь сама преданность ей не означает только поддержку демократических ценностей. Большинство участников конференции, однако, считали, что главное – не только строить демократические институты, но и получать серьезную помощь от ООН, от богатых стран мира с тем, чтобы демократические процессы получили развитие.

Демократизация объявлялась универсальным процессом, который уже невозможно остановить. В последние годы сложилось почти универсальное представление о том, что демократическая система управления является наилучшей моделью для обеспечения долгосрочных свобод и решения политических, экономических и социальных проблем, которые стоят перед обществом. Однако рекомендации сосредоточивались в основном на констатации важности демократии и предложении путей ее реализации (правовая реформа, борьба с коррупцией и организованной преступностью, содействие политическому плюрализму, создание политических партий, социально-экономические преобразования).

Оптимистический тон в отношении перспектив демократии сохранялся и на специальной юбилейной сессии, и на Генеральной Ассамблее ООН, посвященных анализу итогов 2-го тыс. и перспективам на 3-е тыс. В 2003 г. влиятельный английский журнал *Economist* опубликовал исследование о взаимосвязи капитализма и демократии, посвященное якобы 160-летию юбилею торжества демократических институтов Великобритании. Связывая перспективу развития демократической власти с идеологией либерализма и капиталистической производственной системой, журнал заявил, что «...страны, которые преуспели в обеспечении высоких жизненных стандартов, в течение длительного времени применяли разные формы экономической политики, однако их объединял подход на основе открытой экономики, торговли с привлечением иностранного капитала. К сожалению, не все (имелись в виду развивающиеся страны. – И. А.), за исключением разве что Гонконга, последовали этому принципу, к тому же не все поощряют экспорт и одновременно блокируют импорт¹» [1]. Таким образом, в конце XX – начале XXI в. исследователи социально-политической ситуации в мире однозначно продвигали идею о том, что демократические процессы могут развиваться успешно только при условии капиталистических способов хозяйственно-экономической деятельности.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Начало XXI в. ознаменовала серия войн, инициированных США с привлечением союзников по НАТО. Одержанье военных побед должно было стать предисловием строительства однополярного мира. Все войны, начатые США и странами НАТО в XXI в. (в Ираке, Сирии, Ливии и Афганистане), окончились провалом. Создание однополярного мира при гегемонии Америки оказалось мифом, однако и сегодня США не отказываются от этой идеи, рассматривая объявленные ими цели строительства нового мирового порядка исключительно в аспекте своего господства.

Экономический кризис 2008 г. серьезным образом нарушил систему глобальных экономических взаимосвязей и взаимозависимостей, подверг сомнению эффективность структур власти в развитых странах западного мира, вызвал колоссальное социальное напряжение и протесты в странах Латинской Америки, Африки и Азии. В 1920-х гг. в западных странах, в особенности во Франции, Германии и Великобритании, появилось много исследований, где звучала мысль о том, не означает ли это неизбежный распад капитализма как общественной системы и обладают ли страны Запада потенциалом для восстановления экономики и демократических сил власти.

Немецкий исследователь Г. А. Винклер в книге «Развалится ли Запад?» размышляет о вероятности краха трансатлантического Запада. Сегодня данный вопрос актуален как никогда. Может ли ЕС остановить этот распад? Что нужно сделать, чтобы голос ЕС был единым? Сегодня он «не может заменить Соединенные Штаты, однако похоже на то, что европейские демократии укрепят ценности Запада и переживут президентство Д. Трампа» [2, S. 11]. Говоря о сохранении западных ценностей, Г. А. Винклер демонстрирует однозначную позицию насчет сохранения демократической власти. Серьезные упреки в развивающемся кризисе западных структур власти он адресует Америке и отмечает, что две силы, которые сформировали ее (дух религии и дух свободы), исчерпали себя. Демократия часто приобретает формализованные структуры, имеющие мало общего с волеизъявлением народа и свободой индивида, а религиозный порыв, который воодушевлял первых поселенцев, иссяк и даже утонул в религиозном многообразии и мультикультурализме. Историк высказывает мысль о том, что США погружаются в кризис.

Социальная поляризация Америки ярко проявилась в ходе избирательной кампании 2016 г.: борьба между кандидатами от республиканцев и демократов достигла таких пределов, что вызвала мощные социальные протесты. США пережили цветную революцию, развивавшуюся по сценарию, который они готовили для других стран. И если кто-то надеялся, что эта революция была случайной, то потом она

вспыхнула с новой силой, воплотившись в мощное движение *Black lives matter* («Черные жизни имеют значение»). Сегодня оно несколько успокоилось, однако это спящая сила, которая способна обрести новую интенсивность в условиях дальнейшего кризиса.

Сегодня демократическая система власти США не застрахована от подобных конституционных бурь. Политическая верхушка не способна предпринять шаги, укрепляющие демократические структуры и, самое главное, ликвидирующие социальную поляризацию. Президентство Дж. Байдена лишь усилило ее. Хотя Г. А. Винклер и предполагал, что ЕС окажет положительное влияние на США и снизит их агрессивность, он вынужден признать, что этого не случилось, а судьба ЕС остается под вопросом. Достичь общего согласия не удастся. Противоречия были вскрыты и стали достоянием общественности после выхода Британии из ЕС [2, S. 243].

Г. А. Винклер с немецкой щепетильностью изучает все проблемы Запада. В их числе – неуправляемые миграционные процессы. Противостояние взглядов и интересов политических партий, особенно в Америке, дает мало оснований для оптимистичных прогнозов [2, S. 244].

Мнение Г. А. Винклера подтверждают немецкие социологи А. Реквиц и Х. Роза, которые делают однозначный вывод о том, что старая программа западной демократии и капиталистического пути развития исчерпала себя и требуется новая общественная формула [3, S. 118]. Рост городов и, соответственно, появление новых слоев городского населения, которые не принадлежат ни к низшему, ни к среднему слою, а находятся где-то посередине, становится фактором внутриэтнического и внутринационального кризиса. Специалисты полагают, что западное общество вступило в полосу интенсивной культурной борьбы (наподобие «культуркампа» в немецкой истории, когда канцлером был О. фон Бисмарк). Ее суть заключается в противостоянии между социальными слоями – теми, кто получает выгоду от модернизации, и теми, кто остается вне ее влияния и лишен приносимых ею благ. Современные демократические структуры не могут справиться с этим противоречием. Конфликт между новыми средними и старыми средними слоями, которые уже ощущают падение своего уровня жизни, принимает острые формы и приводит к созданию противостоящих политических лагерей, а также к колоссальному социальному напряжению [3, S. 118].

Демократические системы власти западных стран разрывают серьезные противоречия: с одной стороны – внедрение новых мощных систем управления кризисом, которые ориентируются на получение все большей выгоды, а с другой – постоянно воспроизводимая в обществе склонность к равновесию, которую кризисное управление не только не устраняет, но и усиливает, ибо решает лишь отдельные пробле-

мы и не предлагает программ макроэкономического развития. Это кризис эпохи модерна, которая уже исчерпала себя. По мнению европейских авторов, кризис заключается в том, что индивид, его свобода и потребности вытесняют гражданина. Эгоистичные индивиды, думая только о собственной выгоде, забывают о потребностях нации, государства, населения. Во Франции эти идеи настойчиво высказывает известный социолог Д. Шнаппер.

Характеризуя современную эпоху, исследователи обращаются к мыслям М. Вебера о вреде и засилье бюрократии в обществе, когда наряду с бизнесом она упорно насаждает своего рода подневольность, которая однажды может сделать людей такими же бесправными, какими были феллахи в Древнем Египте. Так, Я.-В. Мюллер отмечает, что господство технологий и императивы труда усилили искушение, связанное с тем, что М. Вебер называл субъективистской культурой. Высшие ценности исчезли из публичной жизни. С одной стороны – безличие и неконтролируемые силы, а с другой – бегство в перевозбужденную субъективность (М. Вебер называл ее стерильной возбужденностью) [4, с. 56–57].

Демократические структуры власти в той форме, в которой они реализуют свою политику в странах Запада, не способны преодолеть разлад современной эпохи, справиться с экономическим кризисом, порожденным эпохой модерна. Данное обстоятельство делает весьма малоперспективным торжество демократической власти в странах Восточной Европы.

По мнению И. Крастева и С. Холмса, исследующих демократическую эволюцию в восточноевропейских странах, неожиданное противоречие состоит в том, что те, кто инициировал революционные преобразования в странах Восточной Европы (сюда он относит и СССР), после победы бархатных революций сами отказались реализовывать демократические модели власти, яркими сторонниками которых являлись. И после 1789 г., и после 1917 г. побежденные враги революций покидали свои страны. После 1989 г. уехали за рубеж именно победившие в бархатных революциях, а не проигравшие. Самые нетерпеливые сторонники скорейших перемен в своих странах больше всего стремились причаститься к гражданским свободам. Поэтому они первыми отправились учиться, работать и жить на Западе [5, с. 60]. Данный процесс требует внимательного изучения. Следует учесть, что мало кто из них вернулся домой, чтобы строить новое идеальное демократическое общество, на борьбу за которое они мобилизовали массы людей. Одновременно с выездом лидеров цветных революций на Запад устремились и граждане стран, ступивших на путь якобы демократического развития. И. Крастев и С. Холмс отмечают, что за 1989–2017 гг. Латвия потеряла 27,0 % населения, Литва – 22,5 %, Болгария – почти 21,0 %. В поисках работы и лучшей жизни в Западную Герма-

нию до 1989 г. отправились 2 млн восточных немцев, или почти 34 % населения. Сразу после вступления Румынии в ЕС в 2007 г. 3,4 млн румын, подавляющее большинство которых были моложе 40 лет, покинули страну. В сочетании со старением населения, низкой рождаемостью и бесконечным потоком эмигрантов это, по всей видимости, и стало главным источником демографической паники в Центральной и Восточной Европе [5, с. 68].

Известный немецкий социолог В. Штреек исследовал соотношение глобализации и демократизации и обнаружил, что либерализм, как идеологическая основа демократического процесса, эволюционировал в неолиберализм, предполагающий чрезмерное утверждение личной свободы, но выразил сомнение в способности демократических институтов обеспечить ее в полном объеме. Полагая, что глобализация является неизбежным и объективным процессом, от которого не удастся уклониться ни одной стране мира, В. Штреек отмечает, что демократии следует адаптироваться к новому глобальному измерению как свободы, так и благополучия. Социолог не склонен рассматривать демократию как структуру власти в отдельно взятых изолированных странах и выступает за единую модель демократического управления, свойственную большинству стран – участников глобализации [6, S. 61–142]. Он одним из первых западных социологов обратил внимание на последствия пандемии, которая нарушила глобализационные процессы и поставила демократические системы перед необходимостью серьезной адаптации, возможной только на основе либерализма. «Вирус, к сожалению, радикализировал множество проблем, – пишет В. Штреек, – которые существовали уже до его распространения: это малая способность капитализма бороться с кризисами, противоречивая деятельность централизованных государств и государственных союзов, малая ориентация на будущее глобализованного неолиберализма» [6, S. 16]. В качестве проекта дальнейшего развития власти и социальных структур он предлагает модель не объединенной Европы, а свободного союза неимперских демократических и суверенных малых и средних государств [6, S. 17]. Пандемия, по его убеждению, обнажила хрупкость глобальных структур взаимодействия и взаимозависимости, объединенных в основном системой финансового господства и информационного тоталитаризма. Без сильного централизованного управления межнациональные объединения неустойчивы и имеют тенденцию разваливаться при первом кризисном ударе.

Следствием глобального управления станет либеральная автократия, предписывающая жесткие законы, которые требуют эффективного исполнения. В. Штреек считает, что такая структура уже обозначает себя в Евросоюзе, однако должны быть обеспечены автономность и независимость малых и средних государств. В этих условиях форма

демократии нарушается и приобретает два измерения: с одной стороны – демократическая структура власти в малых и средних государствах (государственность снизу), а с другой – глобальное управление (государственность сверху). Сосуществовать они могут только на основе неолиберального подхода к реализации властных полномочий и государственных программ. Главным признаком такого государства должен быть суверенитет: «...демократия нуждается в суверенитете. Восстановление демократии требует восстановления суверенитета» [6, S. 490]. В. Штреек убежден в том, что никакое восстановление демократии в кризисных условиях современности невозможно без международного социального верха. «Малые государства эта структура не разрушает, но поощряет самоизбираемые горизонтальные связи между государствами, хотя и отрицает возможность иерархических радикальных объединений» [6, S. 490].

Демократический либеральный миропорядок, по убеждению социолога, возможен только через поощрение нижних демократических структур, которые порождают динамику снизу вверх к сотрудничеству и равноправному объединению. Восстановление глобальных взаимосвязей, нарушенных пандемией, требует совершенствования демократии именно в этом направлении. Государства в рамках данной структуры должны действовать синхронно и по единой схеме. Если определенное государство выбирает для себя какие-то новые, свойственные только ему пути, образуются пробелы в общей динамике геополитических проектов, что со временем обязательно приведет к кризису.

Американские авторы, разделяя необходимость создания глобальных централизованных структур, все же полагают, что американская модель демократии должна получить отражение в этих управленческих схемах и демократический опыт США должен господствовать в международном сотрудничестве в постпандемийный период. Известный американский исследователь Ф. Закария, изучая реализацию демократических процессов в Китае, Индии, исламском мире, говорит о пришествии нелиберальной демократии, которая может стать серьезным препятствием для развития. В этом случае демократический процесс начнет дробиться и будет представлен объединениями, каждое из которых преследует свою цель. Демократия перестает быть школой компромисса, а становится ареной ожесточенной борьбы, где все средства хороши и побеждает тот, кто обладает наибольшим количеством средств [7, p. 59–89, 118–190].

Демократические вызовы богатому миру, по мнению американского исследователя Р. Янгса, сегодня мало чем отличаются от вызовов, стоящих перед молодыми и развивающимися государствами. Международная повестка дня, расширение за-

щиты и углубление демократии обычно указывают направление к миру за пределами Запада, поэтому задача заключается не в том, чтобы определить, в чем состоит это развитие, а в том, как его обеспечить [8]. Такой транзит западных моделей в молодые суверенные государства долгое время был обычной практикой. Сегодня он нарушается в основном авторитарными видоизменениями демократических структур власти.

В данном контексте вызывают сомнения эффективность демократической системы власти и способность мирового сообщества противостоять угрозам. Р. Янгс полагает, что проблемы, характерные для западного типа демократии и демократических систем молодых государств, во многом схожи и решаются с большим трудом только потому, что классические демократические структуры западного типа не способны разработать эффективные механизмы для разрешения кризиса в современных условиях [8, p. 84].

Р. Янгс пишет, что «либеральная демократия чувствует себя весьма некомфортно, попадая в жесткий фокус критических оценок» [8, p. 88]. Однако, по его убеждению, дело не в самой демократии, а в том, что процессы глобализации, порождающие новые экономические кризисы, в первую очередь требуют внимательного анализа, а уже потом – адаптации демократических структур власти для их решения: «...глобализация и наступающие экономические кризисы лежат в основе необходимости переосмысления демократии. Все увеличивающееся противоречие между демократической жизнеспособностью и экономическим глобализмом является, пожалуй, главным фактором, который должен определить направление дискуссии. Предположение о том, что либеральная экономика полностью соответствует устоям либеральной демократии, сегодня подвергается более внимательной и критической оценке, чем, скажем, 10 лет назад» [8, p. 88]. Аналитики выражают мнение, что суверенитет рынка подрывает дух и основу демократии. Социал-демократы настаивают на том, что в настоящее время больше, чем когда-либо, экономическая и политическая сферы нуждаются в демократии в том виде, в каком она формировалась на Западе и вторгалась в общественную жизнь других регионов мира.

Существует четыре варианта демократии. Первый – это рассудительная демократия. Ее суть состоит в том, что все общественные проблемы должны подвергаться открытому обсуждению и только на основе его итогов возможно принятие решений в той или иной сфере. Второй вариант – ассоциативная демократия. Она предполагает объединение групп людей, которые способны обеспечивать общественную солидарность, устойчивость структур власти и непрерывность производственно-экономических процессов. Третий вариант – демо-

кратический консенсус. Без согласия большинства граждан демократические процедуры не дают необходимых результатов, особенно в ликвидации кризисных явлений. Четвертый вариант – эгалитарная демократия. Столкнувшись с поляризацией общества, в основе которой лежит поляризация богатства и бедности, демократические процедуры с трудом реализуют главную задачу обеспечения равенства в правах. Обладатели богатства и власти всегда находят средства для того, чтобы развернуть демократическое обсуждение в сторону собственных интересов [8, p. 89–90].

Можно сказать, что указанные варианты демократии – это различные ее оттенки. В ходе реализации властных полномочий то один, то другой из этих оттенков выступает на передний план. В XIX–XX вв. демократия была в основном преимуществом западного мира, и ни эти оттенки, ни формы демократической власти, ни разновидности демократических полномочий не имели большого значения при условии, что принципы либерализма, обеспечивающие функционирование демократии западного типа, сохранялись. Кризисы XX и XXI вв. подорвали авторитет западных демократических структур. «Запад сегодня намного меньше уверен в себе, чем раньше, – пишет Р. Янгс, – он больше склонен сомневаться в действенности своих систем и задумываться об альтернативных путях реализации собственной политики. Хотя западные и незападные государства не занимаются взаимным изучением демократического опыта, активный обмен политическими идеями все-таки идет. При этом основным стимулом для переосмысления реальности демократии выступает финансовый кризис. Данное переосмысление обладает позитивным потенциалом. В конце концов плюрализм является основой демократической привлекательности и легитимности. Классическая концепция Г. В. Ф. Гегеля о конкретной универсальности действительна и сегодня: поиск новых форм должен быть направлен на ценности, которые являются общими для всех. Мир должен управляться не только духом демократии, но и духом свободы» [8, p. 102].

Р. Янгс считает необходимым соблюдать условия общественного управления, которые обеспечивают его нахождение в структуре демократической власти. Первое условие заключается в реализации индивидуальных прав через достижение чувства общей идентичности. Главным здесь Р. Янгс считает прозрачность всех демократических процедур, живую общественную дискуссию, способность выражать свое мнение и нацеленность на решение общих задач. Второе условие состоит в том, что должны быть созданы механизмы, позволяющие обеспечить более широкое участие граждан в процессах принятия экономических решений. Оно возможно в рамках более тесного сотрудничества меж-

ду руководителями бизнеса, владельцами капитала и рабочей силой. Р. Янгс не упоминает профсоюз как возможную форму такого взаимодействия, но считает необходимым создание подобных совместных комитетов. Третье условие предполагает, что перемена лиц – обладателей высшей власти должна отвечать основным проявлениям гражданской активности, под которой Р. Янгс имеет в виду привлечение широких масс электората для определения направлений развития общества, максимально отвечающего потребностям настоящего момента и задачам преодоления кризисов. Четвертое условие состоит в стремлении к тому, чтобы новые социальные институты и объединения не формировались в группировки сил, которые обходят деятельность демократических структур и подрывают их. Пятое условие заключается в необходимости поддерживать бесперебойное функционирование правовых систем и создание гарантий легитимности в реализации стандартов прав человека [8, p. 161]. Р. Янгс называет эти условия необходимыми факторами поддержки демократии. Сегодня в обществах западного типа и других регионах мира как раз не хватает такой поддержки. Ее суть состоит в непрерывном проектировании реформ, которые устраняют социальные проблемы, изменяя общественную жизнь к лучшему.

Нетрудно заметить, что в многочисленных западных рекомендациях по совершенствованию демократии предлагается внедрение ее классических принципов, которые реализуются в западных странах. Запад исследует мировое состояние демократии исключительно с точки зрения распространения американской модели.

Основой демократии и успешного развития Дж. Курляндчик называет средний класс. Для того чтобы он стал решающей силой демократических процедур, необходимо, чтобы его представляло большинство населения. Сверхзадачей демократического развития он называет противостояние авторитарным структурам власти, когда избранные автократы стремятся сохранить свою власть, а не трудиться на благо народа. Специалист предлагает серьезно изучать процессы исполнения политической власти в Китае и направлять эту страну на реализацию классических демократических процедур. Дж. Курляндчик рекомендует воздержаться от избрания ярких личностей в качестве представителей власти: «Они могут эволюционировать в автократов, стремиться уничтожить демократические процедуры и обеспечить сползание страны к тирании. Это остановит развитие, сделает страну мировым изгоем и нарушит единство распространения демократического процесса по всему миру» (цит. по [8, p. 193–228]).

Западные исследователи уверенно рекомендуют свой тип демократии главным образом пото-

му, что это наиболее сложившаяся структура власти, которая более 200 лет умело ликвидировала возникающие угрозы и обеспечивала стабильное развитие общества. Устойчивость этой модели, по мнению русских исследователей, обозначила себя уже в конце XIX – начале XX в. В частности, русский исследователь М. Назаров пишет: «К началу XX века западные демократии уже представляли собой юридически власть народа, фактически – власть денег, инструментом же осуществления власти стало потакание низменным инстинктам людей, что и усилило тенденцию к новому варварству, к духовному рабству в мировом масштабе. Чем демократичнее становится мир в западном понимании, тем несвободнее он был с христианской точки зрения, попадая в рабство силам зла» [9, с. 509]. Силы зла – это примат частной собственности в распределении общественного продукта, перманентно производящий и воспроизводящий условия неравенства и подчинения, которые нарушают принципы, заложенные буржуазными революциями (свобода, равенство и братство). Эта структура власти чужда принципам социальной справедливости и личной свободы.

Тем не менее пропаганда стереотипа западной демократии представляется ее адептам наиболее приемлемой в американском варианте. Сегодня она составляет одну из важнейших стратегических целей политики США. В то время как одни авторы, исследуя принципы демократии с точки зрения их эффективности и необходимости совершенствования, выдвигают позитивные рекомендации по модернизации демократических структур власти, другие – жестко обличают социальное неравенство, деградацию политической демократии и заужение национального суверенитета как одного из непреодолимых недостатков демократии буржуазного типа.

Важнейший акцент в реализации задачи совершенствования демократии Дж. Байден видит в укреплении демократических институтов и предоставлении необходимого демократического опыта миру: «Я никогда не буду сомневаться в необходимости защиты народа Америки, включая, если необходимо, использование силы, – пишет он, – из всех ролей президента, которые должен исполнять президент

Соединенных Штатов, ни одна не является более важной по последствиям, чем роль главнокомандующего. Соединенные Штаты обладают самой мощной военной силой в мире, и, как президент, я буду стараться обеспечить, чтобы эта сила сохранилась, генерируя инвестиции для экипировки наших войск, делая их способными противостоять вызовам столетий, но применение силы должно быть не первым средством» [10, р. 21]. Безусловно, реальность политической стратегии Америки диссонирует с утверждением о мягкой силе, содействующей распространению демократии всюду в мире. Мягкая сила хороша только на начальных этапах, для завершения процесса необходимы жесткость и твердость геополитических действий. О готовности к такой жесткости американцы говорят практически непрерывно.

Именно эти тезисы нынешнего американского президента подхватила академическая элита США. Делая акцент на необходимости реализации тезиса: «Америка превыше всего», – новая власть считает важным распространить американскую модель демократии по всему миру. Америка выдает свои цели и интересы за цели и интересы всех стран. Борьба за совершенствование демократии становится фактически борьбой за ее торжество по всему миру. Значительным компонентом этой борьбы должна стать идея многообразия демократических структур власти, достаточно полно и четко отражающих социально-экономические, культурные, этнические условия каждой из стран, вступивших на путь демократического развития. Однако в случае реализации в этих странах собственного варианта демократии американская модель в том виде, в каком она утвердилась в западном мире, будет подвергаться критическому осмыслению. Борьба за демократию является реальностью современного мира, а демократия при всех ее недостатках показала, что в течение более 2000 лет она является формой власти, наиболее полно выражающей широкое общественное мнение и отвечающей интересам всех граждан. Но существующие философские, социологические и политологические концепции демократии, отражающие реальность ее процессов в историческом измерении, не сформировали единой идеальной модели, пригодной для всех времен, эпох и народов.

Библиографические ссылки

1. Emmott B. Radical birthday thoughts. *Economist* [Internet]. 2003 [cited 2022 October 14]. Available from: <https://www.economist.com/special-report/2003/06/28/radical-birthday-thoughts>.
2. Winkler H.A. *Zerbricht der Westen? Über die gegenwärtige Krise in Europa und Amerika*. München: C. H. Beck; 2017. 493 S.
3. Reckwitz A, Rosa H. Wir brauchen eine neue Gesellschaftsform. Das alte Programm ist ausgeschöpft. *Der Spiegel* [Internet]. 2021 [zitiert 14. Oktober 2022]. Verfügbar unter: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/andreas-reckwitz-und-hartmut-rosa-deutsche-soziologen-und-ihre-zukunftsvision-a-f7716e35-6857-4bd5-825d-7ffa9670ba01?context=issue>.
4. Мюллер Я.-В. *Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века*. Яковлев А, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2014. 400 с.
5. Крастев И, Холмс С. *Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию*. Москва: Альпина Паблишер; 2020. 354 с.

6. Streek W. *Zwischen Globalismus und Demokratie. Politische Ökonomie im ausgehenden Neoliberalismus*. Berlin: Suhrkamp; 2021. 538 S.
7. Zakaria F. *The future of freedom: liberal democracy at home and abroad*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 301 p.
8. Youngs R. *The puzzle of non-Western democracies*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace; 2015. 212 p.
9. Назаров М. *Тайна России. Историософия XX века*. Москва: Русская идея; 1999. 734 с.
10. Biden J. Why America must lead again. *Foreign Affairs* [Internet]. 2020 [cited 2022 October 14]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

References

1. Emmott B. Radical birthday thoughts. *Economist* [Internet]. 2003 [cited 2022 October 14]. Available from: <https://www.economist.com/special-report/2003/06/28/radical-birthday-thoughts>.
2. Winkler HA. *Zerbricht der Westen? Über die gegenwärtige Krise in Europa und Amerika*. München: C. H. Beck; 2017. 493 S.
3. Reckwitz A, Rosa H. Wir brauchen eine neue Gesellschaftsform. Das alte Programm ist ausgeschöpft. *Der Spiegel* [Internet]. 2021 [zitiert 14. Oktober 2022]. Verfügbar unter: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/andreas-reckwitz-und-hartmut-rosa-deutsche-soziologen-und-ihre-zukunftsvision-a-f7716e35-6857-4bd5-825d-7ffa9670ba01?context=issue>.
4. Myuller Ya-V. *Spory o demokratii. Politicheskie idei v Evrope XX veka* [Controversy about democracy. Political ideas in Europe in the 20th century]. Yakovlev A, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2014. 400 p. Russian.
5. Krastev I, Kholms S. *Svet, obmanuvshii nadezhdy. Pochemu Zapad proigryvaet bor'bu za demokratiyu* [The light that deceived hopes. Why the West is losing the fight for democracy]. Moscow: Al'pina Publisher; 2020. 354 p. Russian.
6. Streek W. *Zwischen Globalismus und Demokratie. Politische Ökonomie im ausgehenden Neoliberalismus*. Berlin: Suhrkamp; 2021. 538 S.
7. Zakaria F. *The future of freedom: liberal democracy at home and abroad*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 301 p.
8. Youngs R. *The puzzle of non-Western democracies*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace; 2015. 212 p.
9. Nazarov M. *Taina Rossii. Istoriosofiya XX veka* [Secret of Russia. Historiosophy of the 20th century]. Moscow: Russkaya ideya; 1999. 734 p. Russian.
10. Biden J. Why America must lead again. *Foreign Affairs* [Internet]. 2020 [cited 2022 October 14]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2022.
Received by editorial board 22.11.2022.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ROUND TABLE

УДК 140.8

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

**А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, Д. К. БЕЗНЮК¹⁾, И. М. БОГДЕВИЧ²⁾, П. А. ВОДОПЬЯНОВ³⁾,
И. Д. ВОЛОТОВСКИЙ⁴⁾, А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾, А. К. МАМЕДОВ⁵⁾,
М. А. МОЖЕЙКО⁶⁾, А. В. РУБАНОВ¹⁾, Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾, В. К. ЩЕРБИН⁷⁾**

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт почвоведения и агрохимии НАН Беларуси, ул. Казинца, 90, 220108, г. Минск, Беларусь

³⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

⁴⁾Институт биофизики и клеточной инженерии НАН Беларуси,
ул. Академическая, 27, 220072, г. Минск, Беларусь

⁵⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

⁶⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

⁷⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Обсуждается широкий спектр проблем, связанных с новыми вызовами и перспективами современного социума. Исследуются тенденции глобальной нестабильности, био- и киберопасность, проблемы пандемии, цифровизация, которые ведут мир к экономическому, экологическому и антропологическому кризису. Отмечается, что в период глобальной нестабильности формируются связи и взаимодействия, которые фиксируют новые социальные изменения, иную целостность. В таких условиях современность воспринимается не как завершённый проект, а как процесс обновления социальной реальности и представлений человека об обществе. Катализаторами перемен на пути к будущему предстают ценности, отражающие преобразование жизненных смыслов под влиянием социальной жизни. Новые риски и вызовы мотивируют перезагрузку ценностей, которые проходят апробацию в недрах культуры и только после этого становятся идеалами для подражания и воспроизводства. Делается вывод о том, что сегодня происходит

Образец цитирования:

Данилов АН, Безнюк ДК, Богдевич ИМ, Водопьянов ПА, Волотовский ИД, Зеленков АИ, Мамедов АК, Можейко МА, Рубанов АВ, Титаренко ЛГ, Щербин ВК. Современный социум: новые вызовы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;4:12–33.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-12-33>

For citation:

Danilov AN, Bezniuk DK, Bogdevich IM, Vodopiyanov PA, Volotovskiy ID, Zelenkov AI, Mamedov AK, Mojeiko MA, Rubanau AV, Titarenko LG, Shcherbin VK. Modern society: new challenges and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:12–33. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-12-33>

Сведения об авторах см. на с. 33.

Information about the authors see p. 33.

очередная смена вех. Современность предъявляет свои требования к процессам в обществе и во многом определяет ход глобальной эволюции как путь восхождения сложных систем к более высоким уровням организованности.

Ключевые слова: современный социум; новые вызовы и риски; социальные изменения; социология жизни; кризис техногенной цивилизации; клеточная парадигма; экологическая беспечность; междисциплинарный синтез; жизненный мир; язык современной социологии.

MODERN SOCIETY: NEW CHALLENGES AND RISKS

**A. N. DANILOV^a, D. K. BEZNIUK^a, I. M. BOGDEVICH^b, P. A. VODOPIYANOV^c,
I. D. VOLOTOVSKY^d, A. I. ZELENKOV^a, A. K. MAMEDOV^e, M. A. MOJEIKO^f,
A. V. RUBANAU^a, L. G. TITARENKO^a, V. K. SHCHERBIN^g**

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Soil Science and Agrochemistry, National Academy of Sciences of Belarus,
90 Kazinka Street, Minsk 220108, Belarus

^cBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^dInstitute of Biophysics and Cell Engineering, National Academy of Sciences of Belarus,
27 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

^eLomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

^fBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^gCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The round table is devoted to the discussion on a wide range of problems related to new challenges and prospects for the development of modern society. These are the challenges of global instability, bio- and cybersecurity, pandemic problems, digitalisation, which all lead the world to large-scale crises: economic, environmental, anthropological, etc. In the conditions of global instability, there is a rise of connections and interactions that fix new social changes, some other integrity, and the crisis of the technogenic civilisation. In this case, modernity is perceived not as a completed project, but as a process of updating social reality, a person's ideas about society. It includes the main aspects of human relations to the world, and opens up a great civilisational diversity, which only grows with time. The catalysts of change on the way to a new modernity are values that reflect changes in life meanings under the influence of social life. Constantly emerging new risks and challenges motivate the reset of values that are tested in the depths of culture and only after that become ideals for imitation and reproduction. Currently, there is another change of milestones. Modernity imposes its own requirements on the processes taking place in society, and largely determines the course of global evolution as the path of ascent of complex systems to higher levels of organisation and complexity.

Keywords: modern society; new challenges and risks; social changes; sociology of life; crisis of technogenic civilisation; cellular paradigm; ecological carelessness; interdisciplinary synthesis; life world; language of modern sociology.

А. Н. Данилов: Тема круглого стола посвящена новым вызовам и рискам, которые неизбежны на пути развития современного социума. Это глобальная нестабильность, био- и киберопасность, проблемы пандемии, цифровизация, ведущие мир к экономическому, экологическому и антропологическому кризису. Предстоит не только обозначить и охарактеризовать новые вызовы, но и оценить масштаб их возможных негативных последствий и предложить профилактические меры. Сегодня это одно из самых важных направлений в науке. Возможностями социологии здесь не обойтись, поэтому на данной встрече присутствуют представители как гуманитарных, так и естественных наук: философы, биологи, аграрии, экономисты, науковеды и, конечно, социологи.

Социология носит междисциплинарный характер. Важнейшим фактором ее становления являлись

успехи естественных наук: физики, математики, астрономии и биологии. Большой вклад в осмысление развития социологии жизни внес выдающийся современный ученый Ж. Т. Тощенко. Его блестящая работа «Социология жизни» (2016) стала отправной точкой академической институционализации этого направления науки.

Во второй половине XX в. резко обозначились глобальные кризисные явления в экологической и антропологической сферах. В XXI в. произошло обострение нерешенных проблем. Новые независимые страны, образовавшиеся после распада Советского Союза, оказались не в состоянии справиться с этими вызовами. Последствия распада СССР оказались намного серьезнее, чем предполагалось. Необходимо было не только преодолеть политические и социально-экономические вызовы, но и противостоять последствиям ценностного разлома. А это,

как показала жизнь, не происходит быстро. Предстоит более тщательная ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, а также переосмысление собственных ошибок. В качестве основы нравственного самосохранения и необходимого условия обеспечения безопасного будущего должен быть утвержден новый гуманизм, проповедующий мировоззрение, которое связано с возвращением способности осознавать смыслы человеческого бытия.

В условиях кардинальных преобразований меняется проблемное поле науки, тематика исследований, что требует выхода на новые теоретические обобщения и обновления теории и методологии анализа. Происходит очередная смена вех, когда в рамках действующих парадигм становится тесно, а их будущее развитие не совсем очевидно. Современность предъявляет свои требования к социальным процессам и во многом определяет ход глобальной эволюции как путь восхождения сложных систем к более высоким уровням организованности.

Перемены всякий раз мотивируют исследователей выйти за пределы познанного. Социолог, осмысливая реальность и используя имеющийся социальный опыт, модели, динамику ценностей, выстраивает новое понимание современности. Философская рефлексия – это тонкий инструмент познания неизвестности, возможность расширить рамки, предвидеть будущее. В. С. Стёпин отмечал, что преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Крупные социальные преобразования невозможны без изменений в культуре.

На этом пути возникает риск положить в основу новой стратегии развития те ценности, которые уже приводили страну к кризису. Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и исторических черт конкретной страны. Современность предъявляет свои требования к социальным процессам, обозначая перед ним новые вызовы и риски.

А. К. Мамедов: Шок будущего не только наступил, но и отчасти пережит. Он оставил после себя смерть текста – символически обозначенный крах способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Констатация положения о языке как о доме бытия, где человек конструирует себя и свой мир в слове, подводит нас к вопросу о правилах и границах конструирования реальности. В коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна. Прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая чуд-

ные и метафоричные конструкты. Текст, как скрипач М. Шагала, позволяет совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры, где предлагается не история как устоявшаяся данность, а фантазийные повествования автора. Цельного текста, каким он был в средневековом дискурсе, больше нет. В качестве альтернативы предлагается многослойность текста, живущего в собственной системе координат. Создавая множественность часто противоречивых истин, текст отходит от реальности, но одновременно порождается действительностью, а значит, является истинным. Остаются слова, образ, корреляты, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует. В современной научной парадигме особенно остро стоит проблема деконструкции текста, так как фреймирование социального поля и детерминантов этого дома бытия определяет тренды социального развития. С позиции теории социальной коммуникации воспроизводство текстов рассматривается как ключевой социокультурный механизм включения сознания в социальное сотворчество. Говоря о смерти текста, мы отмечаем трансформацию целостной концепции (коммуникативного намерения), определяющей функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками информации как единицы коммуникации становятся триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, которые характеризуют текст в традиционном понимании, в частности связанность и полнота, т. е. способность демонстрировать качества системы, постепенно утрачивают значение в социокультурной практике. В научном дискурсе проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI в. Если для постмодернистов суть научной креации заключалась в сотворении новых концептов и производстве текстов, то в настоящее время изрекать истину уже необязательно, цель – играть в нее на публике. Современная мысль не просвещает, а прежде всего эпатажирует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу базовый символический капитал – известность. Она достигается с помощью профессионального артистизма, основанного на интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). В этой игре можно обойтись без настоящего философствования (настоящий философ не обращается к готовой философии, а создает свою), его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования. Ради достижения известности и повышения персонального статуса современная текстовая деятельность стремится к эпатажу, интертекстуальности и комментированию (вместо создания собственного оригинального текста).

Эпатаж, гипертекст и комментарии свидетельствуют о трансформации прежнего способа ретрансляции научного знания широкой публике. Это привычный

способ передачи нейтральных, эмоционально не окрашенных и интеллектуально отчужденных от персонального авторства конгломератов информации. Такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов.

Современное гуманитарное наукотворчество переходит (перешло) в поле прагматической коммуникации, где наиболее ценным навыком оказывается способность продемонстрировать личный статус и персональный образовательный уровень в форме терминологических игр. Гуманитарное наукотворчество признается его акторами, что в той или иной мере следует более общей модели современной сетевой коммуникации. Вместе с тем указанные характеристики настоящего бытия текста свидетельствуют о его смерти, поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это выступает предпочтительным наполнением человеческой жизни, свидетельством той самой лени ума, которая двигает технологический прогресс. Сетевая коммуникация примечательна своим способом существования во времени: единожды возникнув, сетевой контент не исчезает. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет трактовать сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся. Единственной преградой для нее может стать цензура – пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Данное обстоятельство обусловлено принципом устройства сетевой коммуникации: «Все (говорят) для всех (кто отвечает)». Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется посредством собственного специфического образа. Каждый современный релизер предлагает текст, который развивается и дополняется комментариями, но в значительно большей степени оценивается коммуникативным сообществом. Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют в условиях информационного перепроизводства. Человек помещает себя в «зеркальную комнату», где обилие информации порождает девиацию восприятия. Успешность сетевой коммуникации обеспечивается благодаря соответствию критериям привлекательности для ее присвоения путем комментирования или иного действия (предложение перейти по ссылке, подписаться на обновления, т. е. добавить информацию в свое медийное пространство). Научно-техническая революция привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды. Человек, и без того ограниченный органами чувств, в своей производственной, художественной, досуговой деятельности все больше привязывается к ограничению техническими устройствами, очерчивающими объект вос-

приятия и создающими иллюзию полноты и объективности репрезентации. Социальная и культурная депривация не только и не столько преодолеваются, сколько воспроизводятся в новой среде, а избирательность интереса становится предметом коммерческого использования. Обсуждение текста все чаще уступает место обсуждению комментариев, а также интерпретациям. В то же время иерархия этих интерпретаций обеспечивается не авторством текста или квалификацией эксперта, а сетевым статусом актора. Следовательно, резонанс текста все менее обеспечен содержанием, а все более тем, кем и в каком направлении развивается дискуссия по его поводу. Массовые коммуникации, которые реализуются сетевым образом, нацелены на недопущение поисков обходного пути. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти затрагивает проблему цифрового неравенства). Она отражает массовидный сетевой рост конкуренции и числа источников сообщений (присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Этими зонами стали интернет-площадки, набирающие наибольшее число фолловеров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается над тем, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений.

Тексту будущего отведена роль стимула-триггера, т. е. побуждения сложноорганизованной информации вернуться к роли сигнала, как это было на заре теории коммуникаций. Смерть текста – трансформация его роли, при которой он постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную репрезентативную функцию представления реальности. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь о его апелляционной, или побуждающей, функции. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения на существование, а не просто апеллирует к адресату, ее можно рассматривать как триггерную. Если раньше через имманентную функцию текста можно было вступать в резонанс, то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва) каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные проявления современной сетевой коммуникации характеризуют два типа реакции:

- 1) по принципу раппорта (однозначное принятие текста как своего, что уничтожает его атрибуцию через институт авторства);

- 2) по принципу эпатажа (привлечение внимания аудитории релизера и повышение своего статуса с помощью комментариев, лайков и т. д.).

Количественный рост и усиливающееся значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста требуют существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации и цифровизации попытки создать текст из реальности привели к обратному результату: текст начал создавать свою реальность.

Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с функциональными характеристиками текста. Среди них можно выделить следующие:

1) недостаточность текста как средства репрезентации реальности (отсюда феномен популярности *big data*, стремление работать с информационными базами);

2) уход текста в прагматичность (столетняя история этого ухода, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации);

3) импликация функций текста (глагольность, как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловила лингвистический поворот, связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка).

Следует отметить, что общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Сознание, материализованное в виде общества, не свидетельствует ни о чем и не подразумевает ничего, но является самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая не проявляется на уровне общества. Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века (перемещение народов, отказ от традиционных устоев, научно-технический прогресс). Традиционные тексты утратили прежнее значение (особенно в своей способности фиксировать социальный опыт). Наиболее существенными характеристиками современной коммуникативной среды, ставшими «могильщиками» текста, стали политональность, триггерность, контентность.

И. Д. Волотовский: В выступлении речь пойдет о стратегии развития белорусской науки. Необходимо поставить вопрос: «Какой будет биологическая наука через 25 лет?» Если бросить ретроспективный взгляд на развитие биологии, можно констатировать, что за последние 20 лет она радикально изменилась. В первую очередь это касается физико-химической биологии, изучающей молекулярные, мембранные и клеточные механизмы функционирования биологических систем животного и растительного происхождения и разного уровня организации. Изучено детальное строение и механизмы функционирования большинства внутриклеточных систем. Расшифрован генетический код. Получен ответ на вопрос: «Почему количество генов в геноме человека не превышает 29 000, а число белков

составляет сотни тысяч, хотя всегда считалось, что один ген кодирует один белок?» В течение последних 15–20 лет Нобелевские премии присуждены за открытие явления РНК-интерференции, за работы в области стволовых клеток (эмбриональных и индуцированных плюрипотентных), установление механизмов апоптоза и изобретение методов ядерно-магнитного резонанса и магнитно-резонансной томографии. Над стратегией будущего развития нужно еще работать, включив в ее содержание задачи, решение которых требует принципиально новых подходов.

Перейдем к изложению прорывных разработок, которые рассматриваются в качестве выдающихся достижений биологической науки начала XXI в. В 2008 г. журнал *Science* признал генетическое редактирование соматических клеток и превращение их в индуцированные плюрипотентные стволовые клетки (ИПСК) главным научным прорывом года. Этому заявлению предшествовала большая исследовательская работа, связанная с приданием обычным соматическим клеткам организма, например фибробластам, генетических и фенотипических признаков, свойственных эмбриональным стволовым клеткам (ЭСК). Как известно, ЭСК образуются путем деления внутреннего клеточного материала в бластоцисте, образующейся после оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом на ранних стадиях развития зародыша. Оказалось, что первичные зародышевые эмбриональные клетки, получившие название стволовых, могут размножаться в культуре и превращаться (дифференцироваться) в любые клетки всех трех зародышевых листков эмбриона, т. е. обладают плюрипотентностью. По мере продвижения эмбриогенеза к финишу (образованию сформированного организма) клеточные участники этого процесса снижают уровень своей потентности, т. е. сужают спектр клеточного разнообразия при дифференцировке в ряду: тотипотентность → плюрипотентность → мультипотентность → бипотентность → унипотентность. Такое поведение, как установили авторы открытия К. Такахаши и С. Яманака, основывалось на контроле биосинтетических процессов особыми транскрипционными факторами – регуляторными белками, контролирующими экспрессию генов. Гены, кодирующие указанные транскрипционные факторы, представлены в геноме клетки, но в реальных условиях их экспрессия репрессирована. Казалось бы, зная, какие транскрипционные факторы ответственны за дифференцировку клетки, достаточно снять блок с их экспрессии. К. Такахаши и С. Яманака не знали, как это сделать, поэтому пошли по другому пути, введя в фибробласты мыши новые экзогенные гены указанных белков, характеризующиеся высокой экспрессией. Так были получены ИПСК. Они имели сходную с ЭСК морфологию и ростовые свойства,

экспрессировали типичные для ЭСК маркеры и, самое главное, проявляли плюрипотентность – способность дифференцироваться в любые специализированные клетки организма.

Судя по литературным данным, наиболее популярными соматическими клетками, из которых получают ИПСК, являются фибробласты кожи. Однако получить ИПСК можно из любых соматических клеток, в том числе из мезенхимальных стволовых клеток, кератиноцитов, клеток периферической крови, нейральных стволовых клеток, гепатоцитов и т. д. Рассматривая механизмы индукции плюрипотентности в соматической клетке, т. е. превращение ее в подобие ЭСК, нужно ответить на два важных вопроса: «Какие события лежат в основе этого процесса? Где они локализованы в клетке?» Теперь совершенно ясно, что они протекают на уровне генетического аппарата соматической клетки и заключаются в запуске экспрессии генов факторов, определяющих свойства ЭСК. Методически это происходит в ходе трансфекции соматической клетки четырьмя генами транскрипционных факторов. Под влиянием продуктов этих генов программа дифференцировки клетки стирается. Снимаются блоки транскрипции многих генов, которые не транскрибируются в реальных условиях специализации. Чаще всего эти гены вводятся в соматическую клетку с помощью векторов на основе рекомбинантных вирусов (ретро-, ленти-, адено-, бакуловирусов). На основе этих генов используют и другие методы доставки генетических конструкций: трансфекцию с помощью липидов и катионных полимеров, электропорацию и нуклеофекцию.

При практически полной идентичности свойств ИПСК и ЭСК первые обладают одним важным преимуществом. ИПСК можно получить из соматических клеток пациентов, т. е. из аутологичного исходного клеточного материала. Этим они обеспечивают пациентоидентичность индуцированных клеток и полное исключение иммунологических конфликтов на уровне клеток, что может иметь место при использовании аллогенных ЭСК. Поэтому в перспективе данное преимущество представляется важным при использовании ИПСК в персонализированной клеточной терапии.

На практике ИПСК используются при формировании банков ИПСК, создании моделей заболеваний человека, скрининге лекарственных веществ, генетическом редактировании стволовых клеток для применения в генной терапии наследственных заболеваний человека, в том числе для изучения их молекулярных и клеточных основ. Так, например, возможность дифференцировки ИПСК, полученных от пациентов, в различные типы клеток позволяет использовать их для тестирования лекарственных соединений вместо соответствующих экспериментов на животных. ИПСК способны расти неограниченное время в культуре *in vitro* (с лат. – «в стекле»),

благодаря чему можно накопить необходимое количество клеточного материала для любых биологических экспериментов, связанных с изучением патогенеза наследственных заболеваний человека.

Широкое использование ИПСК в генной терапии сдерживалось рядом объективных причин. На время открытия ИПСК и последующего бума соответствующих исследований не существовало простой и эффективной технологии редактирования геномов, которая могла бы успешно применяться для коррективки мутаций в генах, удаления из генома дефектных генов или их замены на гены, не несущие ошибки в своей структуре. На данный момент такая технология целевого редактирования геномов разработана. Речь идет о системе CRISPR/Cas9 (от англ. *clustered regularly interspaced short palindromic repeats*), или криспер-системе, представляющей собой эффективный и надежный подход для прецизионного изменения генома живой клетки. Технология базируется на бактериальном CRISPR-ассоциированном ферменте – нуклеазе 9 (Cas9) из *Streptococcus pyogenes*. Данная разработка завершила многолетние попытки исследователей подобраться вплотную к геному клетки и осуществить его редактирование.

Бактерии и археи не имеют свойственной животным и человеку иммунной защиты. Однако оказалось, что у бактерий имеется своя, но гораздо более простая система молекулярного иммунитета, обеспечивающая защиту бактериальной клетки от бактериофагов и других патогенов. Еще в 1989 г. японские исследователи обнаружили в геноме кишечной палочки участок, содержащий многочисленные палиндромные повторы. Его назвали CRISPR-локусом. Это промежутки коротких симметричных палиндромных повторов. Структура повторов была идентична по нуклеотидным последовательностям, а вот у промежутков, или спейсеров, она оказалась вариабельной и часто была гомологичной нуклеотидным последовательностям, обнаруженным в геномах бактериофагов. По сути, спейсер представляет собой генетическую память бактериальной популяции. Другими словами, в спейсерах закладывается на хранение генетическая информация о бактериофагах, которая распознает врага и используется бактериями в уникальной системе защиты от губительного действия этих патогенов. В состав защитной системы входят палиндромные повторы, спейсеры и гены специализированных нуклеаз Cas, в том числе ген нуклеазы Cas9. Возникает вопрос: «Почему нуклеаза помечена цифрой 9?» Действительно, их в бактериальной клетке больше 10, но наиболее подходящей для функционирования криспер-системы оказалась Cas9. Нуклеаза Cas9 содержит два критических домена: один знает целевую нуклеотидную последовательность, а второй обладает нуклеазной активностью. Вместе они осуществляют разрыв двух цепочек ДНК. Если в бактериальную клетку

проникает бактериофаг, след которого остался в геноме бактерии, судьба бактериофага предопределена – с высокой вероятностью он погибнет.

Как же устроена криспер-система? В каждом локусе все палиндромные повторы одинаковы по строению и включают в себя от 24 до 35 пар оснований. Длина спейсеров составляет 21–72 пар оснований, они различаются нуклеотидной последовательностью. К CRISPR-локусу примыкают лидерная нуклеотидная последовательность и гены, кодирующие нуклеазы Cas. Лидерная последовательность выполняет роль промотора, запускающего транскрипцию CRISPR-локуса. Образовавшаяся в ходе транскрипции длинная РНК получила название пре-crРНК, а после ее процессинга – просто crРНК. При этом в каждом из фрагментов системы содержится часть повтора и спейсер. Разрезание двойной нити ДНК осуществляется нуклеазой Cas9 под контролем некодирующих РНК: crРНК и tracrРНК. Комплекс crРНК-tracrРНК-Cas9 и есть основное оружие иммунной системы бактерий. При создании генетических конструкций, экспрессирующих компоненты CRISPR-Cas9, используются химерные молекулы crРНК и tracrРНК, называемые РНК-гидом. Специфичность действия CRISPR-Cas9 зависит от наличия короткой нуклеотидной последовательности спейсера, входящего в состав crРНК бактерии или искусственной sgRNA.

Благодаря спейсерным участкам в ДНК бактериофага узнаются комплементарные им целевые нуклеотидные последовательности, после чего активированные нуклеазы Cas9 расщепляют ДНК. По сути, crРНК и tracrРНК выполняют роль прецизионного путеводителя нуклеазы Cas9 в множестве нуклеотидных последовательностей ДНК-фага. После деградации ДНК каждого нового бактериофага, с которым столкнулась бактерия, ее фрагмент вставляется в качестве спейсера в криспер-систему этой бактерии, т. е. криспер-кассета удлиняется, пополняя бактериальный банк новой информацией. Для успешной реализации действия криспер-системы важную роль играет еще один генетический компонент – РАМ (от англ. *protospacer adjacent motif*). Это короткая нуклеотидная последовательность, состоящая из трех нуклеотидов и локализованная непосредственно после сайта-мишени. Каноническая последовательность РАМ – это 5-NGG-3, где N – любой нуклеотид. РАМ специфичен для конкретного вида бактерий. Только при наличии РАМ комплекс crРНК-tracrРНК-Cas9 распознает мишень и «разрезает» ДНК.

В 2012 г. появились первые публикации, в которых было описано применение системы. Оказалось, что компоненты криспер-системы можно адаптировать к другим геномам, введя ее в эукариотические клетки, в которых она будет работать по заданной программе. Есть возможность при этом с высо-

кой точностью найти в геноме любую нуклеотидную последовательность. Например, в геноме человека насчитывается 3,2 млрд пар нуклеотидов, и на этой протяженности можно разрезать двуспиральную нить ДНК в конкретном месте, удалить или подправить испорченный ген, вставить вместо него другой.

На многих примерах показано, что данный модифицированный генно-инженерный подход высокоэффективен при редактировании геномов микроорганизмов, животных и человека. При этом следует подчеркнуть: за определение целевой нуклеотидной последовательности в криспер-системе отвечает небольшой участок РНК-гида, комплементарный всего лишь 20 нуклеотидам ДНК-мишени.

Каким же образом после элиминации дефекта в определенном гене и всего дефектного гена можно восстановить исходную, но уже отредактированную нуклеотидную последовательность участка ДНК? Здесь может быть несколько вариантов, среди которых ключевое место занимают воссоединение нехомологичных концов NHEJ (от англ. *non-homologous and joining*) и гомологичная репарация HDR (от англ. *homology-directed repair*).

Прогресс биологической науки открыл совершенно неожиданные перспективы использования криспер-системы для решения проблемы наследственных заболеваний. При изучении того или иного наследственного заболевания обычно возникает одна непреодолимая трудность, связанная с его экспериментальным моделированием. Как оказалось, многочисленные экспериментальные модели заболеваний на животных не воспроизводят всего комплекса генетических и фенотипических особенностей заболевания у человека. Криспер-система окажется полезной при моделировании наследственных заболеваний, в первую очередь редко встречающихся в человеческой популяции. Можно ввести в геном мыши ошибки, с которыми связано заболевание, и получить его чистый вариант. После этого открывается перспектива подбора лекарства для лечения наследственного заболевания. Экспериментальные модели полигенных заболеваний, созданные с помощью криспер-системы, дают возможность определить, нокаут каких генов приводит к тем или иным фенотипическим изменениям в клетках, как из клеток формируются разнообразные ткани с различным генетическим фоном и какие молекулярные события происходят при развитии патологического процесса. На основании этих данных разрабатываются программы создания целых органов. Также с помощью криспер-системы в геноме можно проводить коррекцию мутаций, обуславливающих различные наследственные заболевания, например муковисцидоз, миодистрофию Дюшенна, гемофилию, серповидноклеточную

анемию и т. д. Для коррекции мутаций, которые являются причиной заболевания, используют как соматические стволовые клетки человека, так и ИПСК.

ИПСК могут быть получены из любой соматической клетки носителя наследственного заболевания. После индукции плюрипотентности их можно дифференцировать в различном направлении, т. е. превратить в любую клетку организма. Иными словами, в нашем распоряжении может оказаться универсальная модельная система, которая позволяет анализировать патогенез конкретного наследственного заболевания и отрабатывать тактику его лечения, т. е. исправлять генетические дефекты в модели *in vitro* и использовать полученную информацию при разработке методов терапии заболевания.

Главное преимущество этого подхода заключается в том, что он позволяет исключить из результатов вклад генетического полиморфизма, свойственного любому организму. Криспер-система открыла широкие перспективы в решении вопросов повышения результативности генной терапии при лечении наследственных и приобретенных социально значимых заболеваний человека.

Изобретение ИПСК и криспер-системы – это выдающееся достижение биологической науки, развивающейся в тесном сопряжении с медициной, и существенный прорыв в системе наших знаний, значимость которого становится все более очевидной. Можно не сомневаться в том, что массированная атака на наследственные заболевания человека в ближайшие годы принесет положительные результаты.

П. А. Водопьянов: Большое количество нерешенных проблем, новых вызовов и угроз характеризует нынешнее состояние жизни на планете как кризисное и нестабильное. Следует отметить экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, появление ранее неизвестных болезней, таких как COVID-19, контраст между бедными и богатыми, недостаток финансовых средств и т. д. Особую опасность в этих условиях представляют постоянный рост численности населения и ограниченность природных ресурсов и жизненного пространства. Достаточно сказать, что за последние 100 лет численность мирового населения возросла более чем вдвое и составляет уже 8 млрд человек. При этом в развитых и развивающихся странах демографические процессы отличаются принципиальным образом. Если развитые страны характеризуются депопуляцией населения, то развивающиеся государства нуждаются в действенных мерах по сокращению его численности.

Дальнейшая судьба цивилизации зависит от того, какую стратегию будущего выберет мировое сообщество: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению окружающей среды, либо избрать

принципиально новый путь согласования социально-экономического развития с законами биосферы.

Анализ положения дел в развитых странах показывает, что, к сожалению, часто предпочтение отдается варианту, ориентированному прежде всего на достижение высокого уровня потребления. Подтверждением этому служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в загрязнении окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других катаклизмах. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на утверждении коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач экологической политики.

Необходимость изменения стереотипов мышления по отношению к природе диктуется и тем, что важно обеспечить стабильное социально-экономическое развитие при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. К сожалению, в настоящее время не происходит существенных преобразований в сфере социально-экономического развития: увеличивается разрыв в потреблении между бедными и богатыми странами, усиливаются межнациональные конфликты, вспыхивают военные действия, нарастает экономический кризис, затрагивающий практически все мировое сообщество.

Преодолеть глобальную нестабильность позволит не столько решение социально-экономических, экологических и геополитических проблем, сколько радикальное изменение сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей. Необходимо направить усилия на разрешение духовного кризиса. За чрезмерный комфорт и высокий уровень жизни человечеству приходится расплачиваться ухудшением биологического качества популяции. Медицинские исследования показывают, что заболевания, которые ранее были характерны людям пожилого возраста, сегодня затрагивают и молодежь.

На состояние здоровья людей оказывают влияние в основном два фактора. Во-первых, это ухудшение качественных параметров окружающей среды, связанное с интенсивным развитием промышленности и сельского хозяйства, применением ядохимикатов и удобрений и т. д. В результате круговорота веществ токсичные соединения попадают в организм человека и приводят к заболеваниям. Во-вторых, биологическая деградация человека связана с употреблением недоброкачественной пищи, в которую добавляют химически вредные вещества для сохранения вкусовых качеств и длительного хранения продуктов.

Для безопасного развития общества необходимо, чтобы пределы использования невозобновляемых ресурсов не нарушались, а сами невозобновляемые ресурсы регулярно пополнялись за счет их замещения возобновляемыми. Пределы использования возобновляемых ресурсов должны определяться

их естественным воспроизводством. Разумное самоограничение, сохранение пригодной для обитания среды – ключевые принципы экологического мышления, основанного на осознании взаимозависимости процессов в биосфере.

Экологическое мышление тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование мировоззрения, которое утверждает не только приоритетную ценность человека по отношению к самому себе, но и ценность всех живых существ, равноправие по отношению к другим людям, обществу и природе. Ориентация на абсолютный приоритет технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной. Масштабы этой деятельности столь значительны, что биосфера не в состоянии нейтрализовать ее последствия, подрывающие механизмы саморегуляции экосистем.

Один из возможных путей развития цивилизации связан с коэволюционным подходом. Это стратегия сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы, которая предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития. Интенсивное потребление природных ресурсов является одной из причин деградации и разрушения естественных экосистем. Согласно коэволюционной стратегии необходим переход на интенсивный путь экономического развития, связанный с увеличением производительности ресурсов, их экономным потреблением и утилизацией. Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. Объемы потребления природных ресурсов должны компенсироваться их искусственным восстановлением. В качестве универсальной закономерности биосферы выступает биологический круговорот энергии и вещества, в ходе которого происходит взаимное превращение вещества из одной формы в другую (круговорот углерода, кислорода, азота, фосфора и других химических элементов). В то же время в процессе промышленного и сельскохозяйственного производства происходит загрязнение окружающей среды твердыми, жидкими и газообразными веществами, появляются горы отходов, которые не входят в структуру природного круговорота.

Предотвращение такого рода негативных явлений предполагает создание эколого-безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, а также введение запрета на определенные виды деятельности, которые приводят к негативным последствиям. В тех случаях, когда промышленные масштабы значительно превосходят ассимиляционные возможности природных экосистем, необходимо либо снижение, либо прекращение антропогенной нагрузки. В противном

случае в экосистеме произойдут необратимые изменения.

Мир подошел к опасной черте, точке бифуркации, когда использование научно-технических достижений способно привести к гибели человечества. Господствующая до сих пор антропоцентристская ориентация по отношению к природе должна уступить место биоантропоцентристскому подходу, который учитывает необходимость сохранения природы, а также духовного мира и нравственных устоев развития общества. Атрибуты потребительства, стяжательства, личного обогащения и успеха, упоения властью и абсолютной свободой – главные препятствия на пути обеспечения безопасного будущего. Подчинение человека законам природы, поиск путей преодоления опасностей, обусловленных достижениями науки и техники, определяют основные направления коэволюционной стратегии достаточного развития. Стратегия достаточного развития предполагает следующие меры:

- регулирование численности населения;
- снижение индустриального давления на биосферу за счет внедрения природоподобных технологий;
- экономное использование природных ресурсов, замена их искусственными;
- повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий;
- использование альтернативных источников энергии вместо энергии, получаемой от углеводородного топлива;
- изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы;
- формирование нравственности нового типа и нового гуманизма;
- переход к эпохе «нового Просвещения» на основе экологического сознания и мышления;
- коллективные действия по охране окружающей среды.

Выбор путей социально-экономического развития общества непосредственно связан с сохранением природных экосистем, с их способностью самовосстанавливаться. Общество должно удовлетворять свои потребности в соответствии с потенциальными возможностями биосферы. Для достижения этого необходимо снизить индустриальное давление на биосферу до пределов, которые не нарушают ее ассимиляционные возможности, позволяющие воспроизводить ресурсы для человека.

Утверждение новых ценностных ориентаций, основанных на учете законов биосферы, выступает неизбежным условием сохранения жизни на Земле. В нынешних чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом становится иное видение роли природной среды в жизни человечества. Это свидетельствует

о том, что будущее планеты зависит от выбора направлений дальнейшего общественного развития. В условиях перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, общество стремится к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей. Обеспечение безопасного будущего в условиях экстремальной экологической ситуации возможно только путем радикальной смены ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, изменения мировоззренческих подходов, предвидения образа ближайшего будущего.

А. И. Зеленков: Тема круглого стола и содержательные акценты, которые уже были обозначены в ряде выступлений, убедительно свидетельствуют о том, что перед академическим сообществом современных гуманитариев во всей своей непреложной актуальности встает поистине сакраментальный вопрос: «Что и как сегодня может сказать гуманитарная наука обществу, каким образом и в какой форме реагировать на глобальные вызовы и трансформации, потрясающие основы современного миропорядка?» Хотелось бы сконцентрироваться именно на этом вопросе и предложить для дальнейшего обсуждения несколько, возможно, полемически заостренных тезисов.

Во-первых, очевидно, что научно ориентированный дискурс в своих попытках предложить академические версии интерпретации тех событий, которые радикально изменяют современную жизнь (экономическая и социокультурная глобализация, рост международной напряженности, война в Украине, перспектива тотальной цифровизации основных сфер социальной жизни, экспансия высоких технологий, наступление эры «постчеловека» и т. д.), заметно уступает пальму первенства современной публицистике, технологиям массовых коммуникаций, массовой культуре, многочисленным социальным сетям и электронным системам распространения информации. Сегодня любой популярный блогер типа М. Фейгина оперативно и непосредственно взаимодействует с огромной аудиторией и транслирует ей свою версию понимания важнейших событий. Как правило, эта версия субъективно ангажирована, не претендует на глубину и научную обстоятельность, но в ней органично учитываются особенности массового восприятия информации, психологические архетипы коллективного бессознательного, неизбывная потребность массового человека получать простые ответы на сложные вопросы. В данном случае перспектива завоевать внимание этой аудитории и предложить ей научно обоснованные версии и концепции объяснения происходящих

событий в традиции и формах академического дискурса остается весьма призрачной.

Во-вторых, важно учитывать, что в формах массовой коммуникации, как правило, воспроизводится фактологический контекст происходящих событий, доминирует их эмпирически описательная квалификация, мысль скользит как бы на поверхности рассматриваемых явлений. И хотя массовое сознание, как правило, это не тревожит, вне теоретической аналитики и подлинно философской рефлексии сложно рассчитывать на построение адекватных моделей современной социодинамики, тех противоречивых процессов, которые составляют ее часто иррациональную сущность. В связи с этим определенный интерес могут представлять те попытки концептуализации и теоретического объяснения глобальных изменений последних десятилетий, которые имеют место в философском дискурсе и в так называемой философии цивилизаций.

Одно из кардинальных положений философии цивилизаций состоит в том, что адекватное понимание и объяснение изменений в экономическом, политическом, геополитическом и социокультурном пространстве современного мира предполагает отказ от ценностных установок и ментальных стереотипов имперского и религиозного типов самосознания и переход к мировоззренческим ориентациям цивилизационного самосознания. Неслучайно ставшая безусловным бестселлером знаменитая статья С. Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в качестве одной из парадигмальных идей обосновывала именно эту мысль. Важно отдавать себе отчет в том, что в основе, в субстанции происходящих драматических событий лежат не столько случайные конфигурации политических, экономических и властных интересов конкретных личностей и элит, сколько глубинные ценностные ориентации и образы коллективного бессознательного, составляющие суть цивилизационного генотипа нации или народа.

В-третьих, история мысли и цивилизационного развития не раз подтверждала истину, согласно которой переход от явления к сущности, подлинное понимание и объяснение важнейших коллизий и противоречий эпохи предполагают существование в культуре отчетливой интенции на формирование соответствующего уровня философско-теоретической рефлексии и системного осмысления этих коллизий и противоречий. Но после провозглашенного Х. Ортегой-и-Гассетом восстания масс эта миссия теоретической философии чаще декларируется, нежели воплощается в жизнь. В условиях очевидного доминирования ценностей массовой культуры и технологий массовых коммуникаций философия в традиционных для нее формах языкового воплощения и апелляции к просвещенному сознанию сталкивается с рядом новых вызовов.

Прежде всего утрачивается определенность в представлении адресата философских идей и концепций. Властные элиты предпочитают воспринимать их как форму утверждения и апологетики существующего социального устройства, не принимая при этом имманентной для философии критической направленности мысли. Массовый читатель или слушатель делает свой выбор в пользу более близких и понятных ему художественных, религиозных и публицистических произведений. В результате философский диалог замыкается в узком пространстве профессиональной академической коммуникации. И тогда своеобразным утешением для авторов философских трактатов и сочинений становится известная максима: «Рукописи не горят». Философские труды и сочинения либо пишутся в стол, либо обречены ждать своего массового читателя.

Имеет смысл упомянуть еще одну теоретическую амбицию философского познания. Это идея предсказательной сущности философских построений. Она обнаружила свою уязвимость не только в форме марксистской социальной доктрины, но и в различных версиях классического и современного либерализма. В данном контексте гораздо более релевантной и реалистичной представляется философия Г. В. Ф. Гегеля, которая осознанно ограничивает свои познавательные амбиции теоретическим объяснением свершившихся исторических событий.

В предложенной, безусловно, небесспорной версии роли и предназначения в культуре постсовременности не только философии, но и гуманитарной науки в целом своеобразным духовным камертоном может звучать парадоксальная мысль М. Вебера. Согласно идее немецкого мыслителя в период нестабильности и кризиса общество разделяется. Большинство, которое не в силах выносить испытания радикальными переменами, предпочитает ужасный конец. И лишь небольшая часть общества, оставаясь верной своему нравственному и профессиональному долгу, созидает возможное будущее и поэтому способна длить ужас без конца. Профессиональное сообщество философов и гуманитариев самим своим предназначением призвано составлять основу этой героической страты.

И. М. Богдевич: По сути, мы живем в обществе риска, который растет с развитием научно-технического прогресса. В фундаментальных трудах академика В. С. Стёпина определены концептуальные основы формирования мировоззренческих ориентиров, направленных на переход от современной цивилизационной неустойчивости с возрастающими рисками к обществу устойчивого развития. Необходимо обозначить задачи и пути совершенствования системы радиационной и экологической безопасности в агросфере Беларуси.

Рост народонаселения сопровождается увеличением энергопотребления и выброса CO₂ в атмосферу. Наблюдается новый этап развития атомной энергетики, недавно признанной экологически при-

емлемой наряду с использованием энергии из возобновляемых источников. На конец 2021 г. в мире работали 437 ядерных реакторов общей мощностью 389,5 GW(e). Кроме того, в стадии строительства находятся 56 реакторов общей мощностью 58,1 GW(e). Доля атомной энергетики в производстве электроэнергии в мире составляет 9,8 %, во Франции – 69,0 %, в России – 19,3 %, в Беларуси – 14,2 % (1-й реактор).

Является аксиомой то, что общество, которое желает пользоваться благами ядерной энергетики, должно дорасти до определенного научного, технологического и организационного уровня. Каждая ядерная авария является не только бедой, но и мощным стимулятором прогресса в системе ядерной безопасности и радиационной защиты. Это видно на примере преодоления последствий трех крупных аварий, на Южном Урале (1957), в Чернобыле (1986) и Фукусиме-1 (2011), когда выброс радионуклидов в атмосферу был сопоставим с их суммарным выбросом за годы испытаний ядерного оружия.

По мере научно-технического прогресса нарастает и степень интернализации преодоления последствий ядерных аварий. О масштабах аварии на Южном Урале в открытой печати стало известно только после чернобыльской катастрофы, поскольку загрязнение окружающей среды радионуклидами не вышло за пределы территории Советского Союза. Однако за это время сформировались мощные научные школы российской радиоэкологии, радиохимии и радиационной медицины, сыгравшие ведущую роль в ликвидации последствий чернобыльской аварии. В первые годы после нее часть материалов была для служебного пользования. В дальнейшем всю информацию рассекретили. Материалы же по аварии на Фукусиме-1 были общедоступны с первого дня катастрофы.

Масштабы чернобыльской аварии многократно превосходили возможные ресурсы для быстрой ликвидации негативных последствий. Уровни доз облучения для принятия решения об эвакуации населения пересматривались в аварийном режиме по мере развития ситуации. Временно допустимые уровни содержания радионуклидов в продуктах питания в СССР изменялись несколько раз: дважды в 1986 г., а также в 1987 и 1991 гг.

Эффективность неотложных контрмер аварийного периода могла быть выше, если бы опыт ликвидации последствий аварии на комбинате «Маяк» в 1957 г. и других ядерных чрезвычайных происшествий был доступен широкому кругу специалистов и руководителей республиканского, областного и районного уровней. В данной сфере важно международное сотрудничество.

Комплекс мер по ликвидации последствий чернобыльской аварии на территории Беларуси, России и Украины получил высокую оценку 100 международных экспертов Чернобыльского форума, организованного Международным агентством по атомной энергии в 2016 г. Наиболее успешным был признан

опыт Беларуси, который предполагал обязательную реализацию всех научно-технических проектов под контролем президентской вертикали и местных органов управления.

Реализованные защитные меры в аграрно-промышленном комплексе Беларуси предотвратили около 40 % внутренней дозы облучения и обеспечили производство продуктов питания с содержанием ^{137}Cs в 2–5 раз ниже допустимого уровня. В итоге за 30 лет переход ^{137}Cs по пищевым цепям снизился в 20–22 раза, а ^{90}Sr – в 4 раза. Создан фундамент плодородия почв для гарантии производства нормально-чистых продуктов питания.

Специалисты Японии детально и тщательно изучали опыт ликвидации последствий чернобыльской аварии. Определенные результаты использования этого опыта можно было видеть на примере организации неотложных мер после аварии на Фукусиме-1. Землетрясение в Японии началось 11 марта 2011 г. в 14:46, эвакуация жителей в ближней зоне АЭС началась уже через 6 ч, в 20:50. До первого взрыва водорода (12 марта в 15:36) уже были эвакуированы 51 тыс. жителей в радиусе 10 км. Эвакуация 78 тыс. жителей в радиусе 20 км завершилась 15 марта в 14:00, в убежищах были укрыты 62 тыс. человек в поясе 20–30 км. Максимальные дозы облучения щитовидной железы у жителей Японии оказались в 100–1000 раз ниже, чем у жителей Беларуси, России и Украины после чернобыльской аварии. Особо ценной является новая технология дезактивации подворий, садов и даже пахотных почв, разработанная японскими учеными. Она позволяет в 3 раза сократить количество радиоактивных отходов с единицы площади дезактивации по сравнению с технологией, которая применялась после чернобыльской аварии. В настоящее время загрязненные земли и прибрежные воды Японии представляют собой большую международную экологическую лабораторию, где работают ученые многих стран.

Вероятность ядерных аварий глобальных масштабов невелика, но она существует. Готовность к радиационной защите населения (кадры, ресурсы, план неотложных аварийных мер и т. д.) является важным элементом постчернобыльской культуры во всех странах, даже там, где нет АЭС.

Систематическая работа по организации радиоэкологического образования началась в 1989 г., когда решением Министерства образования и науки СССР были введены отдельные курсы по радиационной безопасности для учащихся на всех уровнях (школы, средние специальные и высшие учебные заведения). В 1996 г. была разработана Концепция радиоэкологического образования в Республике Беларусь, одобренная Национальной комиссией Беларуси по радиационной защите и Министерством образования Республики Беларусь. Подготовку высококвалифицированных специалистов по радиоэкологии, радиобиологии, радиационной безопасности осуществля-

ют Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова БГУ и Белорусская государственная сельскохозяйственная академия. Уже к 2008 г. Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова БГУ выпустил свыше 800 радиоэкологов и радиобиологов и существенно расширил область подготовки специалистов. С 2008 г. начата подготовка инженеров по специальности «ядерная и радиационная безопасность» в Белорусском государственном университете, Белорусском национальном техническом университете и Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники.

Следует подчеркнуть ведущую роль государства в минимизации рисков и предотвращении негативных последствий социально опасных технологий. За пять лет до начала строительства Белорусской АЭС организована подготовка инженеров различных специальностей по ядерной и радиационной безопасности. Понятно, что в начальный период работы Белорусской АЭС там работала только часть из них. Специалисты должны пройти стажировку в России.

Хотелось бы сказать несколько слов о продовольственной безопасности. В последние десятилетия обострилась проблема продовольственной обеспеченности. Площадь земельного фонда мира оценивается в 13,2 млрд га. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 4,81 млрд га, или 37 % мирового земельного фонда, площадь пашни – 1,2 млрд га, или 9 %, покрытые лесом площади – 3,7 млрд га, или 28 % мирового земельного фонда. В среднем на душу населения в мире приходится 0,60 га сельскохозяйственных земель и только 0,15 га пашни. Пахотные земли дают 88 % продуктов питания, пастбища и луга – еще 10 % продуктов.

Одна из главных экологических проблем связана с ухудшением состояния земельных ресурсов. В результате ускоренной эрозии, дефляции и других негативных процессов человечество потеряло почти 2 млрд га продуктивных земель. Опустыниванию подвержена площадь в 4,5 млрд га, на которой проживает около 850 млн человек. Пустыни быстро (до 5–7 млн га в год) распространяются в тропических районах Африки, Азии и Америки, а также в субтропиках Мексики. Скорость исчезновения лесов составляет 6–20 млн га в год.

Показатель обеспеченности пахотными землями на душу населения в разных странах существенно отличается: от 2,45 га в Австралии и 0,90 га в России до 0,10 га в Германии и 0,037 га в Японии. Площадь земли в Беларуси всего 20,761 млн га, пашни – 5,66 млн га, сельскохозяйственных земель – 8,234 млн га при населении 9,302 млн человек, т. е. на душу населения приходится 0,88 га сельскохозяйственных земель и 0,61 га пашни.

Плодородие почв – национальное богатство. Основными задачами сельского хозяйства выступают продовольственная безопасность, воспроизвод-

ство плодородия почв, самоокупаемое производство сырья для переработки и экспорта. Плодородие почв Беларуси рукотворное, только треть его сформирована самой природой, две трети созданы человеком (последствие удобрений и мелиорантов, селекция и технология возделывания культур). Продуктивность пашни тесно коррелирует со среднегодовой дозой комплексных азотно-фосфорно-калийных удобрений $R^2 = 0,67$, $Y = 0,1281 + 9,9978$. За 60-летний период продуктивность пашни повысилась втрое – с 15,2 до 46,3 ц/га. Таким образом, наблюдается устойчивый тренд на 2,4 ц к. ед. с 1 га каждые 5 лет, или 50 кг зерна с 1 га. В целом обеспеченность основными продуктами питания на уровне 150–200 % от емкости внутреннего рынка на предстоящие годы гарантирована даже при снижении нагрузки минеральных удобрений до уровня 150–180 кг суммы комплексных азотно-фосфорно-калийных удобрений на 1 га посева.

Прямой опасностью опустынивания почв в связи с потеплением климата в Беларуси нет. Однако снижение плодородия на песчаных и рыхло-супесчаных почвах в районах Брестского и Гомельского Полесья, а также в ряде других районов с большой долей осушенных земель вполне вероятно. Ведь возраст осушительной мелиоративной сети составляет от 25 до 40 лет и во многих местах требует реконструкции. То, что эта проблема недавно рассматривалась на совещании у главы государства, обнадеживает. Экологическая ситуация на сельскохозяйственных землях, в частности загрязнения радионуклидами и тяжелыми металлами, отслеживается в системе сплошного мониторинга раз в четыре года. Анализ его результатов свидетельствует о том, что производство высококачественных продуктов растениеводства и животноводства будет продолжаться.

Л. Г. Титаренко: Под современной социологией мы понимаем тот период ее развития, который относится к текущему, XXI, веку. Нынешний социальный мир характеризуется быстрой изменчивостью и контингентностью, которые оказывают влияние на состояние социологии, заставляя переосмысливать ее подходы и теории. Проблема обостряется из-за кризиса на уровне глобальной социологии и проявляется, во-первых, в растущем разделении дисциплины на многочисленные потоки, течения, школы, наличие которых мешает кумулятивному развитию мировой социологии, во-вторых, в отсутствии общепризнанных теорий или парадигм, разделяемых социологами, в-третьих, в застое теоретической мысли (отсутствие инновационных достижений).

Неопределенность и чрезвычайный динамизм социальной жизни, обусловивший кризисное состояние теоретической социологии, заставляет по-новому взглянуть на возможность и необходимость нового парадигматического синтеза в социологии.

Чтобы снизить крайности парадигматического плюрализма, проявляющегося в огромном числе па-

радигм, некоторые авторы считают необходимым создать новую интегративную парадигму (такую попытку предпринял Н. Генон). Новая парадигма нужна, чтобы повысить возможности объяснить существующий мир, отразить потребности момента и включить тот материал, который уже наработан в социологии. Кроме того, она должна удовлетворять современным теоретическим, методологическим и аксиологическим требованиям. Такими были парадигмы Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё. Сегодня новых интегративных парадигм, принимаемых большинством социологов, пока не создано.

В случае отсутствия интегративной парадигмы ее функции в накоплении знаний и создании объяснительных схем выполняют повороты в социологии, означающие отказ от устаревших подходов и принятие стратегий анализа новых проблем в рамках реформированных теорий. Хорошо известный пример – поворот к междисциплинарности, т. е. подход к решению социальных проблем силами представителей разных наук. Обычно такие повороты позволяют создать новый тип теорий и парадигм, интегрирующих знания разных дисциплин и имеющих более высокую объяснительную способность, а также предлагающих совершенно новые методы исследования.

Сегодня в рамках социологии много поворотов. Следует назвать главные. Широко признан поворот к культуре как к переменной, которая определяет и социальное, и научно-технологическое развитие. Он известен с конца XX в. Культуральный поворот Дж. Александера очень важен в западной социологии, он признает неизбежность культурной детерминации мира. Есть много других поворотов в социологии, которые характерны для XXI в. Среди универсалистских поворотов – поворот к сложности и мобильности Дж. Урри, поворот к материальному, или прагматический поворот Б. Латура, постмодернистский и феминистский повороты, поворот к теориям риска (У. Бек, О. Яницкий), эволюционистский поворот Р. Инглхарта как поиск новых стратегий модернизации. Они по-разному проявляются в социологии постсоветского пространства, так как здесь есть и региональная специфика: Ж. Т. Тощенко декларирует поворот к жизненному миру, другие авторы – к визуальной социологии (хотя и то и другое представляется калькой с западной социологии).

Следует обозначить повороты в рамках специальных теорий. Так, в социологии образования С. А. Кравченко выделяет дигитальный поворот, обозначающий переосмысление роли цифровизации образования (акцент на ее амбивалентных последствиях и необходимости переориентации цифровизации образования с западного прагматизма на цели всестороннего развития личности). С. Г. Кирдина утверждает, что мир от биполярного идет к многополярному, где Россия представляет один из полюсов. Остается актуальным поворот к выделению множественных цивилизаций, развитие кото-

рых идет по разным принципам и траекториям, где есть не только российская, но и китайская, японская, корейская и другие цивилизации (Ш. Айзенштадт, В. В. Козловский, Й. Арнасон). И. В. Катерный считает, что нынешний кризис общества и социологии не может быть преодолен, так как в обществе закрепился поворот к долгому кризису.

В последнее время актуализировался поворот глобальной социологии к девестернизации. Попытки такого поворота предпринимались и раньше. Сейчас он лишь резко обозначился. Многие регионы мира уже 20–30 лет пытаются создать свои социологические теории (по типу южной теории, где юг – общее название того, что не Запад). Этот процесс производства нового социологического знания и обозначается термином «девестернизация». Его важные сторонники – ученые стран третьего мира, включая Бразилию, Китай, арабские страны, Латинскую Америку, Австралию (там, где был колониализм или неоколониализм).

Применительно к ситуации кризиса западной теоретической социологии термин «девестернизация» предложил использовать шведский социолог-неомарксист Й. Терборн. Он утверждает, что широко понимаемая девестернизация должна стать открытием новых горизонтов социального познания и методов производства знания. Она также предполагает сравнительную оценку разных способов мышления, кросс-культурность и широкое привлечение истории к процессу социологического анализа. Такой подход поддерживают и другие критически мыслящие авторы (С. Тёрнер, И. Шубрт). Они считают вполне логичным, что ученые в незападных странах хотят исследовать свое социологическое поле, так как хорошо знают, что, пытаясь использовать западные объяснительные схемы для своих стран, можно только проиграть. Значит, необходимо новое осмысление социальной реальности с акцентом на междисциплинарный подход.

Данный поворот дискутировался с начала 1990-х гг. и в российской социологии, но тогда он считался консервативным, постколониальным и националистическим, хотя и признавалось, что отличалась от западной не только социальная реальность России, но и способы восприятия и рефлексии по поводу общества. В 1990-х гг. в российской социологии стали доминировать заимствования западных теорий с российской спецификой (например, теория трансформации Ядова – Заславской). В результате уже в 1990-х гг. российская социология и по содержанию, и по форме стала во многом подражательной. Выделялось три группы парадигм: 1) ориентирующиеся на глобальные социологические парадигмы; 2) отстаивающие особый путь России и ее четкую зависимость от предшествующего развития; 3) адаптирующие западные теории к культурно-историческим реалиям России, т. е. субтеории, связанные с западными метатеориями, как частное с общим. Се-

годня ведущим трендом в российских социологических научных учреждениях является поворот к идее национальной суверенизации социологии.

Поворот к девестернизации требует глубокого и продуманного объяснения, которого пока нет, но есть разные мнения по его поводу и возможной продолжительности. Ожидать ли от этого поворота существенного прироста научных знаний? Пока это открытый вопрос. Девестернизация – это вызов и миру, и социологической теории, которая должна осмыслить параллельное существование пространства войны и мира, способное привести и к интеграции, и к полной дезинтеграции мира. Левый поворот в мире имел место с 1970-х гг., но сейчас принял более радикальную форму.

Новые повороты свидетельствуют о том, что теоретическая социология активно реконструируется, создавая новые и корректируя старые парадигмы, пересматривая теоретический багаж прошлого. Но пока социологическая наука не смогла предложить адекватные модели настоящего и будущего общества.

М. А. Можейко: Философия по своей природе ориентирована на ответ вызовам. Собственно, она и возникает как ответ культурному вызову, связанному с трансформацией стиля мышления: от мифологического – к рациональному. В этом контексте происходит радикальный поворот от архаических космогоний к рационально-логическим моделям, ставящим в центр внимания не проблему происхождения мироздания, а проблему его сущности. Переход от исходного генетизма к онтологиям ставит вопрос не о том, откуда возник тот или иной феномен (вплоть до мира в целом), а о том, как он функционирует.

Поиски ответа на этот вопрос приводят к формированию целого веера рациональных моделей мироустройства. Как это происходит? В рамках обычного сознания человек оперирует не столько понятиями (с четко фиксированными определениями, детерминирующими содержание и задающими рамки использования), сколько наиболее общими представлениями, а последние, как известно, относятся к формам не рационально-логического, а чувственного мышления. Не суждение складывается на основе связи понятий, а понятие как таковое возникает на основе суждения, где субъект и предикат исчерпывают друг друга. Например, в суждении: «Минск – столица Беларуси» – они исчерпывают друг друга по той причине, что могут совпадать не по объему, а лишь по ряду признаков (или по одному из них). Это фиксирует древнекитайская максима: «Белая лошадь не есть лошадь», – поскольку очевидно, что понятие «лошадь» шире по объему и признак белизны в его содержание отнюдь не входит. Точно так же мы прекрасно представляем, какая семантика стоит за суждением: «Елка зеленая». На рационально-логическом уровне ни одно из входящих в это суждение

понятий мы определить не можем: так, мы знаем, что зеленый цвет есть результат преломления определенной длины волны и частоты в зрительном аппарате человека, но в том-то и соль, что назвать ни эту длину, ни эту частоту носитель быденного сознания не способен, т. е. дефиниция построена быть не может. Точно так же мы представляем себе елку, но при построении определения можем сформулировать только отсылку к видовой принадлежности (многолетнее хвойное дерево), но видовые отличия рационально сформулировать не способны, хотя это не мешает нам представлять еловые иголки, отличающиеся от сосновых, контур дерева и т. д. Связываясь в единый комплекс, эти представления задают мировоззрение эпохи – систему наиболее общих понятий о мире, человеке и месте человека в мире.

Овладевая в период социализации характерными для того или иного общества программами деятельности с предметами внешнего мира и взаимодействия с другими людьми, ребенок одновременно с этим осваивает и типовые для соответствующего общества представления о мире, человеке и месте человека в мире. Философия культуры называет их мировоззренческими универсалиями, содержание которых существенно варьируется в различных исторически и этнически определенных традициях, задавая характерные для них специфические системы ценностей (А. О. Лавджой, М. Мид).

Таким образом, в универсалиях конституируется стиль мышления, специфичный для того или иного этапа культурной эволюции, и человек, принадлежащий к соответствующей культуре, пользуется ими, не осознавая этого, а потому и не задаваясь вопросом об их сущности и границах функционирования подобно тому, как мольеровский господин де Журден не отдавал себе отчета в том, что говорит прозой.

Однако подобная идиллия легко может быть нарушена, когда вызовы со стороны современной в отношении той или иной культуры реальности требуют от мировоззренческих универсалий обновления их содержания, поскольку в прежнем формате они перестают выполнять свои функции. Новые реалии требуют новых форм взаимодействия с внешним миром (программ деятельности) и новых форматов субъект-субъектных процедур (сценариев поведения), а поскольку такие формы и форматы складываются на основе сложившихся представлений о мире и человеке, требуется и их содержательная трансформация.

Первый такой вызов (необходимость перехода от мифологем архаического мышления к рационально-логическому стилю мышления) приняла античная культура, что и явилось одним из важнейших факторов возникновения философского мышления. Философия сформировалась именно как ответ на вызов эпохи. По мере развития теоретического познания человек подвергает рефлексивному осмыслению собственный стиль мышления, выявляет его

опору на мировоззренческие универсалии, осмысливает глубинные мировоззренческие основания своего мышления с точки зрения их происхождения, сущности и границ функционирования. Философия делает глубинные основания мировоззрения предметом специального рассмотрения – происходит рефлексия над культурой, эксплицирование ее основополагающих структур (В. С. Стёпин).

Экспликация мировоззренческих оснований культуры, в ходе которой происходит их очищение от чувственно-эмоциональных аспектов содержания, а также их рационализация и конституирование в качестве абстракций высокого уровня сложности, приводит к оформлению на их основе категорий философии. Категории такого дисциплинарного раздела философского знания, как онтология, генетически восходят к мировоззренческим универсалиям объектного ряда, представлениям о мире (причина, следствие, пространство, время). Категориальный аппарат социальной философии (государство, прогресс, производство, право), этики (долг, честь, совесть, добро и зло, смысл жизни), эстетики (красота, гармония, совершенство), философии религии (Бог, грех, вера) уходит корнями в тот пласт культуры, который представлен универсалиями субъектного ряда – представлениями о человеке. А понятийные средства гносеологии и праксеологии генетически связаны с универсалиями субъект-объектного ряда (познание, истина, деятельность), определяя место человека в мире.

Тем самым понятийный аппарат философии генетически восходит к содержательным и ценностным основаниям соответствующей культурной традиции. Неслучайно самые разные по своим взглядам философы (от классиков в лице Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса до постнеклассических аналитиков М. Фуко и Ж. Делёза) называли философию рационально-теоретическим выражением мировоззрения.

Именно в этом плане античная философия формирует свои исходные понятийные средства (архэ, логос, движение, делимость), погружает их во взаимосвязи и формирует различные модели мироздания: вечно подвижное архэ как логос у Гераклита и неподвижное архэ элеатов, бесконечная делимость у Анаксагора, абсолютная неделимость у элеатов и наличие предела делимости у Демокрита. Предложенный философией веер возможных моделей космоса заменил мифологическую картину мира, обеспечив ответ наличному вызову.

Таким образом, философия оказывается способной выполнять особую миссию, а именно вырабатывать (посредством движения в сфере абстракции) новые версии сопряжения универсалий мировоззрения. Подобная работа позволяет создавать новые модели организации социального пространства, целенаправленно формировать новые традиции на основании переосмысления наличного материала культуры.

Возникнув, философия уже не исчезает из культуры: в периоды монотонии (отсутствия вызовов со стороны социально-эволюционного процесса) она создает фонд из философских моделей реальности, которым общество сможет воспользоваться, если очередной вызов потребует мировоззренческого ответа. На основе переосмысления опыта, выраженного в мировоззренческих универсалиях, философия способна сформировать систему, которая будет соответствовать реалиям.

Современный процесс развития культуры не может обойтись без обращения к философскому анализу фонда национального наследия, теоретического осмысления ее глубинных ценностей и фундаментальных устоев. Концептуальная работа, которую осуществляет современная философия, делая мировоззренческие основания культуры предметом своего изучения, оказывается не только существенно важной в теоретическом отношении, но и предельно актуальной в практическом плане.

А. В. Рубанов: В настоящее время в социологии доминирует исследовательский подход, при котором акцентируется роль человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающая деятельность. Важно понять основные причины массового стремления людей к изменениям. Первая, негативная, причина – неудовлетворенность своим положением при наличных социальных условиях. Вторая, позитивная, причина – надежда на то, что новое социальное устройство повысит жизненные шансы людей. В первом случае продуктивная объяснительная конструкция видится в теории абсолютной и относительной депривации, во втором – в теории результирующей валентности К. Левина и потребности в самоактуализации (А. Маслоу и др.). Особое внимание хотелось бы обратить на необходимость открытия каналов вертикальной мобильности. В качестве главных инициаторов и организаторов творческих действий рассматриваются социальные движения, а в условиях цифровизации – и онлайн-сообщества. При характеристике технологической цепочки, которую проходят социальные творческие акты, рассмотрим следующие основные этапы: выдвижение новых идей и проектов и ознакомление с ними населения, отбор из них перспективных и поддерживаемых людьми, реализация и распространение нововведений, завершающихся их институционализацией. Важно заинтересовывать в изменениях широкие слои населения, учить их жить в новых социальных условиях, учитывать разную степень готовности различных групп к новациям и находить наиболее результативные способы адаптации к ним в общественной жизни.

В современной социальной теории особый акцент делается на объяснении развития общества через открытые исторические сценарии, реализующиеся на основе решений, выбора и действий людей, их смыслопорождающей деятельности. В связи с этим повышенный интерес вызывает ме-

ханизм социального творчества. Социальное творчество – это инициированное и осуществляемое людьми изменение структурных, процессуальных и функциональных элементов общественной жизни или общества в целом. Анализируя социальные изменения, следует выделить прежде всего причины, движущие силы и технологии творческих действий.

Причинные основания социальных изменений обычно рассматриваются с двух точек зрения: во-первых, в связи с состоянием и взаимоотношениями структурных элементов общественной жизни (например, К. Маркс видел их в конфликте производительных сил и производственных отношений, Э. Дюркгейм – в развитии разделения труда и переходе от механической социальной солидарности к органической), во-вторых, в зависимости от интересов, целей и действий социальных субъектов (классов, групп и отдельных индивидов, живущих своей повседневной жизнью).

Признанное в научных и управленческих кругах объяснение причин недовольства людей своим социальным положением и условиями жизни, порождающего стремление их изменить, предложено теорией абсолютной и относительной депривации (от лат. *deprivatio* – потеря, лишение). Первыми объяснительными конструкциями феномена депривации стали теория возросших и обманутых ожиданий А. де Токвиля и идея К. Маркса о различии абсолютного и относительного обнищания. В случае относительной депривации чувство недовольства и лишения возникает в связи не с реальным падением уровня жизни (абсолютная депривация), а с рассогласованием претензий людей и тем, что они имеют на самом деле. Образно выражаясь, недовольство и протест в данном случае порождает не нищета сама по себе, а нищета, которая осознается как несправедливая.

Продуктивные объяснения позитивных мотивационных оснований деятельности, ориентированной на достижение личных жизненных успехов, которые связываются с новым социальным устройством, мы находим в теориях К. Левина и А. Маслоу.

В разработанной К. Левиным теорией результирующей валентности поведение человека объясняется следующими факторами: поиском успеха, стремлением избежать неудачи и ожиданиями успеха или неуспеха. Люди, мотивированные на успех, ставят перед собой цель, достижение которой может быть однозначно оценено как успех. Изучение мотива достижения успеха показало, что содержание связанной с ним деятельности обусловлено культурно-историческим контекстом и может существенно различаться, но суть этого мотива всегда одна.

А. Маслоу, в свою очередь, рассматривая самоактуализацию как высший уровень разработанной им иерархической модели потребностей, понимал под ней стремление человека стать таким, каким он может быть, максимально развить и реализовать свои способности, достичь наибольших результатов

в различных видах деятельности и сферах жизни. Стремление к самоактуализации чаще всего демонстрирует источник творчества, оно же ориентирует людей на преобразовательную социальную активность.

В обеих теориях важнейшим социальным условием реализации стремлений людей является открытость каналов вертикальной мобильности. Это связано с тем, что мотивы достижения и самоактуализации воплощаются в желании поднять экономический, политический, профессиональный, образовательный, семейный и другой социальный статус. Здесь наблюдается взаимная связь: благоприятные перспективы для интенсивной вертикальной мобильности усиливают стремление людей к достижению успеха и самоактуализации, а ориентация на них расширяет каналы социального возвышения. В конечном счете это способствует развитию общества.

Закрытость каналов выдвижения на верхние этажи социальной пирамиды для способных и амбициозных людей порождает, с одной стороны, застой в развитии общества, а с другой – рост недовольства, особо ощутимый в их среде, и активные действия по преобразованию социального строя. Именно эти люди чаще всего являются инициаторами и организаторами массовых социальных движений, совершающих преобразующие действия.

Неслучайно В. Парето одним из наиболее действенных средств поддержания жизнеспособности правящей элиты называл абсорбацию (поглощение) наиболее одаренных индивидов из числа тех, кто по происхождению не принадлежит к привилегированным группам. В противном случае происходит революция, в процессе которой состав элиты обновляется насильственно. История, согласно известной формуле В. Парето, это «кладбище аристократии».

Выделяют старые и новые социальные движения. Старые социальные движения – это прежде всего политические партии и профессиональные союзы. Они формируются на базе отдельных классов и социальных групп, отличаются достаточно жесткой организационной структурой и ориентированы в первую очередь на реализацию политических и экономических интересов. Новые социальные движения представлены, в частности, движениями в защиту окружающей среды, за мир, права человека, решение культурных проблем и т. д. Им не свойственна жесткая организационная структура. Среди их участников встречаются представители разных социальных групп, но доминируют те, кто принадлежит к среднему классу, отличается более высоким уровнем образования.

С учетом реалий цифрового общества в ряд активных субъектов социальных изменений входят онлайн-сообщества. Социальные онлайн-сообщества – это виртуальные объединения людей со схожими интересами и представлениями о характере социальных изменений, совместно участвующие

в общественной жизни. Будучи децентрализованными, эти виртуальные сообщества могут быть как связаны с политическими партиями и движениями, так и автономны от них.

Характеризуя технологическую цепочку, которую проходят социальные новации от инициирования до институционализации, т. е. до превращения в организованную форму совместной жизнедеятельности людей, следует выделить три основных этапа: 1) выдвижение (представление, презентацию) новых идей и проектов, ознакомление с ними различных социальных групп; 2) селекцию идей и проектов, наиболее перспективных и поддерживаемых большинством или некой критической массой населения; 3) реализацию, распространение и институционализацию идей и проектов.

Выдвижение нововведений предполагает ознакомление с ними разных групп населения. В современных условиях оно достигается благодаря разнообразной деятельности средств массового информирования, передаче новых идей посредством формализованных и неформальных контактов, путем непосредственного знакомства с ними. Самый эффективный вариант селекции – это проверка опытом практической жизни. В ряде случаев селекция осуществляется на основе независимой социальной, правовой, экологической и других видов экспертиз. В процессе реализации и распространения новых идей и проектов нужно учитывать следующие важнейшие моменты.

Во-первых, изначальные предпосылки стремления к изменению форм жизни и социальных условий создает недовольство старыми. Иногда люди готовы принять и поддержать новое, не особо вникая в его содержание. Оно привлекает их в качестве альтернативы неэффективному, пусть и привычному способам действия. У людей просто нет возможности для достаточной предварительной апробации нового. Реальное отношение человека к социальным нововведениям начинает формироваться тогда, когда он сталкивается с ними в процессе жизненного опыта. Последствия могут быть самыми разными: от горячей поддержки до горького разочарования, которое в одном случае оборачивается депрессией и отходом от проявлений социальной активности, а в другом – тягой к прошлому и даже бурной деятельностью по его восстановлению.

Так проявляется характерная черта массовых настроений – динамичность, склонность к периодическим переменам. Исследователи истории революций указывают на то, что первоначально революционным событиям сопутствуют энтузиазм, подъем настроения тех слоев, для которых, как представляется, они открывают новые перспективы. Это особое эмоциональное состояние большого числа людей принималось во внимание, например, реформаторами, ступившими в бывших социалистических странах на путь радикальных преобразований экономики и политической системы. Но за периодом бурного эмоционального подъема чаще всего начинается

фаза усталости, а при неудачном развитии событий – разочарования и апатии.

Во-вторых, способность включаться в перемены зависит как от индивидуальных качеств человека, так и от его возраста, социальной и региональной принадлежности и т. д. Обычно консерватизм проявляют представители старших возрастных групп, жители провинциальных регионов и сельской местности, те, кто занимает более низкие этажи социальной пирамиды. Поэтому для разных групп населения необходимо подбирать свой темп включения в преобразования, наиболее приемлемые для них варианты новых форм деятельности. Какие именно – подскажет мнение самих людей. С учетом данного обстоятельства можно сделать новое доступным для большинства.

В-третьих, на введении инноваций отрицательно может сказаться неудачный опыт предыдущих перемен, который формирует высокий уровень тревожности по поводу не только конкретного изменения, но и изменений вообще, доходящий порой до патологической боязни любых новшеств. Поэтому важно, чтобы положительные результаты социальных новаций почувствовали не единицы, а большинство, возможно, критическая масса населения, особенно из числа наиболее активных групп. Крайне неравномерное распределение потерь и приобретений резко обостряет чувство несправедливости происходящего и вызывает негативное отношение к новому.

Примечательно, что для времени социальных изменений характерен определенный всплеск чувства зависти. Он вызван тем, что перспективами улучшения социального положения люди могут воспользоваться в разной мере. В результате образуется особый тип социального расслоения: одни могут использовать открывающиеся возможности, другие – нет. Недовольство таким развитием событий среди представителей второй группы находит свое выражение в зависти. Она становится особенно очевидной тогда, когда люди считают, что победители в новой социальной гонке недостойны полученного успеха.

Таким образом, социальное творчество, т. е. реализация новых идей и проектов в общественной жизни, это сложный, многогранный процесс. При объяснении его механизма во внимание должны приниматься объективные и субъективные предпосылки изменений, причины, толкающие к ним людей. Важно выделять движущие силы и учитывать различные технологические и социально-психологические нюансы эффективных творческих действий.

В. К. Щербин: Жизненный мир каждого человека формируется в результате творческого использования индивидом структурных элементов (их моделей) целого ряда возможных миров или сфер: а) социального мира (социосферы); б) мира природы (биосферы); в) мира науки и техники (техносферы); г) мира разума (ноосферы), а также многих сотен или даже тысяч вымышленных миров, созданных

творческим воображением писателей. По мнению А. Л. Андреева, множество моделей мироустройства, накопленное в рамках перечисленных миров или сфер, позволяет индивиду выбрать наиболее подходящую модель мироустройства для конкретной жизненной ситуации. В процессе такого выбора искомой модели мироустройства индивиду приходится также учитывать тот факт, что окружающий мир очень быстро меняется и мы все время сталкиваемся с новыми вызовами.

В итоге традиционный жизненный мир человека непрерывно изменяется под влиянием глобальных мегатрендов и вызовов, к основным из которых сегодня относят демографические трансформации, истощение природных ресурсов и изменение климата, преобразование геоэкономических и геополитических ландшафтов, цифровизацию и развитие технологий, комплексное благополучие человечества (богатство, здоровье и знания). В условиях стремительного умножения количества возможных миров, мегатрендов и вызовов каждому индивиду придется постоянно наращивать объем знаний о них, учиться всю жизнь. Именно этим обусловлена стремительно растущая роль образования в современном обществе, которая состоит не только в трансляции знаний и социальных результатов из поколения в поколение, но и в том, чтобы подготовить ныне живущие поколения к выходу из всевозможных (прежде всего экономических и экологических) глобальных кризисов и катастроф, преодолеть которые можно с помощью не инвариантных для всех эпох и других устаревших знаний, а фундаментальных опережающих знаний.

Что же будут включать в себя фундаментальные опережающие знания? Многие ученые считают, что это будут знания о всевозможных переходах (из одной общественной или профессиональной сферы в другую, из одного возможного мира в другой и т. д.). Так, по мнению И. Валлерстайна, это будет обретший прежнее единство мир знаний, не признающий разделенность человека и природы, раскол философии и науки, различия между поисками истины и блага. Формированию указанного единого мира знаний будут способствовать следующие когнитивные переходы и междисциплинарные трансферы:

- переходы из биосферы и социосферы в ноосферу;
- переход из социального мира в социоприродное измерение, что было не характерно для основной части социально-гуманитарного знания;
- переход от данного мира к структурно неисчерпаемому множеству всевозможных квазизамкнутых миров, как подобных данному, так и существенно отличных от него;
- переход от изучения отдельных объектов, элементарных сущностей, конкретных процессов и механизмов к исследованию систем, описанию взаимодействий, обеспечивающих появление у целого

свойств, которыми не обладают части, к анализу различных аспектов сложности.

Какая же научная или учебная дисциплина может методологически обеспечить перечисленные типы когнитивных переходов и междисциплинарных трансферов? По мнению шведского социолога Й. Терборна, именно социология предлагает наиболее выгодную позицию для понимания мира в целом, сочетания прошлого и современности. Она широко открыта для других областей знания и дисциплин и является плюралистической наукой, движимой свободным от парадигматических обязательств любопытством и желанием связать как можно больше эмпирических доказательств и свидетельств человеческого опыта. К сходному выводу приходит и американский социолог Р. Коллинз. На его взгляд, главный род деятельности, который придает социологии интеллектуальное оправдание, это формулировка обобщенных объяснительных принципов, которые организованы в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир. Именно эти процессы определяют, какие конкретные условия порождают конкретные результаты. Именно эти обобщенные способы объяснения и составляют науку.

Во всяком случае, если сравнить итоги современных процессов математизации и социализации мира природы, то результаты последней выглядят более обнадеживающими. Как утверждает Э. Гуссерль, математизация мира природы привела к тому, что на объекты и связи, данные в донаучном опыте, в жизненном мире, была наброшена ткань идей и символов. Система математических конструкций все более заслоняла исходную почву научных идеализаций и понятий. Последующие шаги математизации – алгебраизация геометрии Р. Декартом, введение дифференциального исчисления И. Ньютоном и Г. В. Лейбницем и другие – открыли путь прогрессирующей формализации науки, лишившей естественно-научные понятия их первоначального интуитивного качественного содержания. В результате теоретизирование превратилось в своеобразную форму деятельности, которой можно овладеть без какого-либо понимания глубинного смысла и границ ее операций. Познание становится похожим, по словам Э. Гуссерля, на игру в шахматы или в карты.

Главный вывод Ф. Сен-Марка, автора книги «Социализация природы», носит более позитивный характер. Он убежден, что счастье человечества зависит лишь от его собственного прогресса, от его отношения к миру, а не от сверхпотребления. Оно должно ориентироваться прежде всего на быстрый рост нематериальных благ, на коллективную удовлетворенность окружающей средой: с одной стороны, удовлетворенность условиями жизни, или социальной средой, а с другой – удовлетворенность собственно жизненной средой. В отличие от матери-

альных благ нематериальными благами пользуются, участвуя в них, но не присваивая их. Здесь действуют принципы коллективного, а не индивидуального согласия: наслаждение, доставляемое культурой или чистым воздухом, не является собственностью. Пользоваться нематериальными благами – это значит быть образованным, здоровым, дышать чистым воздухом, быть в безопасности, тогда как пользоваться материальными благами – это значит иметь автомобиль, дом, высокую заработную плату. Таким образом, выбор остается за нами: быть или иметь, ориентация на быстрый рост нематериальных благ или курс на сверхпотребление, ведущее к экологической катастрофе для всего человечества.

Д. К. Безнюк: Глубокие социальные трансформации, переживаемые человечеством на современном этапе, требуют пересмотра социальной миссии наук об обществе и человеке в русле их включения в процесс производства будущего. Будет уместно вспомнить прекрасные слова А. Линкольна: «Лучший способ предсказать ваше будущее – создать его». Мечта основателя социологии О. Конта об управленческой функции социологии получает второй шанс на реализацию. О. Конт видел в ней инструмент построения гармоничного и справедливого общества. Социологи, как носители истинного знания об обществе, представлялись ему информационным базисом для принятия политических решений и проектирования общества.

Сегодня найдется мало людей, которых не интересует их будущее. Мало найдется и государств, которые не участвуют в производстве своего будущего. Именно производстве! Календарное будущее наступит и без нашего участия, без приложения общих усилий, а вот социальное будущее во многом есть плод нашей работы и творчества. В таком случае будущее следует рассматривать как результат производства, организованных усилий.

Какова же роль социогуманитарных наук в этом производстве и что может предложить современная социология? При ответе на данный вопрос логично исходить из прямых функций науки – описывать, понимать, объяснять, т. е. предлагать мыслительные конструкции, которые делают окружающий мир понятным, комфортным и полезным. Одним из важнейших инструментов науки выступает ее язык – система понятий и категорий, через которые формулируются и транслируются производимые ею смыслы. Однако стоит заметить, что все более ускоряющийся и обновляющийся мир требует от науки нового языка: те социальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, по своим масштабам, содержанию и следствиям адекватно не описываются и не объясняются языком традиционной социогуманитаристики.

Можно выделить несколько характеристик нового мира, которые мотивируют к пересмотру и пере-

стройке языка современной науки, посредством которого производится и презентуется будущее. Во-первых, привычный нам мир – послевоенный и постсоветский – кардинально меняется. Идет конкуренция (если угодно, война) смыслов, посредством которых глобальные игроки предлагают свое видение будущего и свои пути его достижения. На повестке дня – предложение модели будущего не как результата социального предвидения, а как результата социального проектирования. Чья модель будет привлекательнее, тот и выиграет битву за умы и ресурсы. И здесь встает вопрос о характере языка, посредством которого данная модель будет сформирована и представлена публике. При этом адекватность языка заключается в традиционных, но неполных схемах или в попытке создать новые схемы: современная социальная теория – не просто сфера рождения объяснительных схем, а фабрика мысли по производству будущего через создание языка этого будущего.

Во-вторых, прогрессистско-просвещенческая логика, как примета нашего времени, требует ответить, к чему мы идем и к чему мы стремимся. Но одновременно возникает вопрос, от чего мы должны отказаться на этом пути. С одной стороны, поиск ответа на второй вопрос легко может привести нас к заикливанию на исторических травмах, ревизии или безоговорочной апологии прошлого, мы рискуем стать заложниками старых схем, смыслов и логики, с другой – отказ от прошлого может стать ситуацией, когда с водой выплеснули и ребенка: забвение прошлого или его перекройка под сиюминутную конъюнктуру нередко оборачивается культурным проигрышем. При этом первый вопрос о том, к чему мы идем и к чему мы стремимся, требует нового языка, нестандартных схем.

В-третьих, язык и методология для будущего формируется, как представляется, в новом споре физиков и лириков. Как известно, он имел место в СССР в 1960-х гг. Сегодняшнюю ситуацию в науке и культуре можно назвать вторым раундом данного спора. Первый раунд лирики проиграли. СССР вышел в космос, создал атомную и водородную бомбы, построил замечательную систему производства инженерных кадров, держал технический и военный паритет с Западом. Но торжество технической составляющей при невнимании к лирикам (догматизации и ритуализации социогуманитарного блока) сделало Советский Союз невосприимчивым к новым социальным теориям, не способным творчески переработать чужое или предложить свое. Такого рода ситуация позволила нам после распада СССР стать абсолютно некритичными потребителями новых для нас общественных теорий и наук – политологии, экономической теории (в форме экономикса) и социологии.

Сегодня мы проживаем схожую ситуацию. В угоду техническому прогрессу, в погоне за эффективным «железом и софтом», мы попадаем в ловушку

культурного запаздывания, которую хорошо описал У. Огборн еще в первой трети XX в.: материальный компонент культуры опережает духовный, что чревато ее кризисом, дегуманизацией и расчеловечиванием.

Если определить значение социологии и общественных наук в проектировании будущего, то социология (социальная теория) просто обязана быть в первых рядах такого проекта. У отечественной социологии появляется уникальный шанс стать автором (соавтором) возможного проекта будущего. У белорусов есть большой и позитивный опыт межцивилизационного пограничья, существования в разных культурно-исторических и социально-политических средах. Все это нашло отражение в социальной мысли, культурном прошлом нашего народа.

В ходе реализации упомянутого шанса необходимо обратить внимание на некоторые нюансы. В частности, необходима грамотная работа с наслідием и критическое отношение к приходящим в наш дискурс смыслам (все говорят про постиндустриальное общество, а тут раз – и на повестке дня новая индустриализация!). Не допускается сервильность науки: результаты научного поиска не должны быть заказными. Заказ может быть только одним – социальным, ориентированным на востребованность конкретного исследования обществом, а также на предотвращение опасности догматизации языка и логики проекта, превращения его в икону, не подлежащую критике и исправлению.

В-четвертых, чаще всего новый язык предлагается строить на базе междисциплинарных исследований и логик, интердисциплинарности. При реализации такой стратегии возникает несколько фундаментальных проблем. Привлекать к синтезу только социогуманитарные науки и теории или также естественные и технические? Методологию синтеза брать из имеющихся образцов (например, синергетики) или создавать с нуля? Кроме того, встают вопросы, связанные с конверсивностью, совместимостью методологий, обеспечением гуманитарной экспертизы такого синтеза, вписыванием его в культурные стандарты.

Таким образом, запрос на новый язык проектирования очевиден, но возможности реализации этого запроса неочевидны. Мировой и отечественной социологии предстоит большая и интересная работа по интеллектуальному поглощению современности и выходу к проектам будущего.

А. Н. Данилов: Очевидно, что человечество все еще не в состоянии найти ответы на многочисленные вызовы реальности. В такой ситуации важно осмыслить перемены в различных сферах деятельности современного общества, чтобы выяснить, где возникают новые жизненные смыслы и ценности, которые станут основой нового типа цивилизационного развития.

Для естественных наук все предельно ясно хотя бы внешне: расшифровали геном человека, выяснили, за что отвечает каждое звено, значит, можно

в любое время опытным путем проверить его и, если потребуется, заменить. Очевидно, что в таком случае возникают неограниченные возможности сознательного управления процессом эволюции, так как этот процесс технологичен и технология ясна. Между тем есть процессы, которыми управлять нельзя, потому что нельзя точно предсказать их ход. Такие процессы есть и в природе. По мнению В. А. Лекторского, творчество, диалог, любовь, свободные поступки (на которых покоится нравственность) не могут управляться, ибо не могут контролироваться и прогнозироваться извне. Можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства, но управлять ими нельзя. Как нельзя управлять ценностями, которые человек принимает или нет, но действует при этом только на основе внутренней свободы.

Современный индивид все больше погружается в пучину интернета, который наполняется человеком и творит его по своему образу и подобию. Искусственный интеллект, воплощенный в человеке-роботе, через коммуникативные технологии формирует новое проблемное поле и образ будущего. Сегодня вопрос стоит не только о том, каким образом осуществлять рутинную работу, используя робота, но и как наделить робота интеллектом. Возникло целое междисциплинарное направление по созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, близкие к мыслительным способностям человека. До сих пор применение искусственного интеллекта в целом положительно сказывалось на многих сферах деятельности, поскольку было призвано упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, снизить уровень травматизма. Однако роботизация и расширение использования систем искусственного интеллекта в промышленности порождают новые проблемы, создавая угрозы системных сбоев и несанкционированного доступа к программному обеспечению, которые могут вызвать катастрофические последствия.

В последние годы ученые активно работают над созданием еще более сильного искусственного интеллекта. Такой робот сможет выполнять множество разнообразных задач: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими искусственными интеллектами в процессе достижения поставленной цели. Тогда цивилизация обретет совершенно иной облик, и место человека в новой реальности уже цифрового общества будет определяться с учетом потенциала искусственного интеллекта.

Главный вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком. Основным препятствием на пути создания искусственного интеллекта столь

высокого уровня стало недостаточное понимание природы человеческого разума, неразгаданность механизма функционирования человеческого мозга. Сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом. К тому же только цифровая революция не решит глобальных проблем современной цивилизации. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

Ускоренное цифровое обновление базовых ценностей без должного историко-социального отбора может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. Вместе с цифровизацией должна получить адекватное развитие национальная культура, которая в естественном диалоге с мировой культурой формирует новые жизненные смыслы и ценности, являющиеся основой сохранения человека разумного и человечества в целом. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что современные технологии открывают широкие возможности для манипуляций общественным сознанием, а этого быть не должно.

Почвой, на которой зарождаются точки роста нового, преобразуются ценности, наполняются иным смыслом, обогащаются или отвергаются концепты, является культура. Зародившиеся в культуре жизненные смыслы и ценности, пройдя испытание практикой, в качестве традиции фиксируются в культурно-генетическом коде, обеспечивающем новый идеал прогресса. В этой технологии возрастает роль современной информационной коммуникационной системы, которая радикально изменила механизм восприятия и влияния информации и стала формировать и во многом определять восприятие и поведенческую реакцию человека на происходящее.

Осознание неизвестности – это уже результат, возможный вектор новых исследований. Социология всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, которая в состоянии расширить рамки и спрогнозировать будущее. В ситуации глобальной нестабильности, повышенных рисков и угроз, естественно, и в социологии возникла некая теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся сменами научной картины мира. Но это не кризис, а смена вех, стремление сосредоточиться на новом, попытка выйти за пределы привычного. Очевиден поиск таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой. В условиях на-

растающей неопределенности антропологический фактор рассматривается как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития.

Важным при изучении новых явлений в жизни современного общества представляется междисци-

плинарный синтез, что, собственно, и продемонстрировала наша дискуссия. Хотелось бы выразить надежду, что хотя бы раз в год будут проводиться встречи в таком формате. Они позволят проанализировать и обобщить результаты научных исследований.

Статья поступила в редколлегию 21.11.2022.
Received by editorial board 21.11.2022.

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Иосиф Михайлович Богдевич – академик НАН Беларуси, доктор сельскохозяйственных наук, профессор; главный научный сотрудник.

Павел Александрович Водопьянов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Игорь Дмитриевич Волотовский – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета информационно-документных коммуникаций.

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

a.danilov@tut.by

Dmitry K. Bezniuk, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

mayo-r-r-r@mail.ru

Iosif M. Bogdevich, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (agricultural science), full professor; chief researcher.

brissa5@mail.belpak.by

Pavel A. Vodopyanov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.

pva1940@bk.ru

Igor D. Volotovskiy, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (biology), full professor; chief researcher.

volotovskiy@yahoo.com

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.by

Agamali K. Mamedov, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of communication systems, faculty of sociology.

akmnauka@yandex.ru

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of information and document communications.

marina-mojeiko@yandex.by

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

rubanov.bsu@gmail.com

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.

shcherbin5353@mail.ru

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.722

ДУХОВНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 2

М. А. ПОДЛЕСНАЯ¹⁾, И. В. ИЛЬИНА²⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

²⁾Финансово-экономический институт Тюменского государственного университета,
ул. Володарского, 6, 625003, г. Тюмень, Россия

Рассматриваются представления студенческой молодежи о духовности постсоветского человека. Изучается преемственность во взглядах советского и современного поколений. В качестве метода исследования используется массовый опрос студентов российских столичных и региональных вузов. Основным теоретико-методологическим инструментом выступает описательно-феноменологический подход, позволяющий определить содержание концепта «духовность» в понимании его носителей. Сделан вывод о том, что современная студенческая молодежь в социально-культурном плане является наследницей не только православия, но и идеологии СССР и воспринимает духовность преимущественно гуманистически, а в отдельных случаях как атавизм. Представлены трактовки духовности секулярного характера, связывающие образ духовного человека с такими качествами, как доброта, неконфликтность, осознанность, принятие себя и других. Отмечается, что советское понимание духовности как набора качеств, характеризующих духовного человека как профессионала, преданного своему делу и стране, ушло в прошлое.

Ключевые слова: постсоветский человек; российская студенческая молодежь; духовность; описательно-феноменологический подход.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, предоставившему грант № 21-011-43046 СССР на проведение исследовательской работы под руководством доктора социологических наук О. В. Аксёновой.

Образец цитирования:

Подлесная МА, Ильина ИВ. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 2. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:34–41.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-34-41>

For citation:

Podlesnaia MA, Ilina IV. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 2. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:34–41. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-34-41>

Авторы:

Мария Александровна Подлесная – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Илона Валерьевна Ильина – старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии.

Authors:

Mariia A. Podlesnaia, PhD (sociology); senior researcher at the Centre for the Study of Russian Regions.
yamap@yandex.ru

Ilona V. Ilina, senior lecturer at the department of general and economic sociology.
i.v.ilina@utmn.ru

THE SPIRITUALITY IN THE VIEWS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET MAN. PART 2

M. A. PODLESNAIA^a, I. V. ILINA^b

^a*Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, 5 Bol'shaya Andron'evskaya Street,
1 building, Moscow 109544, Russia*

^b*Institute of Finance and Economics, Tyumen State University,
6 Volodarsky Street, Tyumen 625003, Russia*

Corresponding author: M. A. Podlesnaia (yamap@yandex.ru)

The main objectives of this article are to consider the ideas about the spirituality of the post-Soviet person, the ideas about the spirituality of modern Russian youth (that is, that part of society that will live tomorrow), whether there is continuity in these ideas and what changes have occurred, are studied in more detail. Main methods: analysis of literature, in relation to the present – a mass survey of students of metropolitan and regional universities, in particular, data from an open question about spirituality. The main theoretical and methodological tool is a descriptive-phenomenological approach that allows you to define spirituality in the understanding of its bearers and avoid both theoretical constructions and its actual essential definitions. As a result, the authors of the article managed to come to the following conclusions: modern student youth in socio-cultural terms is the heir not only to Orthodoxy, but also to the ideology of the USSR, understanding spirituality mainly humanistically, and in some cases as an atavism, a relic; interpretations of spirituality were given not religious, but secular, linking a spiritual person with such qualities as kindness, non-conflict, awareness, acceptance of oneself and another; the understanding of spirituality and the spiritual person, characteristic of the Soviet era, as a set of qualities characterising a professional devoted to his work and country, has gone into the past.

Keywords: post-Soviet people; Russian student youth; spirituality; descriptive-phenomenological approach.

Acknowledgements. Authors express gratitude to the Russian Foundation for Basic Research, which provided grant No. 21-011-43046 USSR for conducting research under the supervision of doctor of science (sociology) O. V. Aksenova.

Введение

Во второй части статьи представлены результаты эмпирического исследования, проводившегося среди студентов российских столичных и региональных вузов. Цель работы – выяснить, как молодежь воспринимает категорию «духовность». Анализ ответов респондентов позволил определить, в каком направлении сегодня развивается понятие «духовность», какой характер оно носит (религиозный или внерелигиозный) и есть ли в современном прочтении духовности не только следы европеизации, но и отпечатки советского прошлого.

В данном контексте необходимо отметить работу Ж. Т. Тощенко «Общество травмы» [1]. Современный российский социум социолог называет обществом травмы и выделяет такие его черты, как отсутствие понимания перспектив, потеря независимости в экономике и частично в политике, дезорганизация экономической жизни, высокая степень гетерогенности общества, в том числе в социальном и культурном аспектах, превращение культуры, образования и науки в сферу услуг, моральная деформация, выражающаяся в анонии, недоверии, разного рода

отчуждении, преобладание эгоистических интересов, ориентация на потребление и материальный успех, презрение к прошлому, сомнительные стандарты толерантности, отсутствие положительных образцов и т. д. Обществом травмы Ж. Т. Тощенко считает не только Россию, но и другие страны, которые столкнулись с переформатизацией ценностей и потерей своего пути развития. Основу такого общества составляют травмируемые люди. Данный вывод можно сделать и по отношению к поколению граждан, которые жили в Советском Союзе, и по отношению к нынешней молодежи. В связи с этим стоит обратиться к размышлениям А. Ю. Левады об изменениях сознания советского и постсоветского человека, которые были зафиксированы в ходе исследований 1994 и 2003 гг. [2; 3]. Так, А. Ю. Левада делает вывод о том, что за годы либеральных реформ изменилось отношение к свободе, утратилось чувство свободы, трансформировались представления о советском периоде, причем старшее поколение склонно ностальгировать по временам СССР.

Материалы и методы исследования

В ходе массового опроса студентам российских столичных и региональных вузов предлагалось ответить на открытый вопрос: «Как вы понимаете духовность? Духовность – это...» При анализе ответов

использовался описательно-феноменологический подход, предполагающий самопрезентацию респондентов и избегающий теоретических построений исследователя и сущностных определений

духовности. Такой подход представляется наиболее релевантным в данном случае, поскольку дает возможность зафиксировать, какой смысл современные студенты вкладывают в духовность.

Авторами исследования был выбран метод анкетного опроса, так как количество ответов на открытый вопрос ($n = 1764$) позволяет снять первый срез представлений молодежи о духовности. Более глубокое изучение данной темы возможно с использованием метода фокус-групп, а также арт-методов (рисунки, скетчи, коллажи и т. д.). Отвечая на вопрос, студенты располагали достаточным временем, поэтому их суждения можно признать обдуманными и взвешенными. Анализ и систематизация результатов продемонстрировали определенную логику в ответах респондентов.

Массовый опрос проводился в рамках межуниверситетского социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза»

(руководитель проекта – заведующий кафедрой социальных наук историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета доктор экономических наук, профессор И. П. Рязанцев). Опрос проводился в 2018 г. среди студентов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Тюменского государственного университета, Самарского государственного технического университета и Севастопольского государственного университета.

Выборка исследования составила 2505 студентов светских вузов, 1764 (70 %) из них дали ответ на открытый вопрос о духовности. Опрос проводился путем онлайн-анкетирования, а также с помощью интервьюеров. Выборка котирировалась по полу, возрасту, курсу, а также по профилю обучения (естественный, технический, гуманитарный и социальный).

Результаты и их обсуждение

Следует напомнить, что свод основных ценностей современного (прежде всего западноевропейского) человека был сформулирован еще в прошлом веке (1977) в работе американского социолога, создателя социологической теории постматериализма Р. Инглхarta «Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе». Споры об актуальности теории постматериализма и ее соответствии реальности, в том числе применительно к России, не утихают до сих пор [4].

Основная идея Р. Инглхarta состоит в том, что с ростом экономического развития и удовлетворением основных базовых потребностей населения меняются и ценности людей: на смену материалистическим, связанным с гарантиями выживания и поддержкой традиционных ценностей, приходят постматериалистические, среди которых выделяется самовыражение. Вслед за этим смещаются мировоззренческие акценты, в том числе в области воспитания новых поколений: первостепенными становятся охрана окружающей среды, активное участие в экономических и политических решениях, всеобщая терпимость как основной залог жизненного успеха. По Инглхарту на задворки истории уходят такие традиционные ценности, как религиозная и национальная принадлежность, уважение к авторитету, нетерпимое отношение к разводам и абортam и т. д. Как ни странно, описанное невольно вызывает воспоминания о раннем СССР, где все перечисленное имело место и, более того, провозглашалось как идеологическая норма. Но о постматериализме в связи с этим, как известно, не было и речи. Первые годы СССР вполне представляли собой «постматериалистический андеграунд», даже

с определенной долей экономической стабильности в годы нэпа.

Изменения, о которых пишет Р. Инглхарт, присущи современной российской молодежи. Но осуществляются они весьма интересным образом [5]. С одной стороны, наблюдается универсализм ценностей молодежи (особенно это касается молодых людей, проживающих в столице и мегаполисах), с другой – сохраняется приверженность традиционным ценностям. Подобная многовекторность объясняется как уровнем экономического развития (материальная неоднородность регионов России и разница в качестве жизни центра и периферии накладывает свой отпечаток), так и гетерогенностью молодежи, жизненные шансы представителей которой неодинаковы. Последний нюанс довольно хорошо описан в статье И. А. Халий и К. В. Подъячева [6]. Проанализировав жизненные пути провинциальной молодежи, авторы пришли к следующему выводу: меры, заявленные в официальных документах молодежной политики, направлены на одаренных детей и молодежь, а «середнячки», те, у кого нет интеллектуальных и иных ресурсов, вынуждены оставаться в регионах и прозябать, получая низкие зарплаты или уходя в различного рода девиации [6].

Согласно многочисленным опросам, одной из значимых ценностей для российской молодежи является семья [7–9]. Более того, круг авторитетов ограничивается не просто родственниками, а главным образом самыми близкими из них, прежде всего родителями. Вместе с тем не стоит спешить с выводом об отсутствии или минимизации авторитетов среди молодежи. На смену традиционным авторитетам приходят новые [10], преимущественно из интернета (блогеры, фрик-персоны, пранкеры

и др.). Вопрос их влияния и значимости требует отдельного исследования.

В первые советские годы реформирование сферы семейно-брачных отношений было продиктовано кризисом традиционной патриархальной семьи, что, в свою очередь, породило сексуальную революцию, принятие декретов, раскрепощающих женщину и десакрализирующих брак. Сегодня кризис в этой сфере затрагивает как полные, так и неполные семьи, более того, не во всех странах браком является союз исключительно между мужчиной и женщиной. Таким образом, семья и брак, имеющие непосредственное отношение к духовной сфере, сегодня испытывают серьезное идеологическое и политическое влияние, меняясь в том числе в своей основной функции – деторождении. Последнее связано и с развитием медицины. Так, например, суррогатное материнство постепенно меняет представления о ценности женщины, роли матери и отца, семьи в целом. Современная молодежь сталкивается с новым, более вариативным образом семьи, хотя и хранит традиции предшествующих поколений. Именно дефицит традиционных отношений рождает серьезный запрос среди молодежи на семью, делая ее одной из значимых ценностей.

Если говорить о патриотизме как еще об одной ценности, столь значимой для советского человека, то среди студенческой молодежи наблюдается вербальное выражение лояльности к общепринятому мнению, а не деятельная установка на конкретные поступки [11]. В случае военного конфликта только третья часть респондентов готовы пойти добровольцами, каждый десятый стал бы искать работу, которая освобождает от мобилизации [12]. С течением времени, особенно на протяжении последних 15 лет, память о войне, подвигах прошлых поколений стирается и замещается текущими проблемами, часто сугубо личного характера. Каждый десятый респондент полагает, что героизм и самопожертвование участников войны чужды современной молодежи [13]. Патриотизм основывается на самоотверженности, которая проявляется в готовности человека рисковать жизнью ради блага своей страны и своего народа. Сегодня жертвенность носит неявный характер, уступая место эгоизму и ориентации на собственные выгоды [14]. Студенчеству присуще критическое отношение к Родине, и, несмотря на выражение готовности активно участвовать в преобразованиях на благо страны, на практике это проявляется слабо [15]. Для советского человека патриотизм выступал одной из основных ценностей и составлял основу внерелигиозной духовности. Для постсоветского молодого человека он значим в меньшей степени и не является безусловным.

Духовность современного человека практически не зависит от уровня образования. Несмотря на массовый характер высшего образования, его содер-

жательная ценность и качество значительно снизились. Основными образовательными мотивами для молодежи выступают желание стать компетентным работником, устроиться на интересную и высокооплачиваемую работу [16]. Сегодня образование связывается не с личностным, а с профессиональным развитием, даже, скорее, с выгодной адаптацией в современном обществе. Мало кто разделяет установку служить своей стране и людям. Также наблюдается тенденция к дискредитации образования [17], особенно высшего, что существенно отличается от советского периода, когда образование и наука являлись ценностями.

Современная молодежь не рассматривает духовность как средство борьбы с кризисом культуры или как путь приобщения к высокой культуре. Дезориентирующие ценности массовой культуры скорее отдалают от поисков духовности, чем приближают к ней. Одновременно наблюдается дефицит общественно полезной части досуга, связанной с повышением уровня личной культуры, воспитания и образования детей, реализацией творческого потенциала в альтернативных видах деятельности, укреплении здоровья [18, с. 17].

Д. А. Давыдов отмечает наличие двух модусов самореализации – коммунитарного, связанного со стремлением ко всеобщему благу и с творчеством, и индивидуалистического, который заключается в самоутверждении за счет вытеснения других [19]. Такая самореализация ведет к росту конкуренции и отчуждения, культивирует не создание семьи, воспитание детей, служение стране и народу, а достижение личного успеха и популярности. Причем современный человек стремится минимизировать затраты на эффективную адаптацию и достижение поставленной цели, в его стратегии наблюдаются пассивность и «социальное равнодушие» [20, с. 3408]. Самореализация молодежи связана с восприятием современного общества как отчуждающего его от реального Я. Она пытается преодолеть духовный вакуум общества потребления, выйти за пределы социализированного Я. В действительности это часто сводится к завоеванию плюрализма мнений, свободе самовыражения, выбору и отстаиванию собственной модели поведения. Все это становится основой для расцвета субкультурных образований (теперь представленных и в соцсетях).

Новый вид духовности означает поворот человека от традиции, воцерковления к личной субъективности, самореализации, внутреннему миру индивида, для которого главным авторитетом является он сам. Происходит переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников к человеку [21]. Данную тенденцию подтверждают результаты исследования «Россияне о духовности», проведенного фондом «Общественное мнение» в 2014 г. Выяснилось, что

почти половина (43 %) опрошенных полагают, что сейчас общество менее духовно, чем в советское время, почти половина (47 %) опрошенных не связывают духовность с верой, аргументируя это тем, что неверующий человек вполне может быть высокодуховным, четверть респондентов считают, что такого быть не может, 12 % – затруднились ответить [22].

Большинство представителей постсоветского поколения продолжают воспринимать духовность нерелигиозно, но теряют те смыслы, которые были связаны с внерелигиозной духовностью советского человека – нравственностью, образованностью, культурностью. Меняется и идеал советского человека как деятельного индивида. Во многом это связано с тем, что трансформируется и отношение к труду, который не воспринимается сегодня как безусловная ценность, более того, он прекаризируется, принимает не характерные для советского времени формы. Профессионализм перестает быть универсальным в том смысле, о котором писал Л. Н. Коган.

Чтобы продемонстрировать, как современная студенческая молодежь трактует духовность, следует обратиться к ответам респондентов. Совокупность мнений можно разделить на две условные группы. Представители одной из них воспринимают духовность положительно, представители другой – негативно или как атавизм.

Объем первой группы суждений больше, т. е. положительные мнения о духовности преобладают. Кроме того, опрос показал, что молодежь воспринимает духовность в религиозном смысле гораздо реже, чем можно было предположить. Так, респонденты отмечали, что духовность – это свойство души, не зависящее от религии, при этом признавали существование духовного мира в противовес материальному.

Ответы респондентов содержали следующие определения духовности:

- вера, набор личностных качеств, саморазвитие, самоактуализация, принятие себя и окружающего мира;
- атавизм и рудимент;
- религиозный компонент;
- морально-нравственные ценности в человеке, воспитанные обществом и культурой;
- процесс воспитания, образования и социализации;
- связь со страной и властью, патриотизм.

Среди ответов, которые трактовали духовность как веру, набор личностных качеств, саморазвитие, самоактуализацию, осознанность, принятие себя и окружающего мира, встречались следующие: *альтруизм; благовоспитанность; богатство внутри мира; быть честным перед самим собой; важная составляющая души; вера; вера в какую-либо немате-*

риальную сущность; вера в лучшее, в самого себя; вера и приверженность традициям; вера в человечество и человечность; внутреннее состояние; внутреннее личностное развитие человека в соответствии со своими целями; внутреннее стремление к реализации своих способностей без ущерба для окружающего мира; внутреннее чувство человека; внутренний мир человека и его природа; внутренний мир; взгляды на жизнь; осознанность бытия; внутренний стержень человека; внутренний устав; внутренняя красота; внутренняя эмоциональная составляющая человека, присущая тем, кто развит душой; внутренняя самонаполненность; возвышенность духа; воспитание и вера; все самое хорошее; все, что связано с нематериальной жизнью человека; высокая степень уважения к людям и миру; высшая интеллектуальная деятельность; гармония; добродетель; доброта и понимание; восходит к понятию «религия» и связана с внутренним миром человека; душевность; качество человека, определяющее его способность к пониманию прекрасного; нравственная чистота; здоровый ум и миролюбивость; творчество и чувства; чистая душа; осознание реальности; умение воспринимать себя таким, какой ты есть¹; жизнь; любовь; открытость к окружающим; умение сопереживать; осознание, понимание, принятие, развитие; совесть; желание помогать другим не во благо себе; праведный образ жизни и др. Респонденты связывали духовность с внутренним миром человека, обладающим лучшими качествами – добротой, любовью, миролюбивостью, самопожертвованием. При этом в отдельных случаях подчеркивалось, что духовность – это вера в себя и в других людей, а ее критериями выступают осознанность человека, принятие себя и окружающего мира. В этом же контексте говорилось о духовности как об определенной аскетике, в частности отмечалось, что духовность – это *контроль над собой, отказ от подчинения своим желаниям.*

В некоторых высказываниях духовность определялась как атавизм и рудимент. При этом нельзя утверждать, что студенты, которые высказали такое мнение, не разделяют позиции, согласно которой духовность – это вера, набор личностных качеств и саморазвитие. Возможно, они разделяют ее, но не связывают со словом «духовность». Данное предположение требует дополнительного анализа. Встречались такие трактовки духовности: *бегство от реальности; попытка решить проблемы с помощью церкви; бегство от своих слабостей; нематериальные «понты» и суррогат совести; слово, которым люди оправдывают недостаток ума и логики; способ меряться «понтами»; опора для слабых; атавизм; способность находить смысл там, где его нет; стереотип; вера в стерильные истины; заблуждение; пропагандистское клише; то, к чему я не готов и др.* Таких высказываний было достаточно, чтобы

¹Характерно, что данная позиция во многом перекликается с западными европейскими ценностями.

сделать вывод о том, что среди студентов есть те, для кого понятие «духовность» лишено смысла. Для них это социальный конструкт, позволяющий иметь преимущества перед другими и оправдывать свои действия. Интересна привязка духовности к дихотомии «сильный – слабый». Так, по мнению студентов, духовность характеризует слабую личность. Приверженность научному знанию олицетворяет высказывание одного из студентов регионального вуза, о том что духовность – это *верить в то, что JS станет настоящим языком программирования*.

В ряде суждений духовность рассматривалась как религиозная практика, связанная с церковными институтами и догматами. К таким высказываниям относят следующие: *бесконечное отношение человека к другим людям и жизнь по Божьим заповедям; Бог; быть с Богом; вера в религию; вера в Бога; соблюдение канонов, предписанных выбранной религией и др.* Встречалось и сугубо аскетичное понимание духовности в религиозном ключе: *образ жизни на основании строгой системы внутренних моральных ценностей, в соответствии с религиозными догмами*. Часть студентов связывают духовность с религией, но таких не большинство даже в сравнении с теми, кто считает, что духовность – атавизм для современного общества. Скорее всего, среди студенческой молодежи доминирует позиция, согласно которой духовность возможна и без церковных институтов и религиозных практик.

Еще одна часть мнений содержит восприятие духовности как морально-нравственных ценностей в человеке, воспитанных обществом и культурой: *верное осознание окружающей действительности через песни, стихи и культуру; высокая нравственная культура; высокие моральные устои; высокие моральные ценности; высшая духовная культура, нравственность и интеллект; культура; нравственная культу-*

ра; система ценностей человека; заменитель морали для не имеющих ее; моральные и духовные традиции; приверженность традициям и устоям и др. Данные высказывания отличает то, что они не связывают духовность ни с религией, ни с верой в Бога, ни с внутренней работой индивида, а трактуют ее как результат влияния общественных институтов, в частности культуры. Взгляды данной группы респондентов близки к советским представлениям о духовности.

Некоторые студенты отметили, что для них духовность – это процесс воспитания, образования и социализации. Были высказаны такие мнения: *воспитание, полученное с раннего детства в семье; просвещение; образованность; то, чему нас учат с детства (искусство, культура, манеры), но со временем понимаешь, что у всего есть две стороны и др.* Как можно заметить, в последнем суждении высказывается сомнение в том, действительно ли духовность приносит человеку пользу.

Учащиеся столичных вузов (особенно Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) склонны считать духовностью патриотизм, связь со страной и властью. Студенты отмечали следующее: *вера в Путина; любовь к России и Путину; православные скрепы*. В одной анкете встретила мысль о том, что духовность – *вера, царь и Отечество*. Здесь присутствует явная отсылка к знаменитой формуле С. С. Уварова: «православие, самодержавие, народность». Правда, в указанном суждении присутствует вольная трактовка, которая представляется неслучайной: не конкретизируется, какая именно вера, понятие «народность» заменено понятием «Отечество». Можно предположить, что данное мнение подчеркивает историческую давность политического проекта «духовность», претерпевая изменения в нынешних условиях.

Заключение

В разные исторические периоды население СССР было неоднородным в идеологическом плане. Соответственно, духовность трактовалась по-разному. Идеи времен раннего СССР имели определенную схожесть с основными принципами постматериализма, предложенными Р. Инглхартом в конце XX в., что свидетельствует о том, что советский проект во многом был прогрессивным (прежде всего по западным меркам) и идеологически европейским. К 1930-м гг., особенно в эпоху правления И. В. Сталина, ситуация изменилась. Это было связано не только с мировоззренческими особенностями самого вождя, но и с тем, как общество ассимилировало и «переварило» идеи первых большевиков и коммунистов, оставив в сухом остатке только то, что было по-настоящему важно и не противоречило ценностному ядру собственной культуры.

Преемственность взглядов на духовность, присущих современному человеку, в частности студентам, с представлениями советского общества выражается прежде всего в схожести высших нравственных ценностей, патриотизме. Духовность в меньшей степени связана с образованием и культурой по той причине, что изменилось содержание культуры, а также принципы образования. У молодых людей наблюдаются нигилистические настроения, они называют духовность рудиментом. Обращает на себя внимание то, что в СССР именно религиозная духовность считалась рудиментом, пережитком, но как таковая духовность не отрицалась, более того, в культурном и образовательном смыслах она была своеобразным культом. Секулярная духовность, вписываемая в марксистско-ленинскую идеологию, не только не порицалась, но и была

частью коммунистического общества, воспитывая нового советского человека. Для современного индивида характерны такие смыслы секулярной духовности, как возможности человека, вера в науку, а также в самого себя.

Примечательно и то, что довольно мало нынешних студентов связывают духовность с Богом. Для них духовность выступает объектом социальных институтов – религиозных, образовательных, культурных. Для студенческой молодежи духовный человек – это прежде всего воспитанный человек, обладающий положительными качествами, чаще всего добротой,

принятием себя и других. В ответах респондентов нет формулировок «профессионал», «активный гражданин своей страны», «верный сын своего Отечества». Из проанализированного можно предположить, что со времен СССР требования к духовности значительно снизились. Сегодня, чтобы считаться духовным, достаточно быть неконфликтным, воспитанным человеком. В этом заключается гуманизация духовной сферы в стиле нью-эйдж, которая со времен СССР может быть не только вне религии и Бога, но и вне национальных интересов и государственных границ, как единство и гармония со всем миром.

Библиографические ссылки

1. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир; 2020. 352 с.
2. Левада ЮА. «Человек советский»: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2003;1:8–16.
3. Голов АА, Гражданкин АИ, Гудков ЛД, Дубин БВ, Зоркая НА, Левада ЮА и др. *Советский простой человек: опыт социологического портрета на рубеже 90-х*. Левада ЮА, редактор. Москва: Мировой океан; 1993. 300 с.
4. Давыдов ДА. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей? *Социологические исследования*. 2021;12:78–90. DOI: 10.31857/S013216250016429-4.
5. Подлесная МА, Соловьёва ГВ, Ильина ИВ. Историческая память: школьники и студенты об истории России. *Вестник Института социологии*. 2021;37:55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
6. Халий ИА, Подъячев КВ. Молодёжная политика как фактор социального развития: концептуальные противоречия. В: Зубок ЮА, Чупров ВИ, Сорокин ОВ, Кублицкая ЕА, Лютенко ИВ, Сивоплясова СЮ и др. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики*. Белгород: Эпицентр; 2021. с. 464–495.
7. Горшков МК, Шереги ФЭ. *Молодежь России: социологический портрет*. Москва: ЦСПиМ; 2010. 592 с.
8. Зубок ЮА, Чупров ВИ, Сорокин ОВ, Кублицкая ЕА, Лютенко ИВ, Сивоплясова СЮ и др. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики*. Белгород: Эпицентр; 2021. 500 с.
9. Лурье СВ. Сходство и различие мировоззрения юных и молодых: динамика установок по отношению к семье, межэтническим бракам, русской национальной самоидентификации. *Сибирский антропологический журнал*. 2021;5(2): 53–63. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-53-63.
10. Подлесная МА. Авторитет в сетевом обществе и представления о нем российской молодежи. *Проблемы национальной стратегии*. 2022;3(72):47–70. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_47.
11. Широкалова ГС. Историческая память и патриотизм повседневности. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018;10(3/2):161–174. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174.
12. Грошев ИЛ, Грошева ИА, Грошева ЛИ. Патриотизм в оценках тюменской молодежи. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 1189–1198. DOI: 10.19181/kongress.2020.148.
13. Мансуров ВА, Вишневский ЮР, Гушин ОВ, Нархов ДЮ, Пономарев АВ, Ружа ВА и др. *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне*. Вишневский ЮР, редактор. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2015. с. 98–105.
14. Панова АМ, Мухтаруллина ММ, Давыдова ЮА, Денисенкова НН. Патриотизм через призму ценностных ориентаций современной российской молодежи. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 580–588. DOI: 10.19181/kongress.2020.71.
15. Подлесная МА, Богдан ИВ. Православная идентичность и патриотизм российских студентов светских и духовных вузов. *Проблемы национальной стратегии*. 2021;4(67):181–200. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_4_181.
16. Константиновский ДЛ, Попова ЕС. Отношение молодежи к образованию в современной России. *Общественные науки и современность*. 2016;1:5–19.
17. Константиновский ДЛ, Попова ЕС. Среднее vs высшее. *Мир России*. 2020;29(2):6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
18. Карачаровский ВВ, Шкаратан ОИ. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению. *Мир России*. 2017;26(2):6–37.
19. Давыдов ДА. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2018;18(3):86–102. DOI: 10.17506/gurp.2016.18.3.86102.
20. Гугова СГ, Целищева ЗА, Бабкова ОМ. Культура молодежи: в поисках духовных оснований. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 3403–3412. DOI: 10.19181/kongress.2020.405.
21. Руткевич ЕД. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;1:5–25.
22. Филиппов ВМ, Пузанова ЖВ. Патриотизм как национальная идея в контексте духовно-нравственного развития современной молодежи. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016;12:11–13.

References

1. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
2. Levada YuA. «Homo Sovieticus»: the fourth wave. Time of changes in public opinion view. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2003;1:8–16. Russian.
3. Golov AA, Grazhdankin AI, Gudkov LD, Dubin BV, Zorkaya NA, Levada YuA, et al. *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsiologicheskogo portreta na rubezhe 90-kh* [The Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Levada YuA, editor. Moscow: Mirovoi okean; 1993. 300 p. Russian.
4. Davydov DA. The value foundations of post-capitalism: from the «mode of having» to the individualism of self-actualising personalities? *Sociological Studies*. 2021;12:78–90. Russian. DOI: 10.31857/S013216250016429-4.
5. Podlesnaia MA, Solovyova GV, Ilina IV. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2021;37:55–82. Russian. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
6. Khalii IA, Pod'yachev KV. [Youth policy as a factor of social development: conceptual contradictions]. In: Zubok YuA, Chuprov VI, Sorokin OV, Kublitskaya EA, Lyutenko IV, Sivoplyasova SYu, et al. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki* [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices]. Belgorod: Epitsentr; 2021. p. 464–495. Russian.
7. Gorshkov MK, Sheregi FE. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: TsSPiM; 2010. 592 p. Russian.
8. Zubok YuA, Chuprov VI, Sorokin OV, Kublitskaya EA, Lyutenko IV, Sivoplyasova SYu, et al. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki* [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices]. Belgorod: Epitsentr; 2021. 500 p. Russian.
9. Lourié SV. The similarity and difference in the worldview of youths and older young men. The dynamics of sets towards the family, interethnic marriages, Russian national self-identification. *Siberian Journal of Anthropology*. 2021;5(2): 53–63. Russian. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-53-63.
10. Podlesnaia MA. Authority in network society from the perspective of Russian youth. *National Strategy Issues*. 2022;3(72):47–70. Russian. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_47.
11. Shirokalova GS. Historical memory and patriotism of everyday life. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018; 10(3/2):161–174. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174.
12. Groshev IL, Grosheva IA, Grosheva LI. Patriotism in evaluations of tyumen youth. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 1189–1198. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.148.
13. Mansurov VA, Vishnevskii YuR, Gushchin OV, Narkhov DYu, Ponomarev AV, Ruzha VA, et al. *Voina byla pozavchera... Rossiiskoe studenchestvo o Velikoi Otechestvennoi voine* [The war was yesterday... Russian students about the Great Patriotic War]. Vishnevskii YuR, editor. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2015. p. 98–105. Russian.
14. Panova AM, Mukhtarullina MM, Davydova YuA, Denisenkova NN. Patriotism through the prism of valuable orientations of the modern russian youth. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 580–588. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.71.
15. Podlesnaya MA, Bogdan IV. Orthodox identity and patriotism of Russian students of secular and spiritual universities. *National Strategy Issues*. 2021;4(67):181–200. Russian. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_4_181.
16. Konstantinovskii DL, Popova ES. The intention of young people to higher education as an important resource of innovative development of Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. 2016;1:5–19. Russian.
17. Konstantinovskii DL, Popova ES. Secondary vs higher. *Universe of Russia*. 2020;29(2):6–26. Russian. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
18. Karacharovskii VV, Shkaratan OI. The shadow price of social change and its evaluation. *Universe of Russia*. 2017;26(2): 6–37. Russian.
19. Davydov DA. Ronald Inghart's concept of post-materialism in critical perspective. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2018;18(3):86–102. Russian. DOI: 10.17506/ryipl.2016.18.3.86102.
20. Gutova SG, Tselishcheva ZA, Babkova OM. Culture of youth: in search of spiritual bases. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 3403–3412. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.405.
21. Rutkevich ED. From «religiosity» to «spirituality»: the European context. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;1:15–25. Russian.
22. Filippov VM, Puzanova ZhV. Patriotism as the national idea in the context of spiritual and moral development of the modern youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2016;12:11–13. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022.
Received by editorial board 11.09.2022.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ НИКЛАСА ЛУМАНА: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ДЕСКРИПТОРОВ ОБЩЕСТВА

К. В. СЕВАСТОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Проводится компаративный анализ базовых положений теории социальных систем Н. Лумана и основоположений философии постмодернизма. Определяются точки смыслового пересечения категориального аппарата концепции Н. Лумана с рядом ключевых понятий современной социальной философии, а также взаиморезонирование их базовых основоположений. Доказывается, что сравнение теории социальных систем Н. Лумана и философии постмодернизма может быть осуществлено по нескольким критериям: предметному (определение общей сферы изысканий), историческому (обозначение общего времени и контекста возникновения) и содержательному (выявление семантических параллелей теорий при смещении ракурса рассмотрения). Проводится параллель между бессубъектной социологией Н. Лумана и постмодернистской концепцией отсутствующего субъекта. В соответствии с теорией социальных систем Н. Лумана субъект является некоммуникативным по определению. В концептуальном аппарате философии постмодернизма в качестве фундаментального выступает содержательно аналогичный отказ от трактовки субъекта в его классическом понимании. Выявляется содержательная связь концепции бинарной истины Н. Лумана и субъективистской теории истины в постмодернизме. Отмечается, что истина в контексте социальной системы Н. Лумана зависит от ее актуальности для субъекта. Она моделируется в нестатичном контексте и может переоцениваться в субъективном ключе в зависимости от смещения фокуса актуальности того или иного фрагмента знаний субъекта. Аналогичным образом в постмодернистской философии происходит субъективизация истины, которая оказывается переменной величиной не только в социокультурной системе отсчета, но и в системе отсчета индивида. Доказывается, что, с одной стороны, Н. Луман, а с другой – постмодернистские авторы формируют новое видение когнитивных процессов в рамках постнеклассического типа рациональности.

Ключевые слова: теория социальных систем; постмодернизм; общество постмодерна; иерархия; антиформа; бессубъектная социология; коммуникация; смерть автора; смерть субъекта; истина; знание.

NIKLAS LUHMANN'S THEORY OF SOCIAL SYSTEMS: THE POSTMODERN CHARACTER OF SOCIETY'S DESCRIPTORS

K. V. SEVASTOV^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article carried out a comparative analysis of the basic provisions of the theory of social systems by N. Luhmann and the principles of the philosophy of postmodernism. Considering the categorical apparatus of N. Luhmann's concept, the author finds points of semantic intersection with a number of key concepts of modern social philosophy, as well as mutual resonation of basic principles. The article proves that the comparison of the theory of social systems by N. Luhmann and the philosophy of postmodernism can be carried out according to several criteria: subjective (general scope of research), historical (common time and context of occurrence) and meaningful (when the perspective of consideration is shifted, it becomes

Образец цитирования:

Севастов КВ. Теория социальных систем Никласа Лумана: постмодернистский характер дескрипторов общества. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;4:42–47.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-42-47>

For citation:

Sevastov KV. Niklas Luhmann's theory of social systems: the postmodern character of society's descriptors. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:42–47. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-42-47>

Автор:

Кирилл Валерьевич Севастов – аспирант кафедры философии и методологии университетского образования факультета повышения квалификации и переподготовки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор М. А. Можейко.

Author:

Kirill V. Sevastov, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of university education, faculty of advanced training and retraining.
kirillsevastov@gmail.com

possible to identify semantic parallels named theories). Thus, the article draws a parallel between N. Luhmann's subjectless sociology and the postmodern concept of the absent subject. In accordance with the theory of social systems by N. Luhmann, the subject is non-communicative by definition. In the conceptual apparatus of the philosophy of postmodernism, a meaningfully similar rejection of the interpretation of the subject in its classical sense is fundamental. A meaningful connection between the concept of binary truth by N. Luhmann, on the one hand, and the subjectivist theory of truth in postmodernism, on the other hand, is revealed. Thus, the truth in the context of N. Luhmann's social system depends on its relevance for the individual, fitting into the system of knowledge that is significant for him at the moment, the truth is modeled in a non-static context and can be re-evaluated in a subjective way, depending on the shift in the focus of the relevance of one or another fragment of knowledge of the individual. Similarly, in postmodern philosophy there is a subjectivisation of truth, which turns out to be a variable not only in the socio-cultural frame of reference, but also in the frame of reference of the individual. Thus, the article proves that there are semantic parallels in the theory of social systems of N. Luhmann and postmodern philosophy, which allow us to say that, independently of each other, N. Luhmann, on the one hand, and postmodern authors, on the other, develop a new vision of cognitive processes within the post-non-classical type of rationality.

Keywords: theory of social systems; postmodernism; postmodern society; hierarchy; antiform; subjectless sociology; communication; the death of the author; the death of the subject; truth; knowledge.

Введение

Теория социальных систем Никласа Лумана и философия постмодернизма развивались параллельно. Взаимная корреляция их базовых концепций не прослеживается на первый взгляд, но при более детальном исследовании обнаруживается схожесть их концептуальных подходов. Данный ракурс рассмотрения позволяет, с одной стороны, протекционно рассуждать о концепциях общества

постмодерна, которые часто обвиняются в профанации, а с другой – наметить принципиально новое направление в исследованиях как социальной теории, так и философии постмодернизма. Соответственно, цель данной статьи – выявить точки соприкосновения между теорией социальных систем и постмодернизмом на основе метода компаративного анализа.

Социальные системы и постмодернизм

Теория социальных систем Н. Лумана, оказавшая огромное влияние на развитие и популяризацию социологических исследований, из аналитического контекста теоретической социологии постепенно распространилась на социальную философию, тем самым истончая границу между социологическим и философским прочтением общественной структуры и, напротив, усложняя само понятие социальной системы.

Н. Луман, отталкиваясь от системной теории Т. Парсонса [1; 2] и отделяя предшествующие теоретические разработки от используемого впоследствии методологического подхода структурного функционализма [2, с. 12], предлагает общую теорию социальных систем, призванную исправить категоричность и безапелляционность уже существующей теории. Другими словами, теория социальных систем Н. Лумана представляет собой, с одной стороны, неофункционалистский взгляд на системную структуру общества, с другой – ее описательную характеристику, в той или иной мере коррелирующую с концепциями философии постмодернизма, пусть и в достаточно спекулятивном русле.

Важно отметить, что Н. Луман старается избегать строгих утверждений, касающихся социального постмодернизма. Тем не менее он неоднократно обращается к ним, фокусируя внимание прежде всего на теории систем. По его словам, социальная система самореферентна [2, с. 42–67], а системная теория – «самонаблюдающий, аутопоэтиче-

ский, рекурсивный механизм... система, которая демонстрирует собственную интеллектуальную динамику... которая относится к самым интересным и чарующим явлениям, которые мы сегодня видим в условиях очень проблематичной ситуации так называемого постмодернизма» [2, с. 67].

Социальная система Т. Парсонса основана в первую очередь на социальном взаимодействии, которое организовано на символических культурных уровнях, напрямую зависящих от аспекта поведения – действия. По Парсонсу социальная система является ни чем иным, как центром систематизированного человеческого действия, и, будучи открытой, участвует в процессе межсистемного взаимодействия [1, с. 40–43].

Социальная система Н. Лумана представляет собой «оперативно и самореферентно закрытую систему» [3, с. 201], действия внутри которой сводятся лишь к коммуникации, при помощи которой, как экспертно разъясняет А. В. Назарчук, система воспроизводится внутри себя [4, с. 113–122].

При этом среди социальных систем Н. Лумана отсутствуют уровни, что естественно, ведь если каждая из систем закрыта, то в их наличии нет абсолютно никакого смысла. Отсутствие уровней среди социальных систем несет в себе не только очевидную причину, но и деконцентрацию необходимости в них. Существенным является то, что структура социальных систем формируется в своего рода горизонтальной плоскости, важным элементом которой

является форма. Понятие формы, лежащее в основе системной теории, призвано не создавать или искать идентичность или схожесть социальных структур, а, наоборот, различать их [3, с. 240–241; 5, с. 41]. Таким образом, в качестве ключевых и основополагающих аспектов в контексте сравнения системных теорий Т. Парсонса и Н. Лумана следует рассмотреть понятия «иерархия» и «форма».

И. Хассан в своей фундаментальной работе [6] проводит строгую разграничительную линию между модернистскими и постмодернистскими понятиями, где в качестве альтернативы модернистским концепциям предлагаются противоположные положения, которых постмодернизм придерживается по крайней мере на начальном этапе формирования своего концептуального аппарата.

В качестве понятия, альтернативного понятию «иерархия», выдвигается ни что иное, как антонимичное ему понятие «анархия» (безусловно, не в социально-политическом, а в структурно-организационном смысле). Постмодернизм не предлагает

анархизировать всю системную теорию. В противном случае это выглядело бы как сфокусированный процесс с конкретным результатом, т. е. как процесс строгой векторальной направленности, против которого постмодернизм истово протестует. Тем или иным способом постмодернизму достаточно всего лишь отказаться от иерархии, естественно, ничего не предлагая взамен.

Практически то же произошло и с понятием формы в символическом прочтении постмодернизма: понятие конструкта закрытой и замкнутой формы постмодернизмом опротестовано и, соответственно, деконструировано до понятия открытой и разомкнутой антиформы.

С учетом того что в совокупности социальных систем отсутствует иерархия, а форма представлена лишь для очертания системной границы с последующим поиском системных различий, уже на начальном этапе становится возможным проследить точечные постмодернистские дескрипторы в теории социальных систем, предложенных Н. Луманом.

Бессубъектная коммуникация и смерть субъекта

Ключевое место в теории социальных систем Н. Лумана занимает понятие коммуникации. Существование социальной системы возможно именно благодаря коммуникации, без нее невозможны самопроизводство и саморегенерация системы. Отсутствие коммуникации есть отсутствие социальной системы [4, с. 113–122].

Н. Луман предлагает двойное прочтение социальной теории. Социальная теория рассматривается, с одной стороны, как концепция для социального размежевания на группы и функциональные подсистемы, с другой – как теоретический аспект социокультурной эволюции. Обе интерпретации зависимы друг от друга: социокультурная эволюция расширяет групповую и подсистемную дифференциацию [7, с. 11].

Рассуждая о рандомном невидимом наблюдателе внутри референтной группы и невозможности его обозначения, Н. Луман описывает проблему невидимого субъекта, который, различая наблюдаемое, не задается вопросами: «Почему я различаю так, а не иначе, кто же тот наблюдатель, кто различает так, а не иначе?» [8, с. 183–184].

Н. Луман определяет основную предпосылку к возникновению социальной системы – необходимость во внутрисоциальном селективном согласовании, которое, безусловно, формируется посредством коммуникации [7, с. 13]. Соответственно, социокультурная эволюция в контексте социальной системы несет в себе не статичную установку, ограниченную временем, внутри которой групповая и подсистемная дифференциация выступает как постоянно эволюционирующий смысл, а коммуникация – как артикуляционный инструмент для этого процесса. Принципиально важно, что в данном распределении

внутрисистемных ролей субъект не принимает никакого участия.

В соответствии с социальной системой Н. Лумана коммуникация абсолютно не коррелирует с субъектом как с единицей общества, потому как в данной плоскости принадлежностей и свойств коммуникативным является только общество. Соответственно, коммуникация является не межсубъектным, а внутрисоциальным процессом [9].

Определив, какое именно место коммуникация занимает в системе координат социальной теории Н. Лумана, следует более тщательно разобрать феномен отсутствия субъекта для выявления своего рода постмодернистского локуса, потому как теория обладает достаточной стабильностью, а социальный контекст – нет. И, что принципиально важно, в данном рассуждении не придется отходить от теоретического аппарата, предложенного Н. Луманом при создании своего рода бессубъектной социологии: такой постмодернистский концепт, как смерть субъекта, находит свое отражение и здесь.

Концепция смерти субъекта обрела особую популярность и широкую приверженность в философии постмодернизма после выхода эссе Р. Барта [10], в котором был сформулирован принцип независимости текста от фигуры автора, который «есть всего лишь тот, кто пишет, так же, как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”» [10, с. 387]. По Барту создание текста – отправной пункт, «некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций», который возможен, когда речь завершается и нельзя детерминировать говорящего. Констатируется факт, что «тут нечто говорится» [10, с. 460].

Окончательно сформированный текст впоследствии теряет связь с автором, который по отно-

шению и к самому тексту, и тем более к читателю попросту умирает. Важно, что в данной концепции смерть – это процесс, который регулярно повторяется при участии каждого читателя.

Ж. Бодрийяр определяет невозможность существования субъекта в каком-либо одном конкретном состоянии (жизни или смерти). В символическом контексте такая абстрактная бинарность неосуществима, потому как процесс смерти продолжителен и происходит на протяжении всей жизни, которая представляется чем-то остаточным, реальным и «существует лишь в своей обреченности на смерть» [11, с. 284–286]. Тем самым Ж. Бодрийяр подводит к еще более провокационному утверждению о том, что продолжительной смерти субъекта недостаточно, потому как общие субъектные составляющие целостного Я (например, тело, вещи, язык) заключены в необратимый процесс, в котором «еще при жизни отмирают, претерпевают работу скорби» [11, с. 285].

Конкретизируя концепцию смерти субъекта, Ж. Бодрийяр опирается на пример создания коллекции, недостающая часть которой обретает ценность лишь в процессе своего отсутствия. Одновременно с этим обсуждаются два вопроса. Во-первых, является ли создание коллекции действием, результатом которого должна стать ее завершенность? Во-вторых, являются ли пробелы (лакуны по Бодрийяру) акцентами первостепенной важности, потому как именно в их рамках субъект способен на собственную объективацию? Соответственно, завершенность коллекции в виде отсутствия пустых фрагментов не приводит ни к чему иному, как к смерти субъекта. Фрагментарность же коллекции побуждает субъекта лишь к бесконечной игре в смерть, которая переживается исключительно страдательно. Но только благодаря этому страданию и представляется возможным миновать финализацию коллекции, перфективность которой, как утверждает Ж. Бодрийяр, ведет к «окончательному устранению реальности» [12, с. 103–104]. Таким образом, по мнению Ж. Бодрийяра, смерть субъекта не означает что-то конечное, равно как и расщепление или деструкцию субъекта. В данном случае смерть – неконечное состояние, в котором субъект вынужден пребывать постоянно.

М. Фуко определяет субъект как точку пересечения различных исторически сложившихся дискурсов, в результате которых он лишается независимости, самостоятельности и целостности. Субъект – это

форма, которая подвергается историческим изменениям [13, с. 11–26]. Конкретизация индивида в субъект происходит тогда, когда он принимает форму, которую в состоянии принять, и занимает то положение, которое может и должен занять для того, чтобы стать этим субъектом [13, с. 181–188].

Так, анализируя пенитенциарную систему в первую очередь как аппарат принуждения субъекта, М. Фуко определяет двойное расхождение субъектной объективации. С одной стороны, это субъект-преступник, который выпадает из общественного договора, с другой – это юридический субъект, реабилитация которого осуществляется посредством наказания. В данном случае один и тот же субъект объективируется и как делинквент, и как конструкт сциентифического подхода [14, с. 374–375]. Так, объективирующая функциональность одного и того же субъекта в определенном и едином контексте предстает в двух абсолютно разных формах. Более того, не только объективация субъекта, но и субъект как таковой, подвергающийся какому-либо воздействию (в данном случае наказанию), может быть не только реконструирован, но и целенаправленно воссоздан.

М. Фуко проблематизирует и понятие коммуникации. Изолированный и запертый субъект видим только прямым наблюдателем (надзирателем у М. Фуко), но не другими субъектами: ограничения в виде стен не позволяют им контактировать. Для наблюдателя субъект визуализирован, наблюдатель для субъекта – нет. Соответственно, в данной ситуации субъект становится объектом информации, но не субъектом коммуникации [14, с. 293]. Можно сделать вывод о том, что в одном и том же контексте один и тот же субъект может быть не только наделен абсолютно разными свойствами и отмечен разного рода ярлыками, но и при определенных обстоятельствах заново сформирован. Истинность субъекта умирает, а его коммуникативность утрачивается.

В соответствии с позицией М. Фуко субъект возможен и даже вероятен, но с условием, что он образовался. В то же самое время его последующее формирование, становление, изменение и восстановление – процессы, сопутствующие смерти субъекта.

Таким образом, концепция бессубъектной социологии в теории социальных систем Н. Лумана и концепция смерти субъекта в философии постмодернизма демонстрируют отсутствующее присутствие субъекта.

Истина и знание: субъективность

В контексте теории социальных систем понятие истины трактуется Н. Луманом в связи с принципом регулирования социального и психического мира, который понимается им как саморегулирующийся и необъятный в своей сложности. Саморегуляция мира производится посредством смысла – само-

референциального воспроизводства (аутопоэзиса по Луману), который в обществе постмодерна главенствует над понятием субъекта. Истина, как коммуникативный код, есть смысловой схематизм, который создает систему и становится ее частью [7, с. 229–231].

По Луману истина моментально следует за знанием, которое сфокусировано в первую очередь на актуальности (транслируемое знание истинно только в данный артикулируемый момент), одновременно взаимодействуя с памятью для приведения смыслов в не противоречащие друг другу конструкции. Знание представляет собой проверочный процесс [15, с. 64–65].

Оперируя подобным представлением о знании и истине, Н. Луман заключает, что любое знание истинно: акцентирование внимания на истинности знания приводит к сомнению, тем самым перенаправляя коммуникацию от содержания к значению. Это, в свою очередь, позволяет коммуникации позиционировать себя бинарно, т. е. дает возможность соглашаться или не соглашаться с утверждаемой истиной [15, с. 68–69].

Н. Луман считает, что полицентричность общества не указывает на то, что существует множество истин или, наоборот, что не существует ни одной. Она указывает на то, что требование истины должно быть ужесточено [16, р. 3].

Безусловно, в процессе концептуализации аналитического аппарата философия постмодернизма не оставляет без внимания понятие истины. И если постмодернизм не смог в полной мере отказать от нее, то умаление ее абсолюта стало по-постмодернистски принципиальным действием.

Рассуждая об истине, М. Фуко представляет ее в виде средства, вследствие формирования которого субъект может конструировать себя и давать себе отчет о том, что произошло. По его мнению, истина – это знание о собственной субъективности и ситуативности [17, с. 6]. Убеждение в истинности утверждения положило начало формированию философской традиции западного типа – аналитике истины [17, с. 144].

М. Фуко предъявляет к понятию истины вопрос: «Артикулируется то, что считается истинным, или то, что действительно истинно?» И дает на него ироничный ответ, отмечая, что субъект «говорит то, что истинно, поскольку знает, что это истинно, и он знает, что это истинно, потому что это действительно истинно» [17, с. 17–18]. Соответственно, убеждение совпадает с истиной, из чего следует, что истина – переменная величина [17, с. 17–19]. Важно подчеркнуть, что данное утверждение в полной мере коррелирует с идеей Н. Лумана об истинности знания именно в артикулируемый момент и в процессе его прямого взаимодействия с таким индивидуализированным свойством субъекта, как память.

Ж.-Ф. Лиотар, опираясь на провозглашенные постмодерном недоверие и последующий кризис метанарратий, полагает, что знание теряет легитимацию (статичную общепризнанность), становясь все более субъективным. Как результат, истинность истины подвергается угрозе и не способна претендовать на единичность [18, с. 10–12].

Следствием «обрушения официальных нарративов и подрыва нарративных традиций» [19, с. 57] становится принцип субъективности, возводимый постмодернизмом в доминирующую позицию, когда истина заменяется на точку зрения, что, в свою очередь, приводит к отказу от объективной реальности [19, с. 58]. Так формируется один из основных постмодернистских аргументов: истина истинна лишь отчасти [19, с. 69].

Определив нестабильность понятия истины, ее бинарность в бессубъектной социологии, а также ее артикулируемую моментность и переменчивость, представляется возможным провести параллель между истинным знанием в теории социальных систем Н. Лумана и субъективной истиной как постмодернистским алгоритмом.

Заключение

Важно отметить, как Н. Луман соотносил свою теорию с постмодернизмом. Он подчеркивал, что общество полицентрично, но при этом не называл свою теорию социальных систем постмодернистской. Более того, он отмечал, что понятие «общество постмодерна» (если таковое имеет право на существование) не только не может претендовать на описание конкретного состояния обще-

ства (проблема денотата), но и оставляет открытым вопрос о своем содержании (проблема десигната) [20].

Н. Луман не подвергал радикальной критике постмодернистскую трактовку современного общества или отдельно взятых постмодернистских концепций, потому как «это уже есть хотя бы потому, что кто-то это так называет»¹ [20, р. 184].

Библиографические ссылки

1. Парсонс Т. Социальные системы. *Научный альманах Института философии РАН. Вопросы социальной теории.* 2008;2(1):38–71.
2. Луман Н. *Введение в системную теорию.* Тимофеева К, переводчик. Москва: Логос; 2007. 360 с.
3. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории.* Газиев ИД, переводчик; Головин НА, редактор. Санкт-Петербург: Наука; 2007. 648 с.
4. Назарчук АВ. *Теория коммуникации в современной философии.* Москва: Прогресс-Традиция; 2009. 320 с.

¹Перевод наш. – К. С.

5. Назарчук АВ. *Учение Никласа Лумана о коммуникации*. Москва: Весь Мир; 2012. 248 с.
6. Hassan I. *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*. Columbus: Ohio State University Press; 1987. 267 p.
7. Луман Н. *Власть*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2001. 256 с.
8. Луман Н. *Реальность массмедиа*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2005. 256 с.
9. Луман Н. Что такое коммуникация? *Социологический журнал*. 1995;3:114–124.
10. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков ГК, Карумов БП, Зенкина СН, Козлов СЛ, Баженова НА, переводчики. Москва: Прогресс; 1989. 616 с.
11. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Добросвет; 2011. 392 с.
12. Бодрийяр Ж. *Система вещей*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Рудомино; 1999. 224 с.
13. Фуко М. *Археология знания*. Ракова МБ, Серебрянникова АЮ, переводчики. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2004. 416 с.
14. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
15. Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Логос; 2016. 410 с.
16. Qvortrup L. Society's educational system – an introduction to Niklas Luhmann's pedagogical theory. *International Journal of Media, Technology and Lifelong Learning*. 2005;1:2–21.
17. Фуко М. *Дискурс и истина*. Корбут МА, переводчик. Минск: Пропилеи; 2006. 152 с.
18. Лиотар Ж-Ф. *Состояние постмодерна*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998. 160 с.
19. Какутани М. *Смерть правды*. Сумм ЛБ, переводчик. Москва: Эксмо; 2019. 256 с.
20. Luhmann N. Why does society describe itself as postmodern? *Cultural Critique*. 1995;30:171–186. DOI: 10.2307/1354436.

References

1. Parsons T. [Social systems]. *Nauchnyi al'manakh Instituta filosofii RAN. Voprosy sotsial'noi teorii*. 2008;2(1):38–71. Russian.
2. Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme; 2002. 347 S.
Russian edition: Luhmann N. *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu*. Timofeeva K, translator. Moscow: Logos; 2007. 360 p.
3. Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1984. 675 S.
Russian edition: Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. Gaziev ID, translator; Golovin NA, editor. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 648 p.
4. Nazarchuk AV. *Teoriya kommunikatsii v sovremennoi filosofii* [Theory of communication in contemporary philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2009. 320 p. Russian.
5. Nazarchuk AV. *Uchenie Niklasa Lumana o kommunikatsii* [Niklas Luhmann's teaching on communication]. Moscow: Ves' Mir; 2012. 248 p. Russian.
6. Hassan I. *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*. Columbus: Ohio State University Press; 1987. 267 p.
7. Luhmann N. *Macht*. Stuttgart: Lucius & Lucius; 1988. [256 S.].
Russian edition: Luhmann N. *Vlast'*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2001. 256 p.
8. Luhmann N. *Die Realität der Massenmedien*. Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH; 2004. [256 S.].
Russian edition: Luhmann N. *Real'nost' massmedia*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2005. 256 p.
9. Luhmann N. [What is communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1995;3:114–124. Russian.
10. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikov GK, Karumov BP, Zenkina SN, Kozlov SL, Bazhenova NA, translators. Moscow: Progress; 1989. 616 p. Russian.
11. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Zenkina SN, translator. Moscow: Dobrosvet; 2011. 392 p.
12. Baudrillard J. *Le système des objets*. Paris: Gallimard; 1991. 288 p.
Russian edition: Baudrillard J. *Sistema veshchei*. Zenkina SN, translator. Moscow: Rudomino; 1999. 224 p.
13. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris: Gallimard; 1969. 289 p.
Russian edition: Foucault M. *Arkheologiya znaniya*. Rakova MB, Serebryannikova AYU, translators. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2004. 416 p.
14. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. Birth of the prison]. Naumov V, translator. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p.
15. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1993. 732 S.
Russian edition: Luhmann N. *Istina, znanie, nauka kak sistema*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Logos; 2016. 410 p.
16. Qvortrup L. Society's educational system – an introduction to Niklas Luhmann's pedagogical theory. *International Journal of Media, Technology and Lifelong Learning*. 2005;1:2–21.
17. Foucault M. *Fearless speech*. J. Pearson, editor. Los Angeles: Semiotext(e); 2001. 128 p.
Russian edition: Foucault M. *Diskurs i istina*. Korbut MA, translator. Minsk: Propilei; 2006. 152 p.
18. Lyotard J-F. *La condition postmoderne*. Paris: Les éditions de minuit; 1979. 109 p.
Russian edition: Lyotard J-F. *Sostoyanie postmoderna*. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. 160 p.
19. Kakutani M. *The death of truth*. New York: Crown Publishing Group; 2018. 208 p.
Russian edition: Kakutani M. *Smert' pravdy*. Summ LB, translator. Moscow: Eksmo; 2019. 256 p.
20. Luhmann N. Why does society describe itself as postmodern? *Cultural Critique*. 1995;30:171–186. DOI: 10.2307/1354436.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется современный этап развития городской среды. Отмечается, что он характеризуется возрастанием роли городского публичного пространства, активизацией сетевого взаимодействия горожан, усилением взаимосвязи физического и цифрового компонентов в городской среде. Определяются показатели эволюции социокультурной среды города: соотношение частного и публичного компонентов в городской среде, соотношение вертикального и горизонтального взаимодействия горожан, степень адаптации населения к технологической трансформации города.

Ключевые слова: урбанизация; городская среда; социокультурная эволюция городов; периодизация развития городов; современный город.

SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF THE URBAN ENVIRONMENT AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The current stage of development of the urban environment is characterised by an increase in the role of urban public space; activation of network interaction of citizens; strengthening the relationship between physical and digital in the urban environment. The criteria for the evolution of the socio-cultural environment of the city are the ratio of private and public in the urban environment; the ratio of vertical horizontal interaction of citizens, as well as the degree of adaptation of citizens to the technological transformation of the city.

Keywords: urbanisation; urban environment; sociocultural evolution of cities; periodisation of urban development; modern city.

Введение

Традиционно понятие «урбанизация» трактуется как рост городов, увеличение численности городского населения, развитие городских производственных комплексов. Среди факторов урбанизации выделяют социально-экономические, демографические и географические. По мере акти-

визации урбанизационных процессов повышенный интерес к ним стали проявлять исследователи в области географии, экономики, культурологии, политологии и социологии. Расцветом советской городской социологии принято считать 1960-е гг. Этому способствовали массовое жилищное строительство

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Социокультурная эволюция городской среды как объект социологического анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;4:48–56.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-48-56>

For citation:

Lebedeva EV. Socio-cultural evolution of the urban environment as an object of sociological analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:48–56. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-48-56>

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of technology of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

и проектирование новых городов, что актуализировало потребность в прикладных исследованиях, направленных на обслуживание жилищной и градостроительной политики. С начала 1980-х гг. наряду с Москвой центрами городских исследований стали Ленинград, Таллин и Новосибирск. Социологическое изучение города в тот период концентрировалось на «накопленном общественном богатстве», которое «расширяет, обогащает и облегчает условия жизни и труда населения города» [1, с. 87], а также на работе объектов обслуживания как отражении функционально-пространственной дифференциации городской среды [2]. Сопоставляя различные ракурсы функционирования города (динамику структуры городской семьи, бюджет времени горожанина, его социальную активность и т. д.), социологи пытались выявить ключевые показатели и цели социального развития городов. Важную роль в понимании процессов урбанизации в советский период сыграли работы Л. Б. Когана¹ [3], в которых он впервые отметил ее социально-пространственный характер: «...центральным продуктом урбанизации в целом является воспроизводство человека во всем богатстве его возможностей и способностей, творческих потенций» [3, с. 5]. При этом социальное развитие города предполагало собой наращивание интеграционного потенциала городской среды и сопровождалось систематической перестройкой социально-функциональной структуры города по критерию центральности. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. утвердилась идея о том, что город представляет собой совокупность производственных и социально-территориальных ресурсов, причем последние обеспечивают воспроизводство ресурсов первого типа за счет притока человеческого капитала в город. В зависимости от соотношения типов ресурсов предлагалось выделять следующие типы городов: флагманы (города, в которых социально-территориальные ресурсы полностью обеспечивают развитие производственных), средние, слабые, паразиты (города, которые нуждаются во внешних дотациях и где ни один из указанных типов ресурсов не воспроизводится) и «аутсайдеры» (города, не способные конкурировать за трудовые ресурсы и доступ к социальным благам) [4, с. 98–100]. На основании этого Т. М. Дридзе предложила применять к анализу городского устройства методы прогнозного социального проектирования, социальной экспертизы градостроительных проектов и программ, а также комплексные социально-диагностические технологии как дифференцированный подход к изучению влияния особенностей местной среды на образ и качество жизни городских сообществ [5; 6]. А. С. Ахиезер выделил специфические черты урбанизационных процессов на постсоветском пространстве на примере России. Их главной отличительной чертой являлось то, что города формировались не столь-

ко посредством товарно-денежных отношений, сколько посредством ускоренного перемещения человеческих ресурсов из сельской местности (например, в результате всесоюзных ударных комсомольскихстроек), что привело к механическому переносу элементов сельской жизни в город и появлению феномена псевдоурбанизации [7]. По мнению К. К. Красовского [8], урбанизации в Беларуси также были свойственны искусственное увеличение числа городов, запаздывание качественных перемен по сравнению с количественными, слабая выраженность процесса агломерирования. При этом основные изменения в городском расселении происходили во второй половине XX в., когда число городских поселений выросло со 173 в 1939 г. до 212 в 1999 г., а доля городского населения в общей численности жителей увеличилась с 21 до 69 %. Отчасти это объясняется тем, что ведущую роль в росте городов и городского населения в Беларуси сыграла индустриализация (высокие темпы развития промышленности в послевоенный период), которая обусловила постепенную концентрацию населения в городах.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. представления о развитии городов значительно расширили свое предметное поле: в фокус эмпирического анализа попали такие темы, как городская политика, гражданское общество, право на город, городские конфликты и социальные движения. Возможность исключительно централизованного управления процессами градообразования ставилась под сомнение [9]. Активно зазвучали вопросы о местном самоуправлении, роли локальных сообществ, низовых инициативах. Урбанизация начала трактоваться как смена фаз естественной социальной динамики и механизмов самоорганизации города. О. Н. Яницкий показал, что постепенная активизация низовых гражданских инициатив свидетельствует о коренных преобразованиях в социально-культурной среде города, в частности о переформатировании его на принципиально новой идеологической основе, представляющей собой прямую демократию, когда горожане стремятся участвовать в решении важных вопросов, касающихся жизни города. Эмпирически им были выделены фазы развития прямой демократии: информационная (право знать), стимулирующая (право быть вовлеченным), дискуссионная (право на альтернативную точку зрения), а также фаза участия в принятии решений (право делать) [10; 11]. После 2010-х гг. взгляд на горожанина как на активного субъекта урбанизации, участвующего в создании и развитии городской среды, оформился окончательно. Свое влияние на этот процесс оказали цифровая революция (рост популярности социальных сетей, появление многочисленных медийных платформ, посвященных городскому развитию), политические преобразования

¹Коган Л. Б. Социально-культурные функции городов и развитие их пространственной среды : автореф. дис. ... д-ра архитектуры : 18.00.04. М. : Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т по градостроительству, 1989. 50 с.

(постепенная демократизация и плюрализация, становление гражданского общества, развитие низовых инициатив), социокультурное влияние глобализации (популярность западноевропейского образа активного, осознанного, ответственного горожанина, участвующего в жизни своего сообщества). При этом городская среда выступает в высшей степени изменчивым и подвижным феноменом, конфигурация которого постоянно переопределяется текущими траекториями развития локальных конфликтов, конкретными сценариями взаимодействия различных игроков, соотношением ресурсов, к которым они прибегают, т. е. городским режимом, сложившимся на данный момент [12, с. 44].

В современной социологической науке урбанизация представляет собой междисциплинарное предметное поле. Развитие городов рассматривается и в экономическом (как процесс территориального разделения труда, социального расслоения, накопления социального капитала и т. д.), демографическом (как повышение удельного веса городского населения в стране, регионе или мире), политологическом (как процесс перераспределения власти, формирования новых политических центров, появления новых политических символов), философском (как становление урбанистической цивилизации) и социально-культурном (как распространение городского образа жизни, развитие городской культуры, возрастание роли городов в социальной жизни, формирование личности горожанина и т. д.) ключе. Таким образом, в социологии под урбанизацией подразумевается совокупность определенных процессов, которые, оказывая влияние на политические и культурные аспекты общества, значительно преобразуют его социально-экономическую и демографическую структуру. Основатель советской экономической географии Н. Н. Баранский предложил определение урбанизации как сложного, многостороннего, географического, социального, экономического и демографического процесса, который стимулирует прогрессирование населения города [13]. Несмотря на комплексность определения (охват экономического, демографического, географического аспектов), остался открытым вопрос о критериях прогрессирования городского населения.

Известный российский урбанист В. Л. Глазычев [9] выделяет три направления, на которых концентрирует внимание современная урбанистика: во-первых, внешняя форма города, его структура, архитектура, планировка, во-вторых, проблемы инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, мобильности, качества жизни, в-третьих, городская социальность (то, насколько горожане вовлечены в процесс городского планирования, а также социальные связи, социальный капитал, создание сообществ, уровень доверия).

Одной из первых попыток систематизировать различные точки зрения на урбанизацию является классификация концепций американского социолога Ч. Тилли:

- демографическая концепция, рассматривающая урбанизацию как растущую концентрацию населения в крупных плотных поселениях;
- экономическая концепция, согласно которой урбанизация представляет собой процесс территориальной концентрации производственной деятельности;
- интеракционистская концепция, которая подчеркивает рост специализированных сетей социальных отношений, сгруппированных в городах, независимо от роста численности населения городов;
- нормативная концепция, в соответствии с которой урбанизация становится способом производства и распространения определенного образа жизни [14, р. 102].

Сложность заключается в том, что урбогенез (процесс возникновения и формирования города) оценивается чаще всего в количественных параметрах (численность населения, занимаемая площадь, производимая доля ВВП, объем выбросов в атмосферу, протяженность цифровой инфраструктуры и т. д.) и не отражает качественных трансформаций современных городов. При этом городская среда представляет собой значимый символический инструмент трансляции культурной идентичности, коллективной памяти и доминирующих идеологических и политических ценностей, что часто упускается из виду в ходе изучения урбанизации.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ социокультурной эволюции городской среды как процесса качественного преобразования ее типологических характеристик. Данное обстоятельство определило цель настоящей статьи – поиск критериев социокультурного развития городской среды. С учетом указанной цели были решены следующие задачи: рассмотрено понятие социокультурной эволюции городской среды, выделены ее основные этапы, дана их общая характеристика, обозначены ключевые векторы трансформации социокультурной среды города на современном этапе.

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного в белорусских городах, в Минске, Гродно и Бобруйске, в январе – феврале 2022 г. Выборка составила 800 человек (в Минске – 400, в Гродно – 250, в Бобруйске – 150). Опрос проводился по квотной выборке, квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Расчетная величина ошибки выборки не превысила 4,8 %. Вопросы анкеты раскрывали такие темы, как городской досуг, доверие горожан друг к другу, возможность участия в развитии города.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего следует определить понятие социокультурной эволюции городской среды и выделить ее основные этапы. Социокультурную эволюцию можно рассматривать как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает социальная форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [15, с. 7]. Согласно теории культурной экологии Дж. Стюарта [16] в основе социокультурной эволюции лежит способность сложных социальных систем адаптироваться к внешней среде, в частности к территориальным, политическим, экономическим, культурным и другим преобразованиям, при этом определяющими факторами адаптации являются развитие экономики и технологий.

Городская среда, как сложная система, представленная в физическом (природа и архитектура) и социальном (культура, ценности, межличностные отношения) разрезах, также включена в постоянный процесс адаптации к изменяющейся окружающей среде. Безусловно, каждый город обладает уникальным культурным срезом, поскольку представляет собой неповторимую смесь различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов, что подтверждает мультилинейность социокультурной эволюции. Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты городской среды, сформированной под воздействием внешних факторов. Типичный белорусский город «в разрезе» представлен тремя самостоятельными культурными слоями:

- 1) советским наследием;
- 2) переходным культурным слоем;
- 3) сферой культурного взаимодействия.

Исходя из этого, можно выделить три ключевых периода социокультурной эволюции белорусского города:

- 1) советский (1950–60-е гг. – середина 1990-х гг.) – этап архитектурного модернизма в сочетании с исторической спецификой урбанизации (переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленной роли города и т. д.);
- 2) переходный (конец 1990-х – начало 2010-х гг.) – этап адаптации к политическим и экономическим, а затем и к культурным изменениям;
- 3) современный (2010-е гг. – настоящее время) – этап влияния цифровой революции, экономической и культурной глобализации, экологического кризиса, усиления индивидуализма и т. д.

Социокультурная среда советского города во многом была определена доминировавшими в то время рациональными принципами экономического планирования, которые оказали значительное влияние на его территориально-пространственную организацию. Воплотившись в реальность, эти принципы отразились на внешнем облике большинства

городов СССР, что позволяет говорить о существовании общей модели советского города. Основными чертами данной модели являются следующие: пространственное равенство в распределении единиц общественного потребления, максимально возможное сокращение времени, необходимого для преодоления расстояния от дома до работы, жесткое зонирование использования территорий, а также рационализация движения транспортных потоков. Согласно идеологии советского планирования сегрегация, как социальное различие, была невозможна (этому способствовали унифицированные пространственные паттерны, примерно одинаковая плотность застройки, равномерное распределение сооружений культурно-бытового обслуживания). Единственно возможной дифференциацией в данном случае была дифференциация на основе производственного статуса. Разумеется, на практике встречались исключения (к примеру, эксклюзивный доступ к определенным местам городского пространства высокостатусных групп советского общества), однако в целом идеология социального равенства и приоритета производственных интересов доминировала. Общественный центр выполнял важную политическую и идеологическую функцию, являясь наглядным воплощением коммунистических идей и ценностей. Архитектурные ансамбли центральной части советских городов стремились «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [17, с. 10], что воплощалось и в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), и в дизайне (большое количество политических символов) городских площадей, парков и проспектов. По мнению Э. Гидденса, «организация пространства советских городов определялась соображениями общественной пользы, а не рыночной стоимостью, как в западных странах» [18, с. 411]. Это проявлялось в равномерной плотности застройки и отсутствии однородных этнических районов (гетто) в отличие от многих капиталистических городов. Советское городское планирование предусматривало также широкий набор возможностей для отдыха и активного образа жизни горожан (различные парки, катки, спортивные площадки и т. д.). Однако их существование артикулировалось скорее как необходимый элемент социалистического образа жизни, забота государства о своих гражданах, чем как возможность для развития локальной активности и местного самоуправления горожан, самостоятельного освоения городской территории, реализации права на город. В результате социальная активность в советском городе концентрировалась не в городских центрах (на площадях, проспектах и в городских парках), как это было исторически принято в западных городах, а на периферии в неформальных публичных пространствах [19]. Жилые дворы и примыкавшие

к ним зеленые зоны выступали в качестве сцены для социального процесса, позволяли горожанам взаимодействовать, способствовали социализации подрастающего поколения и выступали инструментом неформального контроля, устанавливая негласные правила сосуществования [19].

Переходный этап социокультурного развития городской среды во многом определили произошедшие после падения советской системы перемены:

- идеологические (ослабление политического значения городской среды как ресурса национальной идентичности и коллективной памяти);
- экономические (появление новых элементов экономической инфраструктуры города);
- социальные (поляризация общества, изменения в системе ценностных ориентаций горожан).

Были запущены процессы приватизации и коммерциализации городского публичного пространства, в результате смены экономической базы городская идентичность начала формироваться вокруг процессов потребления (а не производства, как было раньше). Географическая конфигурация города также переформировалась вокруг новых узлов, в качестве которых выступили разнообразные пространства потребления (торговые центры, «барные» улицы, многочисленные кафе и кофейни). Публичная жизнь постепенно начала смещаться от периферии к центру, однако ее смысл кардинально изменился – в основе любого взаимодействия лежали потребительские практики (выбор еды, одежды, досуга, идентичности и т. д.). Из инструмента уравнивания градостроительства превратилось в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения (появление густонаселенных микрорайонов, уплотнение устоявшихся жилых территорий, предпочтение многоэтажной застройки). Это привело к значительному ослаблению городских сообществ

(в первую очередь соседских), снижению способности горожан к самоорганизации, росту отчуждения и равнодушию к своему окружению. Д. Харви называет такую трансформацию пространственным кризисом, при котором ландшафт, приспособленный к определенной фазе развития, становится барьером для последующей трансформации города. В ситуации смены экономической базы развития города его географическая конфигурация должна быть переформирована вокруг новых транспортных и коммуникационных инфраструктур, центров и стилей производства и потребления, мест скопления рабочих рук и трансформированных социальных инфраструктур. «Старые места должны быть обесценены, разрушены и перестроены, в то время как новые места – созданы заново»² [20, р. 296].

В последние годы социокультурная среда белорусских городов приобретает новые черты. Это выражается прежде всего в возрастании роли городского публичного пространства как одного из ключевых структурообразующих элементов городской среды. Публичное пространство представляется как важнейший ресурс формирования гражданского общества, развития институционального доверия, преодоления коммуникативных разрывов между обществом, бизнесом и государством. При этом нарушение баланса частного и публичного в городской среде препятствует гармоничному развитию не только самого города, но и общества в целом. Анкетный опрос показал, что современные горожане (в частности, жители Минска, Гродно и Бобруйска) довольно часто проводят свободное время в городских публичных пространствах (табл. 1). Кроме того, респонденты интересуются информацией о происходящих в городе событиях, новых местах, примечательных людях, истории и культуре своего города, традициях своей местности (на это указали 58,8 % опрошенных).

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как часто Вы проводите свободное время вне дома (в парке, кафе,
кино, театре, музее и т. д.)?» – в зависимости от города, %**

Table 1

**Distribution of respondents' answers to the question:
«How often do you spend your free time outside the home
(in the park, cafe, cinema, theater, museum, etc.)?», depending on city, %**

Вариант ответа	Минск	Гродно	Бобруйск
Практически ежедневно	42,3	49,2	44,7
Несколько раз в неделю	30,0	18,0	17,3
Несколько раз в месяц	13,7	9,6	22,0
Крайне редко	14,0	23,2	16,0

²Перевод наш. – Е. Л.

Кроме того, в последние годы наблюдается активизация сетевого взаимодействия горожан, а также развитие соседства и соседских сообществ. Исследователи полагают, что сообщество может стать отправной точкой в современных городских исследованиях [21, р. 358]. Активно распространяющиеся цифровые технологии меняют функционирование сообществ и предлагают новые ракурсы их рассмотрения. Исследование показало, что более 80 % респондентов ежедневно пользуются различными мессенджерами (*Viber, Telegram* и др.), практически каждый третий участник опроса общается в локальных чатах с со-

седями. При этом 61,6 % опрошенных отметили, что готовы прийти на помощь соседям в трудных жизненных ситуациях, еще 50,4 % респондентов указали на то, что ощущают поддержку соседей. Усиление горизонтального взаимодействия горожан начинает выражаться в изменении отношения к своему городу: появлении эмоциональной привязанности, укреплении чувства ответственности, желании передать любовь к своему городу детям. Влияние сетевого взаимодействия горожан на чувство ответственности за родной город и на эмоциональную привязанность к нему представлено в табл. 2 и 3.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Ощущаете ли Вы ответственность за благоустройство и привлекательность
своего города?» – в зависимости от отношений с соседями, %**

Table 2

**Distribution of respondents' answers to the question:
«Do you feel responsible for the improvement and attractiveness
of your city?», depending on relations with neighbours, %**

Вариант ответа	Доля ответивших среди общего числа респондентов	Доля ответивших среди тех, кто ощущает поддержку соседей
Да	46,3	71,9
Нет	27,7	9,3
Трудно сказать	25,1	18,7

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Гордитесь ли Вы своим городом и хотите ли передать
это чувство детям?» – в зависимости от отношений с соседями, %**

Table 3

**Distribution of respondents' answers to the question:
«Are you proud of your city and do you want to convey
this feeling to children?», depending on relations with neighbours, %**

Вариант ответа	Доля ответивших среди общего числа респондентов	Доля ответивших среди тех, кто ощущает поддержку соседей
Да	48,6	74,0
Нет	29,6	10,5
Трудно сказать	21,7	15,5

Стоит отметить тенденцию к усилению взаимосвязи физического и цифрового компонентов в городской среде (появление феномена гибридной городской среды). Поворот к материальному компоненту занимает важное место в современных городских исследованиях, которые начинают включать в предметное поле физические аспекты городской среды: специфику городской застройки, его цифровую инфраструктуру. По результатам исследования, более 80 % опрошенных полагают, что

цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время, более 50 % респондентов согласны с тем, что цифровые технологии предоставляют дополнительные возможности для карьерного роста, образования и развития. Около половины участников опроса отмечают, что цифровые технологии дают свободу для творчества, самореализации, делают жизнь более яркой и насыщенной и позволяют интересно проводить время (табл. 4).

Таблица 4

Количество респондентов, согласившихся с утверждениями
о роли цифровых технологий в повседневной жизни, %

Table 4

Number of respondents who agreed with the statements
about the role of digital technologies in everyday life, %

Утверждение	Доля согласившихся респондентов
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время	82,3
Цифровые технологии предоставляют дополнительные возможности для карьерного роста, образования и развития	58,0
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	49,3
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	49,0

Заключение

Подводя итог, следует отметить ключевые показатели социокультурной эволюции городской среды. В-первых, это соотношение приватного и публичного компонентов. Развитие городской среды представляется как ее способность выступать в роли связующего элемента для горожан, органично интегрировать их в городскую жизнь, выступать средством сокращения коммуникативных разрывов. Во-вторых, важным показателем социокультурной динамики города является соотношение вертикального и горизонтального взаимодействия горожан. То, что горизонтальная коммуникация выступает в роли основы для развития вертикальной коммуникации, обеспечивает более гармоничное развитие города, а также возможность формировать институты местного самоуправления эволюционным путем без нарушения привычной структуры городской среды. При этом для городских властей самоорганизация граждан – это «шанс на экономическую разгрузку» и «стабилизацию существующих систем представительной демократии и свободного рынка» [22, с. 37]. Если же в городском взаимодействии доминируют вертикальные коммуникации, «горожане переживают утрату контроля над собственными жизнями», «не чувствуют, что экономика в них заинтересована, политики действительно представляют их интересы» [22, с. 36–37]. В-третьих,

показателем социокультурного развития городской среды является степень адаптации горожан к технологической трансформации города, в частности их отношение к использованию инноваций. Можно выделить следующие прикладные аспекты адаптации к цифровой трансформации: доступность новых технологий для горожан (наличие разнообразных технологических решений умного города), знания и навыки обращения с цифровыми технологиями, а также интериоризацию новых технологий, т. е. их осознанное, добровольное, внутренне инициированное использование для решения каждодневных прикладных задач не только в профессиональной деятельности, но и в быту.

Таким образом, городская среда представляет собой отражение общекультурных и исторических процессов, происходящих в обществе, а ее эволюция – это сложный мультилинейный процесс смены устоявшихся институтов общежития, совместных принципов солидарности горожан, трансформации культурных ценностей и смыслов. Исключительно широкое предметное поле городской социологии свидетельствует о том, что урбанизация – это социальный процесс, затрагивающий не только сами города, но и общество в целом и во многом определяющий потенциал его устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Коровин ЛС. Некоторые вопросы развития общественного богатства города. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 85–90.
2. Шпаковская ЕС. Функционально-пространственная дифференциация среды крупнейшего города. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 41–48.
3. Коган ЛБ. Урбанизация и городские процессы: сущность и задачи исследования. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 5–19.

4. Круусвалл Ю, Хейдметс М. О путях повышения социальной эффективности городской среды. В: Павельсон М, Катус К, редакторы. *Воспроизводственные процессы города*. Таллин: Валгус; 1986. с. 132–150.
5. Дридзе ТМ. Мы строим город – для кого: для ведомств или для людей? В: Дридзе ТМ, редактор. *Прогнозное социальное проектирование и социальная диагностика*. Москва: Институт социологии Академии наук СССР; 1991. с. 314–320.
6. Дридзе ТМ. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды. В: Сайко ЭВ, редактор. *Город как социокультурное явление исторического процесса*. Москва: Наука; 1995. с. 334–344.
7. Ахиезер АС, редактор. *Общественное воспроизводство: экологические проблемы*. Москва: Институт международного рабочего движения Академии наук СССР; 1991. 247 с.
8. Красовский КК. *Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2004. 203 с.
9. Глазычев ВЛ. *Урбанистика*. Москва: Европа; 2017. 220 с.
10. Яницкий ОН. Обоснование градостроительных решений в условиях гласности. *Социологические исследования*. 1988;4:19–25.
11. Яницкий ОН. *Социальные движения. 100 интервью с лидерами*. Москва: Московский рабочий; 1991. 272 с.
12. Бедерсон ВД, Желнина АА, Запорожец ОН, Минаева ЭЮ, Семенов АВ, Тыканова ЕВ и др. *Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2021. 194 с.
13. Баранский НН. Теоретические подходы к исследованию проблем урбанизированных территорий. *Экономичний форум*. 2011;2:4–5.
14. Tilly Ch. The state of urbanization. *Comparative Studies in Society and History*. 1967;1(10):100–113.
15. Классен Х. Й. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынша ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 6–23.
16. Steward JC, Steward JH, Murphy RF. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.
17. Матвеева НМ. Общественные центры городов. *Архитектура СССР*. 1972;7:9–13.
18. Гидденс Э. *Социология*. Москва: Едиториал УРСС; 2005. 632 с.
19. Лебедева ЕВ. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*. 2016;4:107–115.
20. Harvey D. *Justice, nature and the geography of differences*. Oxford: Blackwell; 1996. 480 p.
21. May T, Perry B, Le Galès P. The future of urban sociology. *Sociology*. 2005;39(2):343–370.
22. Делленбо М, Кип М, Бьеньек М, Мюллер АК, Швегман М, редакторы. *Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка*. Безуглов Д, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. 320 с.

References

1. Korovin LS. [Some questions of the development of the public wealth of the city]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 85–90. Russian.
2. Shpakovskaya ES. [Functional-spatial differentiation of the environment of the largest city]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 41–48. Russian.
3. Kogan LB. [Urbanisation and urban processes: the essence and objectives of the study]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 5–19. Russian.
4. Kruusvall Yu, Heidmets M. [On ways to improve the social efficiency of the urban environment]. In: Pavel'son M, Katut K, editors. *Vosproizvodstvennye protsessy goroda* [Reproductive processes of the city]. Tallinn: Valgus; 1986. p. 132–150. Russian.
5. Dridze TM. [We are building a city – for whom: for departments or for people?]. In: Dridze TM, editor. *Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie i sotsial'naya diagnostika* [Predictive social design and social diagnostics]. Moscow: Institut sotsiologii Akademii nauk SSSR; 1991. p. 314–320. Russian.
6. Dridze TM. [Communicative mechanisms of culture and predictive-project approach to the development of a strategy for the development of the urban environment]. In: Saiko EV, editor. *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsesa* [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. Moscow: Nauka; 1995. p. 334–344. Russian.
7. Akhiezer AS, editor. *Obshchestvennoe vosproizvodstvo: ekologicheskie problemy* [Social reproduction: ecological problems]. Moscow: Institut mezhdunarodnogo rabocheho dvizheniya Akademii nauk SSSR; 1991. 247 p. Russian.
8. Krasovskii KK. *Urbanizatsiya v Belarusi: ekonomiko-geograficheskii analiz* [Urbanisation in Belarus: economic and geographical analysis]. Brest: Brest State A. Pushkin University; 2004. 203 p. Russian.
9. Glazychev VL. *Urbanistika* [Urbanistics]. Moscow: Europe; 2017. 220 p. Russian.
10. Yanitskii ON. [Substantiation of town-planning decisions in the conditions of publicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;4:19–25. Russian.
11. Yanitskii ON. *Sotsial'nye dvizheniya. 100 interv'yu s liderami* [Social movements. 100 interviews with leaders]. Moscow: Moskovskii rabochii; 1991. 272 p. Russian.
12. Bederson VD, Zhelnina AA, Zaporozhets ON, Minaeva EYu, Semenov AV, Tykanova EV, et al. *Goroda raskhodnyashchikhsya ulits: traektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii* [Cities of divergent streets: trajectories of development of urban conflicts in Russia]. Moscow: Federal Scientific Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2021. 194 p. Russian.
13. Baranskii NN. [Theoretical approaches to the study of the problems of urbanised territories]. *Ekonomychnij forum*. 2011;2:4–5. Russian.

14. Tilly Ch. The state of urbanization. *Comparative Studies in Society and History*. 1967;1(10):100–113.
15. Klassen HJM. [Problems, paradoxes and perspectives of evolutionism]. In: Kradin NN, Korotaev AV, Bondarenko DM, Lynsha VA, editors. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilisation]. Moscow: Logos; 2000. p. 6–23. Russian.
16. Steward JC, Steward JH, Murphy RF. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.
17. Matveeva NM. [Community centers of cities]. *Arkhitektura SSSR*. 1972;7:9–13. Russian.
18. Giddens E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS; 2005. 632 p. Russian.
19. Lebedzeva AV. Transformation of public space in post-Soviet cities. *Sotsiologiya*. 2016;4:107–115. Russian.
20. Harvey D. *Justice, nature and the geography of differences*. Oxford: Blackwell; 1996. 480 p.
21. May T, Perry B, Le Galès P. The future of urban sociology. *Sociology*. 2005;39(2):343–370.
22. Dellenbo M, Kip M, B'en'ek M, Myuller AK, Shvegman M, editors. *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban commons. Urban communities beyond the state and the market]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 320 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 20.11.2022.
Received by editorial board 20.11.2022.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 159.9.072.59

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ЗАВИСИМОСТИ МОЛОДЕЖИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, Ю. М. БУБНОВ²⁾, В. О. ЕРМАК³⁾, С. П. ГРИБАНОВСКИЙ²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
пр. Шмидта, 3, 212027, г. Могилёв, Беларусь

³⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Исследуется зависимость юношей и девушек от социальных сетей, связанная с чувством одиночества, тревожностью, депрессией, стрессом, неудовлетворенностью жизнью, импульсивностью, нарциссизмом, слабой асертивностью, низким самоуважением, незащищенностью от кибербуллинга. Проверяется гипотеза о связях аддикции

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Бубнов ЮМ, Ермак ВО, Грибановский СП. Социально-психологические корреляции зависимости молодежи от социальных сетей. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022; 4:57–70.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-57-70>

For citation:

Sheinov VP, Bubnov YuM, Yermak VO, Gribanovsky SP. Socio-psychological correlations of youth addiction on social networks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:57–70. Russian.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-57-70>

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Юрий Михайлович Бубнов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин экономического факультета.

Владислав Олегович Ермак – аспирант кафедры микро- и нанoeлектроники факультета радиотехники и электроники. Научный руководитель – доктор физико-математических наук, профессор И. И. Абрамов.

Сергей Петрович Грибановский – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин экономического факультета.

Authors:

Victor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical skills, faculty of advanced training and retraining. sheinov1@mail.ru

Yury M. Bubnov, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of humanitarian disciplines, faculty of economics.

bubnov_juri@tut.by

Vladislav O. Yermak, postgraduate student at the department of micro- and nanoelectronics, faculty of radioengineering and electronics.

yermakvladislav@yandex.ru

Sergey P. Gribanovsky, senior lecturer at the department of humanities, faculty of economics.

hgribanovsky@gmail.com

молодежи от социальных сетей с их уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и стилем поведения в конфликтных ситуациях. Основу эмпирического исследования составляют данные онлайн-опроса 265 респондентов (117 юношей и 148 девушек). Зависимость от социальных сетей измеряется опросником ЗСС-15 (В. П. Шейнов, А. С. Девицын), уверенность в себе – методикой В. Г. Ромека, эмоциональный интеллект – тестом Томаса – Килманна, зависимость от смартфона – короткой версией САС-16 опросника «Шкала зависимости от смартфона» (В. П. Шейнов). Установлено, что среди юношей и девушек наблюдаются статистически значимые отрицательные связи аддикции от социальных сетей с уверенностью в себе и положительные связи зависимости от смартфона с формирующими ее факторами: потерей контроля над собой, страхом лишиться смартфона и эйфорией от его использования. Сделан вывод о том, что именно психологические проблемы молодых людей являются главной причиной аддикции от социальных сетей. При наличии у юношей и девушек зависимости от социальных сетей их потребность в общении удовлетворяется в меньшей степени, нежели потребность в получении информации. Ни у юношей, ни у девушек не обнаружено связи зависимости от социальных сетей с инициативой в социальных контактах. Аддикция юношей от социальных сетей отрицательно коррелирует с их социальной смелостью и положительно – с реакцией на конфликт в режиме избегающего поведения. Подобные корреляции не зафиксированы у девушек. Отмечены различные корреляции аддикции от социальных сетей с эмоциональным интеллектом в зависимости от пола: у юношей наблюдается отрицательная связь с самоменеджментом, у девушек – положительная связь с распознаванием чужих эмоций. Сделан вывод о том, что девушки больше, чем юноши, зависят от социальных сетей. Результаты исследования являются новыми, поскольку ни в отечественных, ни в зарубежных публикациях не удалось обнаружить выводов о связях зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: зависимость молодежи от социальных сетей; уверенность в себе; эмоциональный интеллект; поведение в конфликтных ситуациях; зависимость от смартфона; факторы зависимостей; девушки; юноши.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CORRELATIONS OF YOUTH ADDICTION ON SOCIAL NETWORKS

V. P. SHEINOV^a, Yu. M. BUBNAU^b, V. O. YERMAK^c, S. P. GRIBANOVSKY^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bBelarusian State University of Food and Chemical Technologies,
3 Šmidta Avenue, Mahilioŭ 212027, Belarus

^cBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus

Corresponding author: Yu. M. Bubnau (bubnov_juri@tut.by)

Addiction of boys and girls from social networks is associated with the presence of their feelings of loneliness, as well as anxiety, depression, stress, dissatisfaction with life, impulsivity, narcissism, weak assertiveness, low self-esteem, insecurity from cyberbullying. The purpose of this study is to test the hypothesis about the possible connections of the addiction of young people from social networks with their self-confidence, emotional intelligence and style of behaviour in conflict situations. The empirical study was based on the data of an online survey of 265 respondents, including 117 boys and 148 girls. Dependence on social networks was measured by the ZSS-15 questionnaire (V. P. Sheinov, A. S. Devitsyn), self-confidence – by the method of V. G. Romek, emotional intelligence – by the Thomas – Kilmann test, dependence on a smartphone – a short version of the SAS-16 of the questionnaire «Scale of dependence on a smartphone» (V. P. Sheinov). The article found that boys and girls have statistically significant negative associations of addiction from social networks with self-confidence and positive connections with dependence on a smartphone and with all the factors that form it (loss of control over themselves, fear of losing a smartphone and euphoria from its use). It is shown that it is the psychological problems of young people that are the main reason for the occurrence of one or another degree of addiction from social networks. At the same time, the need of young men and women in communication is satisfied if they have addiction to a lesser extent than the factors «psychological state» and «obtaining information». Neither boys nor girls have been found to link social media addiction to social contact initiative. The social media addiction of young men is negatively correlated with their social courage and positively correlated with their reaction to conflict in avoidance mode. Such correlations in girls have not been recorded. In boys and girls, there are various correlations of addiction from social networks with emotional intelligence: in boys – a negative connection with self-management, in girls – a positive connection with the recognition of emotions of other people. In general, girls are more dependent than boys on social media. These results are new, as neither domestic nor foreign publications have found results on the links of social media addiction to components of emotional intelligence.

Keywords: youth dependence on social networks; self-confidence; emotional intelligence; behaviour in conflict situations; dependence on a smartphone; addiction factors; girls; boys.

Введение

Аддиктивное (зависимое) поведение личности относится к числу наиболее значимых и актуальных проблем современного общества, поскольку влечет за собой целый спектр негативных политических, экономических, медико-социальных и морально-нравственных последствий для человечества.

В настоящее время исследователи не только пристально изучают «классические» химические зависимости человека (алкоголизм, наркомания, токсикомания), но и наблюдают активный рост новых, пока недостаточно исследованных форм зависимого поведения, в частности технологических аддикций (интернет-зависимость, компьютерный гэмбллинг, гаджет-аддикция), которые получают все более широкое распространение среди молодежи. По данным многочисленных наблюдений, именно молодежь относится к группе риска развития аддиктивного поведения, будь то химические или нехимические его разновидности. Во многом этот риск обусловлен психологическими и биологическими характеристиками молодых людей (достижение совершеннолетия, процесс становления идентичности и формирования я-концепции, приобретение новых привычек, способов самореализации и т. д.).

Тематика зависимого поведения давно находится в фокусе пристального внимания мировой и отечественной науки, прежде всего психиатрии, клинической психологии и девиантологии. Однако имеется ряд нерешенных теоретических и практических вопросов на стыке социологии и психологии, касающихся социально-психологических факторов аддиктивного поведения в молодежной когорте. Научно обоснованные ответы на эти вопросы позволят определить механизмы и инструменты мониторинга, обеспечить профилактику и минимизацию индивидуальных и социальных рисков аддикций.

Проблематика зависимого поведения молодежи раскрывается в многочисленных работах зарубежных и отечественных авторов. Среди зарубежных исследователей, занимающихся изучением современных технологических зависимостей, Ж. Брюер [1], И. Голдберг [2], Д. Гринфельд [3], М. Гриффитс [4], Дж. Грохоль [5], П. Шумахер и Дж. Мораган-Мартин [6], В. Муралли и С. Георг [7], М. Орзак [8], Л. Холмс [9], К. Янг [10]. В российской науке накоплен определенный опыт медико-психиатрического и социального исследования феномена зависимости. Он отражен в работах А. В. Гоголевой [11], В. Д. Менделевича [12], А. Ю. Егорова, Н. А. Кузнецо-

вой и Е. А. Петровой [13], Е. В. Змановской¹, Ц. П. Короленко и Т. А. Донских [14], А. В. Котлярова [15], В. А. Лоскутовой², Г. В. Старшенбаума [16].

Весомый вклад в изучение аддикций как разновидности девиантного поведения внесли также белорусские ученые, преимущественно психиатры, криминологи и социологи, среди которых Н. А. Барановский [17], С. В. Венидиктов³, В. Т. Кондрашенко⁴, С. А. Игумнов и А. Ю. Егоров [18], Е. А. Ярошевич [19]. В Республике Беларусь сформированы и успешно функционируют научные школы изучения девиантного и аддиктивного поведения, в частности Республиканский центр наркологического мониторинга и превентологии на базе Института социологии Национальной академии наук Беларуси и Республиканский научно-практический центр психического здоровья.

В то же время в отечественных изданиях (пособиях, монографиях и журнальных публикациях) авторский интерес смещен в сторону «классических» химических аддикций и гораздо меньше внимания уделяется анализу технологических зависимостей молодежи. Самое значительное технологическое воздействие на человечество в последние десятилетия оказывают компьютерные инновации, в первую очередь связанные с интернетом. Однако отечественная наука еще только приступает к фундаментальному исследованию влияния интернет-технологий на сознание и поведение молодых людей [20; 21]. В данной работе внимание сосредоточено в первую очередь на социально-психологических проявлениях аддикций молодежи, обусловленных новейшими информационными технологиями.

В ходе предыдущих исследований авторами данной статьи установлена положительная корреляция зависимости молодежи от социальных сетей с тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией, а также отрицательная связь с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и возрастом [22, с. 41]. Выявлены статистически значимые связи зависимости молодежи от социальных сетей: положительные – с импульсивностью и нарциссизмом, отрицательные – с асертивностью [23].

В зарубежных исследованиях выявлены положительные связи зависимости от социальных сетей со стрессом, тревожностью, депрессией, нейротизмом, низкими самооценкой и самооценкой, кибервиктимизацией. Установлены отрицательные связи зависимости от социальных сетей с успе-

¹Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 288 с.

²Лоскутова В. А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.18. Новосибирск : Новосиб. гос. мед. акад., 2004. 30 с.

³Венидиктов С. В., Ярошевич Е. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. Минск : Сегмент, 2017. 320 с.

⁴Кондрашенко В. Т., Игумнов С. А. Девиантное поведение у подростков. Диагностика. Профилактика. Коррекция : учеб. пособие. Минск : Аверсэв, 2004.

ваемостью школьников и студентов, производительностью труда и приверженностью организации ее работников, а также с социальным капиталом [24]. К настоящему времени определены статистически значимые связи зависимости от социальных сетей с эмоциональным интеллектом, низкой уверенностью в себе, конфликтами и стрессами.

Эмоциональный интеллект трактуется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [25] или как точное восприятие и использование эмоций для облегчения мысли, а также управление ими [26]. Установлено, что тенденция к общению в социальных сетях отрицательно взаимосвязана с эмоциональным интеллектом и имеет прямую связь с трудностями в общении [27]. В исследовании с участием 2068 испанских подростков (46,2 % юношей и 53,8 % девушек) в возрасте 12–19 лет ($M = 14,61$; $SD = 1,62$) низкий эмоциональный интеллект предсказывал более высокий риск проблемного использования социальных сетей [28]. Результаты исследования [29] выявили негативные значимые связи между эмоциональным интеллектом и общением в социальных сетях ($R = -0,251$; $p < 0,05$), а также отрицательную корреляцию между успеваемостью и использованием социальных сетей ($R = -0,429$; $p < 0,05$). Показано, что более высокий эмоциональный интеллект связан со снижением зависимости от социальных сетей и улучшением психического здоровья [30]. В исследовании [31] выборка включала 200 учеников (77 юношей и 123 девушки) в возрасте 15–19 лет, обучающихся в румынских школьных учреждениях. Результаты указывают на наличие статистически значимых отрицательных корреляций между временем, затрачиваемым студентами на доступ к социальным сетям, и уровнем их эмоционального интеллекта [31].

В исследовании [32] выборка охватывала 200 подростков (100 юношей и 100 девушек) в возрасте 16–18 лет из четырех случайно выбранных государственных школ индийского города Лудхияна. Обнаружено, что использование социальных сетей в значительной степени положительно коррелирует с эмпатическим компонентом эмоционального интеллекта, а также с общим эмоциональным интеллектом [32].

Ряд экспертов пришли к выводу о прямой связи низкой уверенности в себе с зависимостью от социальных сетей. Дж. Кабрал показал, что такого рода зависимость служит признаком отсутствия социальной жизни, а также уверенности в себе [33]. В ходе исследования [34] были опрошены 460 турецких молодых людей (39 % юношей и 61 % девушек) в возрасте 18–26 лет. Установлено, что неуверенность в себе прямо и косвенно связана с чрезмерным использованием социальных сетей [34]. Китайскими учеными были опрошены 395 студентов (145 юношей и 250 девушек) в возрасте 17–27 лет. Обнару-

жено, что почти все из них (99 %) используют социальные сети, при этом результаты анализа показали, что низкий оптимизм, обуславливающий неуверенность в себе, выступает косвенным фактором зависимости молодежи от социальных сетей [35].

В работе [36] представлены результаты исследования с участием 328 старшеклассников. Среди них было 163 (49,7 %) юноши и 165 (50,3 %) девушек. Результаты показали, что зависимость от социальных сетей, неуверенность в себе связаны с социальным одиночеством, а также с эмоциональным одиночеством в семье. В результате пошагового регрессионного анализа было установлено, что переменной, которая лучше всего предсказывает зависимость от социальных сетей, является отсутствие уверенности в себе ($R = 0,649$), далее следуют социальное одиночество и семейное эмоциональное одиночество [36].

Увлечение социальными сетями выступает альтернативой живому общению и чувству уверенности в себе [37]. В исследовании [38] с участием 578 подростков (средний возраст – 16,1 года) показано, что тревога юношей по поводу своей внешности и ожидание того, что селфи могут повысить их уверенность в себе, стали предикторами проблемного использования социальных сетей. При этом более высокий уровень тревоги по поводу внешнего вида среди девушек не повлиял на их активность в социальных сетях. В работе [39] сделан вывод о том, что развить уверенность в себе позволит снижение активности интернет-общения.

О. Билгин и И. Тас изучали влияние воспринимаемой социальной поддержки и психологической устойчивости на зависимость студентов университетов от социальных сетей. Исследуемая группа состояла из 503 студентов (163 (32,4 %) юноши и 340 (67,6 %) девушек). Их возраст варьировался от 17 до 31 года. Отрицательная связь наблюдалась между воспринимаемой социальной поддержкой, психологической устойчивостью и зависимостью от социальных сетей. Было обнаружено, что психологическая неустойчивость являлась значительным предиктором зависимости от социальных сетей [40].

В статье [41] на выборке из 219 студентов показано, что только стратегия избегания опосредует влияние патологии на зависимость от социальных сетей. В исследовании [42] корреляционный анализ ответов 230 респондентов показал, что стратегия выживания, ориентированная на эмоции, и стратегия преодоления, ориентированная на избегание, положительно предсказывают зависимость молодежи от социальных сетей.

В работе [43] на выборке из 210 участников показано, что более высокая устойчивость к сетевой аддикции связана со стратегиями выживания, ориентированными на проблемы и эмоции, по сравнению с избегающими стратегиями преодоления.

Те испытуемые, которые столкнулись с более высоким уровнем депрессии, были менее устойчивыми и использовали более избегающие стратегии преодоления, в то время как участники исследования, которые применяли стратегии преодоления, более сфокусированные на проблеме, отмечали более низкий уровень депрессии. Испытуемые, зависимые от социальных сетей, характеризовались более высоким уровнем подавленности [43].

Указанные результаты отражены в зарубежных исследованиях. Закономерен вопрос о том, будут ли

подобные социально-психологические корреляции наблюдаться в отношении белорусской молодежи. Важность выявления этих связей в процессе личностного становления молодых людей определяет актуальность изучения данной сферы.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться обнаружить корреляционные связи между, с одной стороны, зависимостью от социальных сетей, а с другой стороны, эмоциональным интеллектом, уверенностью в себе юношей и девушек, а также их стратегиями преодоления конфликтов.

Методология исследования

Описание выборки. В онлайн-опросе приняли участие 265 респондентов (117 юношей и 148 девушек) – студентов и молодых преподавателей учреждений высшего образования технического

и экономического профиля. Средний возраст испытуемых составил 21,3 года ($SD = 4,6$). Показатели статистики возраста испытуемых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Статистика возраста испытуемых в зависимости от пола

Table 1

Statistic of the age of the subjects depending on gender

Пол	Среднее значение	Стандартная ошибка среднего значения	Медиана	Мода	Дисперсия	Асимметрия	Экссесс	Диапазон	Минимум	Максимум
Юноши	20,8462	0,30725	20,0000	19,00	11,045	2,938	12,116	23,00	17,00	40,00
Девушки	21,5743	0,43433	21,0000	19,00	27,920	3,246	11,617	36,00	15,00	51,00
Всего	21,2528	0,27834	20,0000	19,00	20,531	3,452	14,359	36,00	15,00	51,00

Методики. Зависимость молодежи от социальных сетей диагностировалась с помощью опросника ЗСС-15 (В. П. Шейнов, А. С. Девицын), зависимость от смартфона – короткой версией САС-16 [44] опросника «Шкала зависимости от смартфона» [45]. Уверенность в себе измерялась методикой В. Г. Ромека [46]. Она исследует такие показатели, как общая уверенность, инициатива в социальных контактах и социальная смелость.

Диагностика эмоционального интеллекта осуществлялась по методике Н. Холла [47]. Методика охватывает пять субшкал: 1) эмоциональная осведомленность; 2) управление своими эмоциями; 3) самомотивация; 4) эмпатия; 5) распознавание чужих эмоций. Сумма показателей пяти шкал опросника дает интегративный показатель эмоционального интеллекта.

Оценка стиля поведения в конфликтных ситуациях производилась тестом Томаса – Килманна, адаптированным для русскоязычного социума Н. В. Гришиной [48, с. 381–388]. Изучались также стили поведения в конфликте: соревнование, приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество.

В исследовании использовалась статистически состоятельная факторная модель зависимости от социальных сетей, включающая такие факторы, как психологическое состояние пользователя сети, получение информации и коммуникация [49, с. 145], а также факторная модель зависимости от смартфона, представленная такими факторами, как потеря контроля над собой, эйфория от использования смартфона, страх отказа от него [50, с. 174]. Для статистического анализа применялся пакет SPSS-22. Выводы ориентированы на уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Изучаемые выборки проверены на соответствие нормальному закону распределения. Это позволило выбрать критерии для выявления связей зависимости молодежи от социальных сетей.

Оказалось, что эмпирическое распределение всех выборок, представляющих изучаемые качества, отличается от нормального. Поэтому для установления и сравнения связей зависимости от социальных сетей

со свойствами личности были вычислены корреляции по непараметрическому критерию Кендалла, а также по параметрическому критерию Пирсона. Выбор корреляций по Кендаллу удобен тем,

что он фиксирует как линейные, так и нелинейные связи.

В табл. 2–9 представлены результаты корреляции в женской, мужской и общих выборках испытуемых.

Таблица 2

Корреляции между зависимостью от социальных сетей и уверенностью, эмоциональным интеллектом и стилем поведения в конфликте (общая выборка, $n = 265$)

Table 2

Correlations between social media addiction and confidence, emotional intelligence, and conflict style (total sample, $n = 265$)

Показатели	Корреляция по Кендаллу		Корреляция по Пирсону	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Зависимость от смартфона	0,458**	0,000	0,686**	0,000
Уверенность в себе	–0,094*	0,047	–0,170**	0,006
Эмоциональный интеллект	–0,049	0,250	–0,102	0,099
Соппротивление	–0,059	0,181	–0,095	0,123
Сотрудничество	0,028	0,539	0,012	0,842
Компромисс	0,021	0,648	0,036	0,560
Избегание	0,036	0,423	0,055	0,369
Приспособление	0,001	0,985	0,040	0,512
Возраст	–0,097*	0,048	–0,154*	0,012

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

В табл. 2 показано, что одни и те же связи обнаруживаются и корреляциями по Кендаллу, и корреляциями по Пирсону. Отрицательные статистически значимые связи зависимости от социальных сетей коррелируют с уверенностью в себе и возрастом,

положительные – с зависимостью от смартфона. Связей аддикции от социальных сетей со стилями поведения в конфликте не обнаружено. Связи, установленные по общей выборке, могут не наблюдаться отдельно в мужской и женской выборках.

Таблица 3

Корреляции между зависимостью от социальных сетей и уверенностью, эмоциональным интеллектом и стратегиями поведения в конфликте в мужской и женской выборках (по Кендаллу)

Table 3

Kendall's correlations between social media addiction and confidence, emotional intelligence, and conflict behaviour strategies in male and female samples

Корреляции по Кендаллу	Зависимость от смартфона	Уверенность в себе	Эмоциональный интеллект	Соппротивление	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление	Возраст
<i>Юноши</i>									
τ	0,455**	–0,082*	–0,103	–0,063	0,000	–0,049	0,125*	–0,003	–0,073
p	0,000	0,040	0,106	0,345	0,994	0,472	0,044	0,962	0,280
<i>Девушки</i>									
τ	0,450**	–0,074*	0,031	–0,046	0,051	0,066	–0,040	–0,002	–0,104*
p	0,000	0,026	0,587	0,436	0,399	0,276	0,506	0,973	0,045

Примечание. τ – значение корреляции Кендалла; p – двусторонний уровень ее значимости; * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Из табл. 3 следует, что и среди юношей, и среди девушек присутствуют выявленные в общей выборке статистически значимые корреляции аддикции от социальных сетей: отрицательные связи – с уверенностью в себе, положительные – с зависимостью от смартфона.

Зависимость от социальных сетей у юношей положительно связана с избегающим стилем поведения в конфликте, у девушек – отрицательно связана с возрастом.

Отрицательная связь зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе подтверждает ранее выявленные в зарубежных работах результаты. Однако статистически не значимой оказалась отрицательная связь зависимости от смартфона с интегративным показателем эмоционального интеллекта, которая установлена в ряде российских и зарубежных исследований. Представленная в табл. 3 отрицательная корреляция с возрастом зависимости девушек от социальных сетей подтверждает ранее полученные результаты.

Значения корреляций по Кендаллу между зависимостью индивида от социальных сетей и его уверен-

ностью в себе для юношей и девушек, вычисленные по эмпирическим данным, оказались отрицательными, но статистически не значимыми. Связь между зависимостью индивида от социальных сетей и его уверенностью в себе установлена в общей выборке. Она зафиксирована и в многочисленных зарубежных исследованиях, а также в работах В. П. Шейнова, включающих белорусскую выборку из 1456 респондентов, в которую входит и выборка, использованная в данной работе.

Отсутствие статистической значимости может быть следствием недостаточного объема мужской ($n = 117$) и женской ($n = 148$) выборок. Для проверки этого предположения по моделям общей, мужской и женской выборок В. О. Ермаком были сгенерированы недостающие значения, интерполирующие имеющиеся данные. При этом коэффициенты корреляции незначительно отличаются от эмпирических значений, но являются статистически значимыми. Таким образом, подтвердилось предположение о том, что вследствие недостаточного объема мужской и женской выборок статистическая значимость не зафиксирована.

Таблица 4

Корреляции между зависимостью от социальных сетей и факторами зависимости от смартфона и от социальных сетей и социальными навыками (общая выборка, $n = 265$)

Table 4

Correlations between social media dependence and smartphone and social media addiction factors and social skills (total sample, $n = 265$)

Показатели	Корреляция по Кендаллу		Корреляция по Пирсону	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Психологическое состояние пользователя	0,758**	0,000	0,911**	0,000
Коммуникация	0,523**	0,000	0,675**	0,000
Получение информации	0,683**	0,000	0,837**	0,000
Потеря контроля над собой	0,418**	0,000	0,591**	0,000
Страх	0,340**	0,000	0,469**	0,000
Эйфория от использования смартфона	0,402**	0,000	0,582**	0,000
Социальная смелость	-0,134**	0,002	-0,215**	0,000
Инициатива в социальных контактах	-0,010	0,815	-0,039	0,525

Примечание. ** $p \geq 0,05$.

В табл. 4 показано, что одни и те же статистически значимые связи зависимости от социальных сетей обнаруживаются и корреляциями по Кендаллу, и корреляциями по Пирсону. Положительные связи наблюдаются со всеми факторами зависимости от смартфона (потеря контроля над собой, страх ли-

шиться смартфона и эйфория от его использования) и от социальных сетей (психологическое состояние их пользователя, коммуникация, получение информации), отрицательные – с социальной смелостью. Связь зависимости от социальных сетей с инициативой в социальных контактах не зафиксирована.

Таблица 5

**Корреляции между зависимостью от социальных сетей
и факторами зависимости от смартфона и от социальных сетей
и социальными навыками среди юношей ($n = 117$)**

Table 5

**Correlations between social media dependence and smartphone and social media
dependency factors and social skills among boys ($n = 117$)**

Показатели	Корреляция по Кендаллу	
	Коэффициент	Значимость
Психологическое состояние пользователя	0,749**	0,000
Коммуникация	0,515**	0,000
Получение информации	0,676**	0,000
Потеря контроля над собой	0,407**	0,000
Страх	0,340**	0,000
Эйфория от использования смартфона	0,365**	0,000
Социальная смелость	-0,186**	0,005
Инициатива в социальных контактах	0,000	0,998

Примечание. ** $p \geq 0,05$.

Из табл. 4 и 5 следует, что среди юношей зависимость от социальных сетей в точности повторяет характер связей, показанных в общей выборке.

В частности, подтверждается отрицательная корреляция между сетевой аддикцией, с одной стороны, и социальной смелостью, с другой.

Таблица 6

**Корреляции между зависимостью от социальных сетей
и факторами зависимости от смартфона и от социальных сетей
и социальными навыками среди девушек ($n = 148$)**

Table 6

**Correlations between social media addiction and smartphone
and social media addiction factors and social skills among girls ($n = 148$)**

Показатели	Корреляция по Кендаллу	
	Коэффициент	Значимость
Психологическое состояние пользователя	0,761**	0,000
Коммуникация	0,530**	0,000
Получение информации	0,697**	0,000
Потеря контроля над собой	0,425**	0,000
Страх	0,324**	0,000
Эйфория от использования смартфона	0,418**	0,000
Социальная смелость	-0,084	0,150
Инициатива в социальных контактах	-0,015	0,793

Примечание. ** $p \geq 0,05$.

Данные табл. 6 показывают, что зависимость девушек от социальных сетей отличается от таковой у юношей отсутствием отрицательной связи с социальной смелостью. Таким образом, среди юношей и девушек наблюдаются статистически значимые положительные связи зависимости от социальных сетей со всеми факторами зависимости от смартфона (потеря контроля над собой, страх лишиться смартфона и эйфория от его использования) и со всеми факторами зависимости от социальных сетей

(психологическое состояние их пользователя, коммуникация, получение информации).

Данные табл. 8 свидетельствуют о том, что корреляции по Кендаллу и по Пирсону показывают сходные результаты: отрицательные связи зависимости от социальных сетей с управлением собственными эмоциями и самоменеджментом.

Из табл. 9 следует, что у юношей зависимость от социальных сетей повторяет лишь показанную в общей выборке связь с самоменеджментом.

Таблица 7

**Корреляции между зависимостью от социальных сетей
и компонентами эмоционального интеллекта (общая выборка, $n = 265$)**

Table 7

**Correlations between social media dependence and components
of emotional intelligence (total sample, $n = 265$)**

Показатели	Корреляция по Кендаллу		Корреляция по Пирсону	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Эмоциональная осведомленность	-0,002	0,920	-0,021	0,739
Управление собственными эмоциями	-0,154**	0,000	-0,230**	0,000
Самоменеджмент	-0,094**	0,000	-0,154*	0,012
Эмпатия	0,029	0,115	0,049	0,424
Распознавание чужих эмоций	-0,004	0,826	0,014	0,823

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \geq 0,05$.

Таблица 8

**Корреляции между зависимостью от социальных сетей и компонентами
эмоционального интеллекта среди юношей ($n = 117$)**

Table 8

**Correlations between social media addiction and emotional intelligence
components among boys ($n = 117$)**

Корреляция по Кендаллу	Коэффициент	Значимость
Эмоциональная осведомленность	-0,039	0,553
Управление собственными эмоциями	-0,122	0,060
Самоменеджмент	-0,147*	0,024
Эмпатия	-0,015	0,815
Распознавание чужих эмоций	-0,063	0,332

Примечание. * $p \leq 0,05$.

Данные табл. 9 показывают, что для девушек характерна положительная связь зависимости от социальных сетей с таким компонентом эмоционального интеллекта, как распознавание чужих эмоций.

Таким образом, связь зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта у юношей и девушек отличается: среди юношей

наблюдается отрицательная связь с самоменеджментом, среди девушек – положительная связь с распознаванием чужих эмоций. Эти результаты являются новыми, поскольку ни в отечественных, ни в зарубежных публикациях не удалось обнаружить выводов о связях зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта.

Таблица 9

**Корреляции между зависимостью от социальных сетей
и компонентами эмоционального интеллекта среди девушек ($n = 148$)**

Table 9

**Correlations between social media addiction and emotional
intelligence components among girls ($n = 148$)**

Корреляция по Кендаллу	Коэффициент	Значимость
Эмоциональная осведомленность	0,020	0,727
Управление собственными эмоциями	–0,105	0,068
Самоменеджмент	–0,005	0,936
Эмпатия	0,095	0,100
Распознавание чужих эмоций	0,118*	0,040

Примечание. * $p \leq 0,05$.

Следует отметить, что t -критерий Стьюдента при сравнении средних значений для независимых выборок показал, что среднее значение зависимости девушек от социальных сетей (31,8) является статисти-

стически значимым ($p = 0,046$) и превосходит этот же показатель среди юношей (29,8). Подобное соотношение установлено и в других исследованиях авторов данной статьи [22, с. 41; 49, с. 145].

Заключение

Среди юношей и девушек наблюдаются статистически значимые отрицательные связи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе и положительные связи с зависимостью от смартфона со всеми ее факторами (потеря контроля над собой, страх лишиться смартфона и эйфория от его использования). При этом факторы аддикции молодежи от социальных сетей в разной степени связаны с этой зависимостью. Наиболее сильная корреляция наблюдается с таким фактором, как психологическое состояние пользователя сети, наиболее слабая – с таким фактором, как коммуникация. Это свидетельствует о том, что именно психологические проблемы юношей и девушек являются главной причиной их зависимости от социальных сетей. При наличии у юношей и девушек зависимости от социальных сетей их потребность в общении удовлетворяется в меньшей степени, нежели потребность в получении информации.

Ни среди юношей, ни среди девушек не обнаружена связь зависимости от социальных сетей с инициативой в социальных контактах. Зависимость юношей от социальных сетей отрицательно связана с социальной смелостью и положительно – с избегающим стилем поведения. Эти данные можно интерпретировать так: застенчивые юноши предпочитают общение в менее конфликтном виртуальном пространстве.

Отмечены различные типы корреляции зависимости молодежи от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта. У юношей зафиксирована отрицательная связь с самоменеджментом, у девушек – положительная корреляция с распознаванием чужих эмоций. Девушки больше, чем юноши, зависят от социальных сетей. Результаты исследования являются новыми, поскольку ни в отечественных, ни в зарубежных научных публикациях не удалось обнаружить достоверных данных о связях аддикции от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта.

Библиографические ссылки

1. Брюер Ж. *Зависимый мозг. От курения до соцсетей: почему мы заводим вредные привычки и как от них избавиться*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 304 с.
2. Goldberg I. *Internet addiction disorder* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. Available from: <http://www.psychom.net/iadcriteria.html>.
3. Greenfield DN. The net effect: internet addiction and compulsive Internet use. *Virtual Addiction* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. Available from: <https://virtual-addiction.com/book-excerpt/>.
4. Гриффитс М. Избыточное применение интернета: онлайн-аддиктивное поведение. *Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития»* [Интернет]. 2009 [процитировано 31 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html>.
5. Грохоль Дж. Зависимость от интернета. *Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития»* [Интернет]. 2009 [процитировано 31 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html>.

6. Schumacher P, Morahan-Martin J. Incidence and correlates of pathological Internet use in college students. *Computers in Human Behavior*. 2000;16(1):13–29. DOI: 10.1016/S0747-5632(99)00049-7.
7. Мурали Ю, Георг С. *Затерянные в сети: зависимость от интернета* [Интернет; процитировано 13 июня 2022 г.]. URL: <https://www.narcom.ru/publ/info/774>.
8. Orzack MH. *Computer addiction services* [Internet]. 2003 [cited 2020 May 31]. Available from: <http://www.computeraddiction.com>.
9. Холмс Л. *Норма и патология в использовании интернета* [Интернет]. Щепилина ЕА, переводчик. 2005 [процитировано 31 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://mytests.ru/articles/344>.
10. Young KS. Cognitive behavior therapy with Internet addicts: treatment outcomes with Internet addicts. *Cyber Psychology & Behavior*. 2007;10(5):671–679.
11. Гоголева АВ. *Аддиктивное поведение и его профилактика*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2003. 240 с.
12. Менделевич ВД, редактор. *Руководство по аддиктологии*. Москва: Речь; 2007. 768 с.
13. Егоров АЮ, Кузнецова НА, Петрова ЕА. Особенности личности подростков с интернет-зависимостью. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2005;5(2):20–27.
14. Короленко ЦП, Донских ТА. *Семь путей к катастрофе*. Мозырь: Белый ветер; 1999. 240 с.
15. Котляров АВ. *Другие наркотики, или Номо Addictus*. Москва: Психотерапия; 2006. 480 с.
16. Старшенбаум ГВ. *Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей*. Москва: Когито-Центр; 2006. 367 с.
17. Барановский НА. Социальная профилактика наркомании среди молодежи. *Социологический альманах*. 2017; 8:115–126.
18. Игумнов СА, Егоров АЮ. *Клиника и психология девиантного поведения*. Москва: Речь; 2010. 398 с.
19. Ярошевич ЕА. Этиология девиантного поведения. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова*. 2002;4:43–46.
20. Бубнов ЮМ. Взаимосвязь жизненных ценностей учащейся молодежи и рисков интернет-зависимости. В: Данилов АН, Похомова АА, Рубанов АВ, Волнистая МГ, редакторы. *Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Г. П. Давидюка; 10 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 39–44.
21. Бубнов ЮМ. Симптоматика компьютерной лудомании у магилёвских старшеклассников. В: Пушкін ІА, укладальнік. *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 25–26 чэрвеня 2021 г.; Магілёў, Беларусь*. Магілёў: БДУТ; 2021. с. 355–362.
22. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2(38):41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
23. Шейнов ВП, Девицын АС. Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и признаков психологического неблагополучия. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2022;7(2): 83–106. DOI: 10.38098/ipran.sep.2022.26.2.04.
24. Шейнов ВП. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2021;18(3):607–630. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-607-630.
25. Люсин ДВ. Современные представления об эмоциональном интеллекте. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный интеллект: теория, измерения, исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2004. с. 129–140.
26. Mayer JD, Roberts RD, Barasade SG. Human abilities: emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*. 2008;59: 507–536.
27. Гоголева ОЮ, Дронова АА. Типология личности подростков, склонных к общению в социальных сетях. В: Дементий ЛИ, Маленова АЮ, Гоголева ОЮ, Купченко ВЕ, Маленов АА, редакторы. *Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 300-летию г. Омска; 6–7 октября 2016 г.; Омск, Россия*. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2016. с. 93–95.
28. Arrivillaga C, Rey L, Extremera N. A mediated path from emotional intelligence to problematic social media use in adolescents: the serial mediation of perceived stress and depressive symptoms. *Addictive Behaviors*. 2022;124. Article ID: 107095. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107095.
29. Mulawarman M, Hudab FN, Suharsoc S, Muslikah M. The correlation between emotional intelligence, academic achievement, and the use of social media in senior high school students. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2020;11(3):325–335.
30. Sundvik LMS, Davis SK. Social media stress and mental health: a brief report on the protective role of emotional intelligence. *Current Psychology*. 2022;41(4):1046–1310. DOI: 10.1007/s12144-022-03035-9.
31. Cindea AC, Frant IA. The impact of the time spent on social networks on emotional intelligence in adolescents. *Educația Plus*. 2020;26(1):239–246. DOI: 10.24250/JPE/1/2020/ACC/IAF.
32. Kaura H, Saini S. Relationship between social media usage and emotional intelligence among adolescents. *Indian Journal of Health and Wellbeing*. 2020;11(10–12):581–584.
33. Cabral J. Is generation Y addicted to social media. *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2011;2(1):5–14.
34. Kircaburun K, Griffiths MD, Şahin F, Bahtiyar M, Atmaca T, Tosuntaş ŞB. The mediating role of self/everyday creativity and depression on the relationship between creative personality traits and problematic social media use among emerging adults. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020;18:77–88. DOI: 10.1007/s11469-018-9938-0.
35. Yu S, Wu AMS, Pesigan IJA. Cognitive and psychosocial health risk factors of social networking addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2016;14:550–564. DOI: 10.1007/s11469-015-9612-8.
36. İskender M. Investigation of the effects of social self-confidence, social loneliness and family emotional loneliness variables on Internet addiction. *Malaysian Online Journal of Educational Technology*. 2018;6(3):1–10. DOI: 10.17220/mojet.2018.03.001.

37. Almenayes JJ. Religiosity and the perceived consequences of social media usage in a Muslim country. *Journal of Arts and Humanities*. 2014;3(5):108–117. DOI: 10.18533/journal.v3i5.439.
38. Boursier V, Gioia F, Griffiths MD. Do selfie-expectancies and social appearance anxiety predict adolescents' problematic social media use? *Computers in Human Behavior*. 2020;110. Article ID: 106395. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106395.
39. Costanzo A, Santoro G, Russo S, Cassarà MS, Midolo LR, Billieux J, et al. Attached to virtual dreams: the mediating role of maladaptive daydreaming in the relationship between attachment styles and problematic social media use. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2021;209(9):656–664. DOI: 10.1097/NMD.0000000000001356.
40. Bilgin O, Tas I. Effects of perceived social support and psychological resilience on social media addiction among university students. *Universal Journal of Educational Research*. 2018;6(4):751–758. DOI: 10.13189/ujer.2018.060418.
41. Siah PC, Hue JY, Wong BZR, Goh SJ. Dark triad and social media addiction among undergraduates: coping strategy as a mediator. *Contemporary Educational Technology*. 2021;13(4):320. DOI: 10.30935/cedtech/11104.
42. Wong BZR, Goh SJ, Hui JY. *Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 13]. Available from: http://eprints.utar.edu.my/3805/1/fyp_PY_2020_WBZR_-1602361.pdf.
43. Hurley LN. The relationship between resilience, coping, and social media. *Masters Theses* [Internet]. 2018 [cited 2022 August 13]. Available from: <https://thekeep.eiu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4680&context=theses>.
44. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда* [Интернет]. 2021 [процитировано 14 декабря 2021 г.];6(1):97–115. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document644.pdf>. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
45. Шейнов ВП. Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума. *Системная психология и социология*. 2020;3(35):75–84. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.6.
46. Ромек ВГ. Тесты уверенности в себе. В: Синченко ТЮ, Ромек ВГ, редакторы. *Практическая психодиагностика и психологическое консультирование*. Ростов-на-Дону: Ирбис; 1998. с. 87–108.
47. Холл Н. Диагностика эмоционального интеллекта. В: Фетискин НП, Козлов ВВ, Мануйлов ГМ. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Москва: Институт психотерапии; 2002. с. 57–59.
48. Гребень НФ. *Психологические тесты для профессионалов*. Минск: Современная школа; 2007. 496 с.
49. Шейнов ВП, Девицын АС. Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей. *Российский психологический журнал*. 2021;18(3):145–158. DOI: 10.21702/rpj.2021.3.10.
50. Шейнов ВП, Девицын АС. Факторная структура модели зависимости от смартфона. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2021;6(3(23)):174–197.

References

1. Brewer J. *The craving mind. From cigarettes to smartphones to love: why we get hooked and how we can break bad habits*. New Haven: Yale University Press; 2017. 256 p.
- Russian edition: Brewer J. *Zavisimyi mozg. Ot kureniya do sotssetei: pochemu my zavodim vrednye privyichki i kak ot nikh izbavit'sya*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 304 p.
2. Goldberg I. *Internet addiction disorder* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. URL: <http://www.psychom.net/iadcriteria.html>.
3. Greenfield DN. The net effect: Internet addiction and compulsive Internet use. *Virtual Addiction* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. Available from: http://www.virtual-addiction.com/pages/a_neteffect.htm.
4. Griffiths M. Excessive application of the Internet: online addictive behaviour. *Tezisy distantnykh zarubezhnykh uchastnikov simpoziuma «Internet-zavisimost': psikhologicheskaya priroda i dinamika razvitiya»* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. Available from: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html>. Russian.
5. Grohol J. Internet addiction. *Tezisy distantnykh zarubezhnykh uchastnikov simpoziuma «Internet-zavisimost': psikhologicheskaya priroda i dinamika razvitiya»* [Internet]. 2009 [cited 2020 May 31]. Available from: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html>. Russian.
6. Schumacher P, Morahan-Martin J. Incidence and correlates of pathological Internet use in college students. *Computers in Human Behavior*. 2000;16(1):13–29. DOI: 10.1016/S0747-5632(99)00049-7.
7. Murali V, George S. *Lost in the net: dependence on the Internet* [Internet; cited 2022 June 12]. Available from: <https://www.narcom.ru/publ/info/774>. Russian.
8. Orzack MH. *Computer addiction services* [Internet]. 2003 [cited 2020 May 31]. Available from: <http://www.computeraddiction.com>.
9. Holmes L. *Norm and pathology in the use of the Internet* [Internet]. Shchepilina EA, translator. 2005 [cited 2020 May 31]. Available from: <https://mytests.ru/articles/344>. Russian.
10. Young KS. Cognitive behavior therapy with Internet addicts: treatment outcomes with Internet addicts. *Cyber Psychology & Behavior*. 2007;10(5):671–679.
11. Gogoleva AV. *Addiktivnoe povedenie i ego profilaktika* [Addictive behaviour and its prevention]. Moscow: Moskovskii psihologo-sotsial'nyi institut; 2003. 240 p. Russian.
12. Mendelevich VD, editor. *Rukovodstvo po addiktologii* [Guide to addiction]. Moscow: Rech'; 2007. 768 p. Russian.
13. Egorov AY, Kuznetsova NA, Petrova EA. [Features of the personality of adolescents with Internet-dependence]. *Vo-prosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov*. 2005;5(2):20–27. Russian.
14. Korolenko CP, Donskih TA. *Sem' putei k katastrofe* [Seven ways to disaster]. Mazyr: Belyi veter; 1999. 240 p. Russian.
15. Kotlyarov AV. *Drugie narkotiki, ili Homo Addictus* [Other drugs, or Homo Addictus]. Moscow: Psikhoterapiya; 2006. 480 p. Russian.
16. Starshenbaum GV. *Addiktologiya: psikhologiya i psikhoterapiya zavisimostei* [Addiction: psychology and psychotherapy of dependencies]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2006. 367 p. Russian.

17. Baranovski NA. Social prevention of drug addiction among young people. *Sotsiologicheskii almanakh*. 2017;8:115-126. Russian.
18. Igumnov SA, Egorov AYU. *Klinika i psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Clinic and psychology of deviant behaviour]. Moscow: Rech'; 2010. 398 p. Russian.
19. Yaroshevich EA. [Etiology of deviant behaviour]. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kulja-shova*. 2002;4:43-46. Russian.
20. Bubnau YuM. [Interrelation of life values of student youth and risks of Internet addiction]. In: Danilov AN, Pokhomova AA, Rubanau AV, Volnistaya MG, editors. *Sotsiologicheskaya nauka i obrazovanie: sovremennye vyzovy i riski. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora G. P. Davidyuka; 10 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Sociological science and education: modern challenges and risks. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of professor G. P. Davidyuk; 2021 November 10; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 39-44. Russian.
21. Bubnau YuM. [Symptoms of computer ludomania in Mogilev high school students]. In: Pushkin IA, compiler. *Gistoryja Magiljova: minulae i suchasnasc'. Zbornik navukovyh prac udzel'nikaw XII Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 25-26 chjerve-nja 2021 g.; Magiljow, Belarus'* [History of Mogilev: past and present. Collection of science practices of the 12th International science conference; 2021 November 25-26; Mogilev, Belarus]. Mahiliou: Belarusian State University of Food and Chemical Technologies; 2021. p. 355-362. Russian.
22. Sheinov VP, Devitsyn AS. The development of a reliable and valid social media dependence questionnaire. *System Psychology and Sociology*. 2021;2(38):41-55. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
23. Sheinov VP, Devitsyn AS. Relationship of social media dependence with psychological adverse. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2022;7(2)83-106. Russian. DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_26_2_04.
24. Sheinov VP. Dependence on social networks and personality characteristics: a review of research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021;18(3):607-630. Russian. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-607-630.
25. Lyusin DV. [Modern ideas about emotional intelligence]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi intellekt: teo-riya, izmereniya, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurements, research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. p. 129-140. Russian.
26. Mayer JD, Roberts RD, Barasade SG. Human abilities: emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*. 2008;59: 507-536.
27. Grogoleva OYu, Dronova AA. [Typology of the personality of adolescents prone to communication in social networks]. In: Dementii LI, Malenova AYU, Grogoleva OYu, Kupchenko VE, Malenov AA, editors. *Aktivnost' i otvetstvennost' lichnosti v kontekste zhiznedejatel'nosti. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 300-letiyu g. Omska; 6-7 oktyabrya 2016 g.; Omsk, Rossiya* [Activity and responsibility of the individual in the context of life. Materials of the 2nd All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 300th anniversary of Omsk; 2016 October 6-7; Omsk, Russia]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; 2016. p. 93-95. Russian.
28. Arrivillaga C, Rey L, Extremera N. A mediated path from emotional intelligence to problematic social media use in adolescents: the serial mediation of perceived stress and depressive symptoms. *Addictive Behaviors*. 2022;124. Article ID: 107095. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107095.
29. Mulawarman M, Hudab FN, Suharsoc S, Muslikah M. The correlation between emotional intelligence, academic achievement, and the use of social media in senior high school students. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2020;11(3):325-335.
30. Sundvik LMS, Davis SK. Social media stress and mental health: a brief report on the protective role of emotional intelligence. *Current Psychology*. 2022;41(4):1046-1310. DOI: 10.1007/s12144-022-03035-9.
31. Cîndea AC, Frant IA. The impact of the time spent on social networks on emotional intelligence in adolescents. *Educația Plus*. 2020;26(1):239-246. DOI: 10.24250/JPE/1/2020/ACC/IAF.
32. Kaura H, Saini S. Relationship between social media usage and emotional intelligence among adolescents. *Indian Journal of Health and Wellbeing*. 2020;11(4):581-584.
33. Cabral J. Is generation Y addicted to social media. *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2011;2(1):5-14.
34. Kircaburun K, Griffiths MD, Şahin F, Bahtiyar M, Atmaca T, Tosuntaş ŞB. The mediating role of self/everyday creativity and depression on the relationship between creative personality traits and problematic social media use among emerging adults. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020;18:77-88. DOI: 10.1007/s11469-018-9938-0.
35. Yu S, Wu AMS, Pesigan IJA. Cognitive and psychosocial health risk factors of social networking addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2016;14:550-564. DOI: 10.1007/s11469-015-9612-8.
36. İskender M. Investigation of the effects of social self-confidence, social loneliness and family emotional loneliness variables on Internet addiction. *Malaysian Online Journal of Educational Technology*. 2018;6(3):1-10. DOI: 10.17220/mojet.2018.03.001.
37. Almenayes JJ. Religiosity and the perceived consequences of social media usage in a Muslim country. *Journal of Arts and Humanities*. 2014;3(5):108-117. DOI: 10.18533/journal.v3i5.439.
38. Boursier V, Gioia F, Griffiths MD. Do selfie-expectancies and social appearance anxiety predict adolescents' problematic social media use? *Computers in Human Behavior*. 2020;110. Article ID: 106395. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106395.
39. Costanzo A, Santoro G, Russo S, Cassarà MS, Midolo LR, Billieux J, et al. Attached to virtual dreams: the mediating role of maladaptive daydreaming in the relationship between attachment styles and problematic social media use. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 2021;209(9):656-664. DOI: 10.1097/NMD.0000000000001356.
40. Bilgin O, Tas I. Effects of perceived social support and psychological resilience on social media addiction among university students. *Universal Journal of Educational Research*. 2018;6(4):751-758. DOI: 10.13189/ujer.2018.060418.
41. Siah PC, Hue JY, Wong BZR, Goh SJ. Dark triad and social media addiction among undergraduates: coping strategy as a mediator. *Contemporary Educational Technology*. 2021;13(4):320. DOI: 10.30935/cedtech/11104.

42. Wong BZR, Goh SJ, Hui JY. *Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 13]. Available from: http://eprints.utar.edu.my/3805/1/fyp_PY_2020_WBZR_-_1602361.pdf.
43. Hurley LN. The relationship between resilience, coping, and social media. The relationship between resilience, coping, and social media. *Masters Theses* [Internet]. 2018 [cited 2022 August 13]. Available from: <https://thekeep.eiu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4680&context=theses>.
44. Sheinov VP. Short version of the questionnaire «Scale of dependence on a smartphone». *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2021 December 14];6(1):97–115. Available from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document644.pdf>. Russian. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
45. Sheinov VP. Adaptation and validization of the questionnaire «Scale of dependence on the smartphone» for the Russian-speaking society. *Systems Psychology and Sociology*. 2020;3(35):75–84. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.6.
46. Romek VG. [Tests of self-confidence]. In: Sinchenko TYu, Romek VG, editors. *Prakticheskaya psikhodiagnostika i psikhologicheskoe konsul'tirovanie* [Practical psychodiagnosics and psychological counselling]. Rostov-on-Don: Irbis; 1998. p. 87–108. Russian.
47. Hall N. [Diagnostics of emotional intelligence]. In: Fetiskin NP, Kozlov VV, Manuilov GM. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp* [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow: Institut psikhoterapii; 2002. p. 57–59. Russian.
48. Greben' NF. *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Sovremennaya shkola; 2007. 496 p. Russian.
49. Sheinov VP, Devitsyn AS. A three-factor model of social media addiction. *Russian Psychological Journal*. 2021;18(3):145–158. Russian. DOI: 10.21702/rpj.2021.3.10.
50. Sheinov VP, Devitsyn AS. Factor structure of smartphone dependency model. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2021;6(3(23)):174–197. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.10.2022.
Received by editorial board 08.10.2022.

КАНСЕЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. СИМХОВИЧ¹⁾, Д. И. НАУМОВ²⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусская государственная академия связи, ул. Ф. Скорины, 8/2, корп. 1, г. Минск, Беларусь

Рассматривается канселлинг, представляющий собой совокупность социальных практик, посредством которых общество или его часть оказывают социальное давление на индивида, группу или организацию. Показываются основные формы и цели канселлинга в разных сферах, обосновывается необходимость его междисциплинарного исследования. Феномен канселлинга изучается в разных теоретических рамках. Конфликтологическая трактовка канселлинга делает акцент на борьбе акторов за материальные и нематериальные ресурсы, преимущественно в нелегальных формах. Отмечается потенциальная опасность данного явления для экономических и трудовых отношений. В политико-дискурсивном аспекте канселлинг рассматривается с точки зрения культурного сопротивления маргинальных групп структурному насилию, когда сложно призвать к ответственности представителей элиты в силу их привилегированного положения. Демонстрируются особенности развития канселлинга в современном обществе: нормативная размытость его практик, отсутствие инновационного потенциала и возможности радикально изменить социальные отношения в современном обществе, невысокая результативность и имитационный характер; перенос нормативных оснований социальных практик меньшинств в универсалистский контекст и установление привилегий для представителей отдельных сообществ, социальная избирательность и экономическая мотивированность. Делается вывод о том, что следствием экспансии канселлинга в экономическую, политическую и культурную сферы современного общества становится инициирование процессов, опасных для социального развития. Отмечается, что практики канселлинга не только формируют пространство возможностей и социокультурных инноваций для человека, но и создают существенные препятствия для его профессиональной и иной деятельности. Для общества канселлинг становится источником конфликтогенных процессов. Вместо борьбы с реальными причинами и факторами социального угнетения он создает новые идеологические основания и механизмы дискриминации.

Ключевые слова: канселлинг; социальные практики; объекты канселлинга; социальное давление; социальные медиа.

Образец цитирования:

Симхович ВА, Наумов ДИ. Канселлинг как социальный феномен: теоретический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:71–79 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-71-79>

For citation:

Simkhovich VA, Naumau DI. Cancelling as a social phenomenon: theoretical aspect. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:71–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-71-79>

Авторы:

Валентина Александровна Симхович – доктор социальных наук, профессор; профессор кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования.

Дмитрий Иванович Наумов – кандидат социологических наук, доцент; ученый секретарь.

Authors:

Valentina A. Simkhovich, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanities Education.

simkhovich_v@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3831-6118>

Dzmitry I. Naumau, PhD (sociology), docent; scientific secretary.

cedrus2014@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2508-0361>

CANCELLING AS A SOCIAL PHENOMENON: THEORETICAL ASPECT

V. A. SIMKHOVICH^a, D. I. NAUMAU^b

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

^bBelarus State Academy of Communications, 8/2 F. Skaryna Street, 1 building, Minsk 220076, Belarus

Corresponding author: V. A. Simkhovich (simkhovich_v@mail.ru)

Cancelling is considered as a totality of social practices used by the society or its part to force social pressure on an individual, group, community or organisation. The main forms and goals of cancelling in various spheres of society are identified, the need for its interdisciplinary research on the methodological basis is given grounds for. The phenomenon of cancelling is considered in different theoretical frameworks. The conflictological interpretation of cancelling focuses on the actors' struggle for material and non-material resources that unfolds mainly in illegal forms. Due to its great destructive potential cancelling is highlighted as a potential danger to economic and labour relations. The political-discursive interpretation considers the phenomenon from the viewpoint of cultural resistance to structural violence undertaken by the marginal groups when it is difficult to call the representatives of elite groups to account due to their privileged position. Designated are some features of development of the phenomenon of cancelling in a modern society: normative blurring of cancelling practices, lack of innovative potential and ability to radically change social relations in a modern society, low efficiency and imitative nature of cancelling practices, transfer of the normative foundations of the minorities' social practices into a universalist context and establishment of privileges for representatives of certain communities, social selectivity and economic motivation of cancelling with the representatives of elite communities. It is recognised that cancelling expansion into the economic, political and cultural spheres of a modern society results in initiating the processes which can be dangerous for its development. Cancelling practices do not only create opportunities and socio-cultural innovations for an individual, but also cause significant problems and obstacles for his professional and other activities. For the society as a whole, cancelling is becoming a source of conflict processes that, instead of fighting the real causes and factors of social oppression, creates new ideological grounds and mechanisms for discrimination.

Keywords: cancelling; social practices; objects of cancelling; social pressure; social media.

Introduction

From the societal perspective, globalisation is a factor of generating qualitatively new social phenomena, institutions and social practices. Their timely theoretical reflection and correct conceptualisation represent a certain intellectual challenge for modern social and humanitarian knowledge. Cancel culture is one of such phenomena, and the practice of cancelling is its mode of expression in the system of social relations. The contradictory and conflicting nature of the given phenomenon makes it relevant and interesting as the object of research both in applied and theoretical aspects.

In the applied aspect, the main problem of cancelling is its instrumentalisation to achieve certain goals and promote group interests in the political, socio-cultural, marketing and media spheres. For a modern society, the consequences of instrumentalisation of the phenomenon are of contradictory significance, because they do not only create socio-cultural innovations, but also generate risks and challenges for its institutional and regulatory framework. As the Polish sociologist M. Krajewski notes, the main danger resulted from the ideological disputes over cancelling lies in creating a situation of sustainable conflict, culture war over the interpretation of fundamental meanings and values [1, s. 203].

In the political sphere, cancelling serves chiefly an implicit ideological rationale of liberal nature which is

used to politically mobilise a certain part of the country's population. As the latest political practice shows, such an ideological discourse is popular mainly among the supporters of various versions of liberalism. Cancelling is made use of both during national or regional electoral campaigns, and as a component of political pressure on opponents or various elite groups in a broader socio-political context.

As for the marketing field, cancelling is applied to segment the consumer audience. On the one hand, it can be implemented by designing the fashion and manipulative imposing of certain brands, groups of goods or types of services on consumers. Under a modern global society, their public and articulated consumption becomes an element of an individual lifestyle and a component of the individual's social status who claims or actually occupies a high position in the social stratification pyramid. On the other hand, cancelling can serve an instrument of unfair competition which is used to boycott certain producers of goods and services and related products.

In the media space, cancelling is used to manipulate the audience, drawing the viewers' attention to a particular public person or social process. It can provide not only a decrease, but also an increase in the rating of a particular TV-program, Internet resource or media publication which determines the cost of advertising

and, accordingly, their financial profit from activities in the media sphere. Personalised cancelling enables to draw attention to the famous figures in a modern show business, popular culture, political and economic establishment. Thus, for media characters, spontaneous or intentional victimisation implemented within the semantic and value framework of cancelling can be an element of an individual PR-strategy. The strategy can be realised to increase their symbolic capital in the mode of media fame, even scandalous, with its subsequent conversion into financial or political capital. An example is «cancellation» of the American rapper K. West, who was «cancelled» by the audience in 2018. The reason for it was his photo in a cap with the inscription «Make America Great Again» published on *Twitter* and the fact that he called D. Trump his brother. As D. Trump's activities were controversially assessed both in the United States of America and abroad, such an emphatically public step resulted in K. West' losing about 9 mln followers on *Twitter* who unsubscribed from the rapper. Another example is «cancellation» of the Russian TV host and blogger R. Todorenko. Once she said that she did not understand women who publicly talk about their experiences of domestic violence. Several brands broke off advertising contracts with R. Todorenko. But when the wave of outrage subsided, it turned out that the number of R. Todorenko's subscribers increased by half a million that is known to increase the blogger's income.

In the socio-cultural space, cancelling acts as a source of generation of cultural meanings, moral norms and

imperatives that claim to be universal for the entire human civilisation. This cultural and axiological complex is perceived as a fashionable mainstream by mass culture industry, therefore it is actively replicated and popularised by the media. In the global urbanised world, they actually constitute the framework for the group and individual life of a contemporary inhabitant.

In the theoretical aspect, of interest is conceptualisation of cancelling by creating a theoretical framework that can reliably and adequately describe both the social phenomenon and its development trends. This scheme should be based on rational methodological principles and theoretical methods. It involves defining of common and distinctive conceptual features, their relationship, and analytical describing within certain epistemological frameworks. On the one hand, all this should make it possible to effectively structure the empirical information, create epistemological conditions for its correct theoretical interpretation and integration into the system of modern social and humanitarian knowledge. On the other hand, such a methodological procedure explicates the possible parameters and socio-cultural mechanisms for changing the reference field of social communities which made use of cancelling in their own interests.

The purpose of the article is to analytically describe the social phenomenon of cancelling, identify and characterise the mechanisms for promoting the discourse of cancel culture and practices of cancelling in a modern society.

Materials and methods of research

Recently, cancel culture has become a regular object of study for Western researchers, but it is out of the native scientists' focus yet. The latter is due to some reasons: novelty of the phenomenon for the post-Soviet space, unclear nature and mechanism of its origin, complex and contradictory nature of the empirical material, politicisation of cancelling in socio-political relations etc. Understanding of cancelling as a product of a global urbanised society requires the construction of a heuristic analytical model that should reveal the sources, factors and mechanism of its development. Specificity of the object under study implies a task to systematise theoretical ideas about cancelling and analytically describe social practices corresponding to it. Constructing of such a model determines the relevance and scientific novelty of the given research.

Its theoretical framework is the conception of social practices as being treated in versions by H. Garfinkel, P. Bourdieu and A. Giddens, and conception of social capital by P. Bourdieu. Taken together, they provide the methodological principles, a categorical apparatus and schemes of theoretical analysis enabling to structure heterogeneous empirical material and create a scientific picture of cancelling as the phenomenon.

From an epistemological point of view, social practices are a concept that reveals a post-non-classical understanding of sociality and identifies the fundamental role of unconscious knowledge and routine acts of human activity in maintaining the social life, order and stability in a modern society. Currently, in socio-humanitarian knowledge there are three main theories wherein social practices are considered as a basic research tool to study modern social processes and phenomena: ethnomethodology by H. Garfinkel, structuralist constructivism by P. Bourdieu, and structuration theory by A. Giddens.

In the ethno-methodological theoretical scheme by H. Garfinkel social practices are considered as a totality of specific ordinary recurred actions of individuals and groups. In the society they ensure both stability, reproduction, mass character and normativity of the role models of behaviour, and sustainable functioning of the social institutions. Social practices are open, observable, interconnected and reflexive, when «the activities whereby members produce and manage settings of organised everyday affairs are identical with members' procedures for making those settings «accountable»» [2, p. 1]. H. Garfinkel continues that «such practices consist of an endless, ongoing, contingent

accomplishment; that they are carried on under the auspices of, and are made to happen as events in the same ordinary affairs that in organising they describe; that the practices are done by parties to those settings whose skill with, knowledge of, and entitlement to the detailed work of that accomplishment – whose competence – they obstinately depend upon, recognise, use, and take for granted; and that they take their competence for granted itself furnishes parties with a setting's distinguishing and particular features, and of course it furnishes them as well as resources, troubles, projects, and the rest» [2, p. 1–2]. In the functional aspect, social practices form the activity basis of the social order and act as a kind of markers outlining the space of an individual's life activity and his resource base.

In the theory of structuralist constructivism by P. Bourdieu social practices are considered as automated interpretive mechanisms that characterise the ability of social actors to correlate their own behavioural acts with the dominant public ideas about the surrounding reality. Therefore, to a certain extent, they determine the way of thinking and behaviour of individuals, who in their life should be guided by the normative requirements for role models of behaviour and account for their own resource endowment. On the one hand, individuals' conscious and expedient actions aimed at transforming the social world or their own lives act as social practices. To a certain extent, they determine the direction of social change, quality and intensity of transformation of the social structures and social life. On the other hand, everyday automated routine actions that are not reflected by the individual can also act as social practices that automatically reproduce the normative order of the society. From P. Bourdieu's viewpoint, for understanding social practices habitus are of particular importance. He interprets them as the systems of stable and transferable dispositions, structured structures predisposed to function as structuring structures, i. e. as the principles that generate and arrange practices and ideas. They can be objectively adapted to their goal but without a manifested focus on it and without the indispensable mastery of the operations needed to achieve it [3, p. 102–103]. At the same time, one should not only take into account the functional significance of habitus that forms the agent's multiple practices as his mechanisms of adaptation to the system of social relations of a particular society. Habitus can also have a socially constructive significance which means that members of a particular community have a common habitus as a system of dispositions common to all outcomes of the same determinations. P. Bourdieu believes that social practices have a dual structure because they are not only determined by the social environment but also directly affect this environment, changing its structure [4, p. 30–31].

In the theory of structuration by A. Giddens, social practices in a modern society act as the grounds for both the actor's activity and parameters of the social

objects' functioning and development. In the sociologist's opinion, social practices are individuals' typical expectations in relation to each other which are arranged in a social space and time, related to a certain socio-cultural context. They are not created by social actors but are only continually recreated by them via the very means whereby they express themselves as actors, or integral components of some social structures. It enables A. Giddens to assert that «the basic domain of study of social sciences... is neither the experience of an individual actor, nor the existence of any form of societal totality, but social practices ordered across space and time» [5, p. 36]. The world of everyday life is defined in this sense by a totality of generally accepted social practices that are considered as normative models of individuals' behaviour and basis of their daily activities. Social practices explicate the individuals' dominant ideas about the principles and normative patterns which the existing social order is based on.

Thus, the scientific construct «social practices» can identify the role of implicit knowledge and routine actions in people's daily lives both in formation and transformation of the social order. In modern socio-humanitarian discourse, there are three main ways of changing social practices: articulation, reconfiguration, and borrowing. Articulation focuses public attention on a certain social phenomenon that enables to give it a certain name and characteristics. Due to this, its normative expression and dissemination in society becomes possible. Reconfiguration enables to change the socio-cultural status of a phenomenon, legitimise marginal practices and, in fact, give them a generally recognised value. Borrowing characterises the transfer of social practices to a new context with giving them other names and a new functional [6, p. 23–24]. At the same time, the scientific construct «social practices» shows the possibilities of managing the process of social construction via various social technologies. These technologies are used to change the system of the individual's value orientations that is a necessary condition for a significant change in the individual behaviour. Such a theoretical framework enables to explicate the social mechanisms of generating cancelling, predict its trends and prospects for its development, identify and evaluate the risks and challenges generated by this phenomenon for the whole society.

In turn, the conception of social capital by P. Bourdieu enables to identify the role of social ties, constructed and maintained by interpersonal trust as a source of benefits for members of a particular community [3; 7]. In this conception, social capital in the form of real or potential resources is resulted from functioning of a stable network of interpersonal ties which are significant for community members both from a functional and emotional point of view. In the economic aspect, it actually ensures reduction of transaction costs and expansion of the resource basis of the community; in the political aspect, it enables to form a socio-cultural basis

for a collective identity, which via electoral mechanisms and procedures can be converted into a component of the political agenda. The exclusive nature of social capital explicates both the importance of achieving high group homogeneity and role of a selective mechanism in this process, through which the individuals, alien to

the community for various reasons, are discriminated against and not allowed into its social framework and communication networks. Thus, the use of symbolic capital as an analytical tool makes it possible to reveal the role of socio-cultural grounds for establishing or changing the social order.

Research results and discussion

Cancelling is a totality of social practices used by the society or its part to force social pressure on an individual, group, community or organisation. The main means of such pressure is social discrimination established as a regime. The cancellation results in forcible squeezing of the objects, either an individual or organisation, out of the public space, professional or business area. At the same time, their social contacts are restricted, and any positive or neutral references to them are actually tabooed. The basis for boycott or ostracism of media people, companies is their social misconducts or transgressions (real or imaginary ones) which became known via the Internet, social networks or media, but not their committed crimes recorded and established as such by law. The Canadian researcher H. Saint-Louis, defining the essence and content of cancellation, focuses on this characteristic: «Cancel culture is a phenomenon where individuals transgressing norms are called out and ostracised on social media and other venues by members of the public» [8].

As a rule, victims of ostracism or cancellation suffer from the psychological trauma, reputational and economic costs, and violated conditions for professional activity. That is why in the media space and scientific discourse this phenomenon has got not only positive, but also negative connotations articulated in political debates when issues of freedom of speech and censorship are discussed. On the one hand, the USA researcher M. Clark sees cancelling in an explicitly positive aspect, that of actualisation of a person's a priori moral position: «“cancelling” is an expression of agency, a choice to withdraw one's attention from someone or something whose values, (in)action, or speech are so offensive, one no longer wishes to grace them with their presence, time, and money» [9, p. 88]. As a matter of fact, cancelling is a boycott or public condemnation practiced against a certain celebrity, media person or brand for one's socially unacceptable act, an incorrect phrase in an interview, a tweet with a racist or xenophobic joke, physical or psychological violence against someone. For such actions, the transgressor can be at best deprived of a platform for expressing his position on social networks, at worst – such actions can be worth of his professional career and sources of earning money. It is the withdrawal of public support as a basic act of cancel culture that distinguishes cancelling from active bullying or hating.

On the other hand, as A. Dershowitz emphasises, «cancelling actually destroys the principles of the rule

of law and presumption of innocence that underlie both the modern body of human rights and freedoms and the continental and Anglo-Saxon legal systems» [10, p. 41].

Cancelling is assumed to have a socio-cultural connection with certain institutions of the Ancient world, common in Ancient Greek city-states but to consider it as a postmodern form of ostracism would be incorrect for some reasons. First, in the ancient political practice, ostracism was actually an extraordinary event that existed only in some of the largest polities (Athens, Megara, Argos, Miletus, Syracuse, Cyrene and some others). Second, the existing narrative and epigraphic sources enable to reconstruct the historical role of ostracism in the political system and political life of the Greek cities of the classical era – that of formalised institution of direct polis democracy. As I. E. Surikov notes, in the Athenian policy, ostracism was «extrajudicial expulsion of the most influential citizens from the polis for political reasons for a fixed period (in Athens – for 10 years), without loss of civil (including property) rights and with the subsequent full restoration of political rights; it was used for preventive purposes and carried out by voting of the demos in the national assembly» [11, p. 416]. Third, ancient ostracism was implicitly based on the principle of anthropolatry, so it was not only politically motivated but culturally and civilisationally specific, too. In fact, ancient ostracism was limited to the polis borders and did not pretend to serve as normative universalism within the whole mankind.

In a modern Western socio-humanitarian discourse, cancellation as a phenomenon is actually identified with the cancel culture for certain grounds. It is considered in different theoretical frameworks which are determined rather by the scientific interests and political predilections of certain authors than by the needs of scientific objectivity and methodological correctness. There are different theoretical interpretations (gender, social-network, media-cultural etc.) that enable to describe the phenomenon of cancelling quite comprehensively and correctly. To identify the specificity and content of the cancelling practices, the conflictological and political-discursive interpretations are made use of as they highlight the characteristic features of their implementation in social reality.

The conflictological interpretation of cancelling makes emphasis on the actors' struggle for material and non-material resource that mainly unfolds in non-legal frameworks and illegal forms. A merit here is to the American researcher E. Ng who provides a deep

insight into cancel culture. She reveals that cancelling can be put into practice both from below (via online fandoms or social networks) and above when it is used by politicians to promote a certain idea in the society or express a political position through large media. Using the Chinese experience as an example the researcher shows that under mediatisation of politics and urbanised society, cancelling is a fairly effective tool for implicit political mobilisation of the population. It is no coincidence that she interprets it as a totality of practices of economic behaviour managed indirectly via social networks and media by the Chinese authorities who in fact direct the population's social or political discontent against foreign brands, manufacturers or states [12]. In turn, in the world show-business the other practice has become widespread – when advertising or art agencies purposefully disseminate compromising information about actors or musical performers tied by contracts with them. Such manipulations are assumed to minimise the agencies' financial costs and provide control over the behaviour of counterparties. However, cancelling is potentially dangerous for economic and labour relations, as it has got a great destructive potential. This is the reason why the idea of the private owners' right to create organisational structures, corporate space, areas of educational, business and other professional activities that could be fundamentally free from cancelling, is becoming relevant today. At the same time, owners of private organisations are meant rather than their employees when the protection of negative manifestations and consequences from cancelling are spoken about [13].

The political-discursive perspective interprets the phenomenon of cancelling from the viewpoint of cultural resistance to structural violence undertaken by the marginal groups when it is difficult to call the representatives of elite groups to account due to their privileged position and resource capabilities. For the oppressed and marginalised ones, cancelling practice is a form of asymmetric social response, that of construction of a moralised news agenda. From the viewpoint of E. Ng, such a response became possible only due to the intensive development of information and communication technologies and mediatisation of politics in the modern world. Modern information and communicative technologies and media technologies can draw the public attention to a situation of social injustice which is difficult to solve by legal means but possible – by political tools and methods if it is moved to the focus of public discussion [12].

American political scientist P. Norris provides her own understanding of cancelling. She interprets it in the context of E. Noel-Neumann's theoretical ideas about the nature of public opinion and the spiral of silence. The researcher considers cancelling as a tool for the society's ideological polarisation due to which the actual radicalisation of the political process takes place,

rather than a consensus on pressing social problems and ways to solve them is reached [14]. In a modern society, cancelling practices constituted by the ideas of digital activism and expansion of the rights and freedoms of minorities, for some limited time create a situation of reconfiguration of power in the society. But the consumerist and reactive nature of such practices, their personalised focus on certain actors, hypertrophied anti-colonial orientation, dependence on the Internet and the media question their effectiveness to address real social problems.

In the context of the theory of practices, the analysis of the phenomenon of cancelling viewed as a manifestation of human activity in a modern global urbanised world reveals some features of its development.

First, the normative blurring of cancelling practices should be noted when articulation is applied to create a modern interpretation of moral norms and moral imperatives. They claim to be the normative regulation of individual and collective behaviour but without regard to the cultural and historical determination of social behaviour. In the socio-cultural aspect, cancelling can be viewed as a tool for constructing a secular version of a quasi-religious cult with its own saints and rituals. It is embodied in a certain lifestyle imposed by minorities on the rest of humanity via the media and social networks. At the same time, its supporters, organised into fairly homogeneous groups according to the criteria of similar value orientations and lifestyle, build their online and offline communication in the format that is based on the logic of exclusion. On the one hand, such a group establishes the content and boundaries of a new norm imposed on the society, and, on the other hand, it nominates itself for the status of the exclusive bearer and defender of the given norm, so, by default, all the rest become transgressors of the new normative order and public peace. The outrageous and aggressive nature of cancelling seems to consider this social phenomenon as a nonconformist phenomenon of a temporary nature.

Second, in terms of content, it is difficult to talk about the innovative potential and ability of the cancelling practices to radically change social relations in a modern society. Often, the social basis of cancellation is various minorities which by reconfiguration are trying to improve their socio-cultural status, legitimise their lifestyle and, in fact, give it a recognised value. Naturally, the performative and outrageous nature of such practices, especially if they relate to sensitive gender, racial and ethnic cases of human rights' violations, enables to draw the public attention to the problem but this does not destroy the real socio-economic mechanisms which generate and steadily reproduce the problem field.

Third, it is difficult to talk about the social success of cancelling practices because their effectiveness is achieved not by dismantling the real social mecha-

nisms of discrimination and oppression of minorities but by creating a media picture of their virtual defragmentation. Social media plays a significant role in this process. The Indonesian researchers M. S. Waani and J. A. Wempi note that using of social media for social movement has proven to be very effective, especially on *Twitter*, and cite *#MeToo* and *#BlackLivesMatter* as examples. They highlight that cancel culture activities are massive and add that «even though the result of this case did not match the audience's expectations, but they have tried their best to try and reach their purpose» [15, p. 269–270].

Fourth, although cancelling claims to modernise legal norms, in reality created are the socio-cultural conditions that actually destroy the normative foundations of the existing system of human rights and freedoms. It is done in two main ways. The first one is borrowing of the normative grounds for the minorities' social practices to transfer them into a universal context that results in making such practices legalised and legitimised. The second one is establishing privileges for the representatives of certain communities (for example, quotas or positive discrimination) which are characterised by dubious historical justification and absence of formal legal grounds for making this step.

Fifth, cancelling practices almost always involve actors with high status positions and significant resources, i. e. celebrities, those who belong to various elite groups. At the same time, public discrimination of an individual does not occur immediately after the fact of his statement or action that violates someone's rights, but after a certain period. This retrospective orientation enables to suggest that the focus is not on the victim of cancellation but on the groups with their own corporate interests affiliated with the victim.

In the context of the conception of social capital, of interest is the practice when supporters of cancellation create a stable network of interpersonal relations based on general normative-value regulators of social activity and intrinsic value of the emotional attitude towards it. The network can be created both in the real world and social media. To achieve a certain degree of homogeneity of the created community, a selective mechanism is used to discriminate against those who are ideologically, politically and psychologically alien to the community, and keep them out of its social boun-

daries and communication networks. In the political aspect, such a communicative network of cancelling supporters forms a socio-cultural basis for collective identity, which, via civic initiatives, activities of social movements, electoral mechanisms and procedures, is constantly being converted into a component of the national political agenda or even directly into political power.

However, it is necessary to recognise that expansion of cancelling into the economic, political and cultural spheres of a modern society results in initiating of the processes which are dangerous for its development. First, the sphere of public communication is being transformed – from an open space in which a comprehensive and critical discussion of problematic processes and phenomena is a priori possible, towards establishing of hierarchical relations between actors. As a result, they develop a closed communicative space in which it is difficult to identify and adequately assess the social problems, and political communication becomes imperative, dogmatic and manipulative.

Second, a reduction mechanism is developed which is applied to make the ideas about complex socio-political and economic processes significantly simplified in public opinion and assess the parameters and results of these processes exclusively in the moral plane. As a result, the individual's moral position and moral justification of his social activity become more important than arrangement and results of this activity in the economic, political or cultural aspects.

Third, stigmatisation of public actors creates social pressure not only on certain creative figures, representatives of the media or business, but also on the elite groups in general. As a result, in order to protect their own corporate positions and interests the elite mobilises resources that are directed to solving market situations rather than real social problems.

In general, the conversion of symbolic capital into a political one by supporters of the cancelling ideology, if to actualise functioning of the democratic political system, ultimately expands the range of options and directions of socio-political development which are significant for a modern society. However, it is worth of a sharp increase in the conflict potential of political and electoral processes, decrease in quality of the managerial decisions, and ideological polarisation of society.

Conclusion

Thus, cancelling is a complex social phenomenon, the social practices and discourses of which both expand and complicate the economic, political and cultural processes in a modern society. However, such practices do not only form a space of opportunities and socio-cultural innovations for an individual, but

also cause significant problems and obstacles for his professional and business activities. For the society as a whole, cancelling seems to become a source of conflict processes that, instead of fighting the real causes and factors of social oppression, creates new ideological grounds and mechanisms of discrimination. It should

be emphasised that due to the novelty and controversial nature of the phenomenon, the analytical description of cancelling in a modern socio-humanitarian discourse can hardly be called exhaustive and heuristic by now so the given issue still remains relevant and requires its further theoretical development.

Библиографические ссылки

1. Krajewski M. Cancel culture: unieważniając unieważnianie. *Przegląd socjologiczny*. 2022;71(1):185–206. DOI: 10.26485/PS/2022/71.8.
2. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology* [Internet]. 1967 [cited 2022 August 9]. 288 p. Available from: https://monoskop.org/images/0/0c/Garfinkel_Harold_Studies_in_Ethnomethodology.pdf.
3. Бурдые П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики; Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
4. Качанов ЮЛ, Шматко НА. «Габитус» вместо «сознания»: теория и эксперимент. *Социология: методология, методы, математические модели*. 2000;12:25–39.
5. Giddens A. *The constitution of society: outline of the theory of structuration* [Internet]. 2013 [cited 2022 August 9]. 473 p. Available from: https://play.google.com/books/reader?id=YD87I8uPvnUC&pg=GBS.PT35.w.1.0.71_185&hl=ru&printsec=frontcover&source=gbs_atb.
6. Волков В, Хархордин О. *Теория практик*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2008. 298 с. (Прагматический поворот; Выпуск 2).
7. Бурдые П. *Начала. Choses dites*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1994. 288 с.
8. Saint-Louis H. Understanding cancel culture: normative and unequal sanctioning. *First Monday* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 16];26(7). Available from: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10891>. DOI: 10.5210/fm.v26i7.10891.
9. Clark MD. Drag them: a brief etymology of so-called «cancel culture». *Communication and the Public* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 15];5(3–4):88–92. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2057047320961562>. DOI: 10.1177/2057047320961562.
10. Dershowitz A. *Cancel culture: the latest attack on free speech and due process*. New York: Hot Books; 2020. 168 p.
11. Суриков ИЕ. *Остракизм в Афинах*. Москва: Языки славянских культур; 2006. 640 с.
12. Ng E. *Cancel culture. A critical analysis* [Internet]. London: Palgrave Macmillan; 2022 [cited 2022 August 16]. 153 p. Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-97374-2>. DOI: 10.1007/978-3-030-97374-2.13.
13. Bagus Ph, Daumann F, Follert F. Cancel culture, safe spaces, and academic freedom: a private property rights perspective. *SSRN Electronic Journal* [Internet]. 2022 [cited 2022 August 16]. Available from: <https://ssrn.com/abstract=4153396>. DOI: 10.2139/ssrn.4153396.
14. Norris P. Cancel culture: myth or reality? *Political Studies* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 7]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023>. DOI: 10.1177/00323217211037023.
15. Waani MS, Wempi JA. Cancel culture as a new social movement. *American Journal of Humanities and Social Sciences Research* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 16];5(7):266–270. Available from: <https://www.ajhssr.com/wp-content/uploads/2021/07/ZF2157266270.pdf>.

References

1. Krajewski M. Cancel culture: unieważniając unieważnianie. *Przegląd socjologiczny*. 2022;71(1):185–206. DOI: 10.26485/PS/2022/71.8.
2. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology* [Internet]. 1967 [cited 2022 August 9]. 288 p. Available from: https://monoskop.org/images/0/0c/Garfinkel_Harold_Studies_in_Ethnomethodology.pdf.
3. Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators; Shmatko NA, editor. Saint Petersburg: Aleteia; 2001. 562 p. Russian.
4. Kachanov YuL, Shmatko NA. [«Habitус» instead of «consciousness»: theory and experiment]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models*. 2000;12:25–39. Russian.
5. Giddens A. *The constitution of society: outline of the theory of structuration* [Internet]. 2013 [cited 2022 August 9]. 473 p. Available from: https://play.google.com/books/reader?id=YD87I8uPvnUC&pg=GBS.PT35.w.1.0.71_185&hl=ru&printsec=frontcover&source=gbs_atb.
6. Volkov V, Khakhordin O. *Teoriya praktik* [Theory of practices]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2008. 298 p. (Pragmatic Turn; Issue 2). Russian.
7. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Les Éditions de Minuit; 1987. 228 p.
Russian edition: Bourdieu P. *Nachala. Choses dites*. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1994. 288 p.
8. Saint-Louis H. Understanding cancel culture: normative and unequal sanctioning. *First Monday* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 16];26(7). Available from: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/10891>. DOI: 10.5210/fm.v26i7.10891.
9. Clark MD. Drag them: a brief etymology of so-called «cancel culture». *Communication and the Public* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 15];5(3–4):88–92. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2057047320961562>. DOI: 10.1177/2057047320961562.
10. Dershowitz A. *Cancel culture: the latest attack on free speech and due process*. New York: Hot Books; 2020. 168 p.
11. Surikov IE. *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens]. Moscow: Languages of Slavic cultures; 2006. 640 p. Russian.

12. Ng E. *Cancel culture. A critical analysis* [Internet]. London: Palgrave Macmillan; 2022 [cited 2022 August 16]. 153 p. Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-97374-2>. DOI: 10.1007/978-3-030-97374-2.13.
13. Bagus Ph, Daumann F, Follert F. Cancel culture, safe spaces, and academic freedom: a private property rights perspective. *SSRN Electronic Journal* [Internet]. 2022 [cited 2022 August 16]. Available from: <https://ssrn.com/abstract=4153396>. DOI: 10.2139/ssrn.4153396.
14. Norris P. Cancel culture: myth or reality? *Political Studies* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 7]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023>. DOI: 10.1177/00323217211037023.
15. Waani MS, Wempi JA. Cancel culture as a new social movement. *American Journal of Humanities and Social Sciences Research* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 16];5(7):266–270. Available from: <https://www.ajhssr.com/wp-content/uploads/2021/07/ZF2157266270.pdf>.

Received by editorial board 05.09.2022.

УДК 316.4

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК В СССР В 1950–90-х гг.

Н. В. ЛЕВЧЕНКО¹⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

Исследуется советская анимация 1950–90-х гг. Рассматриваются периоды развития анимации, а также этапы трансформации основных художественных методов и образов, которые использовали советские аниматоры. Выявлена связь между особенностями становления мультипликации и культурно-историческими процессами в СССР. Показано влияние на отрасль идеологических основ, транслируемых сверху. Определены основные задачи советской мультипликации. В качестве метода исследования используется контент-анализ. Проанализированы основные картины каждого десятилетия советской эпохи, проведен вторичный анализ исследований, посвященных анимации. Показано, как менялась идеология в советскую эпоху и как идеологические установки транслировались через мультфильмы. Советская мультипликация анализируется как средство идеологического влияния власти на общество, а также как средство формирования советского гражданина. Предпринята попытка систематизировать мультипликационные фильмы в соответствии с их предполагаемым идейным наполнением.

Ключевые слова: мультипликация; анимация; советская идеология; СССР; общественные настроения; Союзмультфильм.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-43046 «Цивилизационная специфика советского модерна: институциональные и ценностные основания».

ANIMATION AS A MEANS OF FORMING VALUE ATTITUDES IN THE USSR IN 1950–90s

N. V. LEVCHENKO^a

^aInstitute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
5 Bol'shaya Andron'evskaya Street, 1 building, Moscow 109544, Russia

The object of the research is Soviet animation of the period of 1950–1990. The author examines the stages of animation development, as well as the transformation of the main artistic methods and images used by Soviet animators. The relationship between the features of the development of animation and cultural and historical processes in the USSR is revealed. The influence of the ideological foundations broadcast from above on the industry is shown. In the course of the study, the main tasks of Soviet animation were identified, which can be traced in the cartoons of the period under review. Content analysis is used as a research method. The main films of each decade of the Soviet era were selected and analysed, and a secondary analysis of research on animation was carried out. The idea of the article is, firstly, to show how ideology changed in the Soviet era, and secondly, how these ideological attitudes were broadcast through cartoons. In the article, Soviet animation is analysed as a means of ideological influence of the authorities on society and the formation of a Soviet citizen. The author's contribution consists in an attempt to systematise a number of animated films in accordance with their intended ideological content.

Образец цитирования:

Левченко НВ. Мультипликация как средство формирования ценностных установок в СССР в 1950–90-х гг. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;4:80–87.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-80-87>

For citation:

Levchenko NV. Animation as a means of forming value attitudes in the USSR in 1950–90s. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:80–87. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-80-87>

Автор:

Наталья Валерьевна Левченко – кандидат социологических наук; научный сотрудник.

Author:

Natalia V. Levchenko, PhD (sociology); researcher.
natalya_levchenk@mail.ru

Keywords: animation; Soviet ideology; USSR; public mood; Soyuzmul'tfil'm.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 21-011-43046 «The civilisational specifics of the Soviet modern: institutional and value foundations».

Введение

Мультипликация – это вид искусства, формирующий ценности, мировоззрение, модели поведения людей и основы их взаимодействия. Мультфильмы являются отражением той или иной культуры. Так, например, различают советские, диснеевские, западные мультфильмы, японское аниме и т. д. В мультипликации СССР предпочтение отдавалось детской анимации, хотя изначально мультфильмы

были ориентированы на взрослую аудиторию. Примерно с 1960-х гг. отечественная анимационная школа начала складываться как своеобразная мозаика, куда каждый автор привносил свое мастерство и где создавал особый мир. Для мультипликационной студии было характерно разнообразие техник и жанров. Режиссеры стремились размышлять на актуальные, злободневные темы.

Материалы и методы исследования

В качестве метода исследования в работе использован контент-анализ. Начиная с периода оттепели для каждого десятилетия отобран ряд мультипликационных фильмов, которые проанализированы с точки зрения идейного наполнения. Проведен вторичный анализ исследований, посвященных анимации. В рамках концепции детства мультипликацию рассматривала Н. Г. Кривуля, методы и сред-

ства анимации раскрыты в трудах О. В. Петрухиной. Исследования показывают, что мультипликация не только играет значительную роль в воспитании детей, но и оказывает влияние на взрослых. В связи с этим представляется важным рассмотреть советскую мультипликацию как средство воздействия власти на общество в разные периоды советской эпохи.

Результаты и их обсуждение

Особенности развития мультипликации в период хрущёвской оттепели (середина 1950-х – середина 1960-х гг.). В этот период власть начинает воспринимать мультипликацию как одно из средств воспитания нового советского гражданина. Согласно исследованиям О. В. Петрухиной в этот период отечественная мультипликация основывается на устоях советского кино «с его просветительскими функциями» [1, с. 4]. В середине 1950-х гг. возвращается производство кукольных фильмов. В 1954 г. выходит первый послевоенный кукольный фильм «Карандаш и Клякса» (режиссер Е. Т. Мигунов). Так, цирковой герой Карандаш и его собачка по кличке Клякса отправляются на охоту. После отдыха в лесу герои начинают охоту, но, не сумев никого подстрелить, возвращаются домой и покупают дичь в гастрономе. Воспитательную функцию несет мультфильм «Секрет воспитания» (Г. З. Ломидзе, 1960), в котором лектор говорит о важности труда, но сам при этом является лентяем. Его сын следует данному примеру, однако впоследствии разбивает магнитофон с записями лекций отца и отправляется сажать деревья.

В 1960-х гг. на студию «Союзмультфильм» начали приходить молодые мультипликаторы, стремившиеся уйти от шаблонного мышления. В результа-

те советская анимация стала активно развиваться, качество и эстетичность картин перешли на новый уровень. Работы становятся более красивыми и высокоморальными, для них характерно эстетическое обновление. Со временем из фильмов уходит контраст добра и зла. Также «одной из уникальных черт советской анимации является отсутствие узкой специализации каждого из ее мастеров в отличие от многих зарубежных художников, работающих с жанром анимации» [1, с. 4]. Советская мультипликация достигла успеха и благодаря актерам, среди которых следует выделить О. П. Табакова, А. А. Миранова, А. А. Калягина, А. Б. Джигарханяна, В. Б. Ливанова, Е. П. Леонова и др. Кроме того, в это время появляется телевидение, в связи с чем увеличивается количество мультфильмов. Рост продукции стимулирует развитие отрасли.

Активно появляются мультфильмы, направленные на различные виды воспитания, причем как подрастающего поколения, так и взрослых. Особое место в этом ряду занимают мультфильмы, воспитывающие личную гигиену. Наиболее популярный из них – поучительный фильм о мальчике, отказывавшемся умываться, по одноименной сказке Корнея Чуковского «Мойдодыр» (И. П. Иванов-Вано, 1954). О девочке-грязнуле был снят фильм «Королева

Зубная щётка» (Н. П. Фёдоров, 1962) по мотивам сказки С. А. Могилевской. В 1956 г. выходит картина о необходимости чистить зубы «Лесная история» (А. В. Иванов).

Важным направлением мультфильмов было нравственное воспитание. Одной из известных картин является «Снежная королева» (Н. П. Фёдоров, 1957). В качестве примера воспитательного фильма для взрослых служит картина «Талант» (Э. А. Туганов, 1963). В картине показано, как родители хотели вырастить из ребенка знаменитого артиста, однако, несмотря на их усилия, научить его играть на музыкальных инструментах не удалось. Но в какой-то момент ребенок проявил свои способности в технике.

Необходимость развивать любознательность и желание учиться показаны в фильмах «Остров ошибок» (В. С. Брумберг и З. С. Брумберг, 1955), «Опять двойка» (Б. П. Степанцев, Е. Н. Райковский, 1957), «Баранкин, будь человеком!» (А. Г. Снежко-Блоцкая, 1963). В работе «Остров ошибок» главный герой попадает на остров, где обитают результаты его неправильных решений задач. Путешествие мальчика показывает, насколько важно хорошо учиться и что любое знание может пригодиться. Фильм «Опять двойка» рассказывает, как корреспондент журнала «Мурзилка» отправляется к главному герою, чтобы узнать, за что он получил плохую оценку. Основная мысль картины заключается в том, что признать и исправить ошибки может только ответственный человек. В картине «Баранкин, будь человеком!» двое друзей-лентяев получают очередные двойки и решают, что жизнь в роли воробьев или насекомых будет легче. Пережив ряд опасных приключений, друзья с радостью возвращают себе человеческое обличье и делают вывод о том, что лучше быть прилежными школьниками.

Важность трудового воспитания показана в мультфильме «Ключ» (Л. К. Атаманов, 1961). Труд в картине олицетворяется как истинная ценность советского гражданина. По сюжету в семье чиновника к новорожденному являются три феи и дарят ему «клубок счастья», с помощью которого герой сможет попасть в «страну счастья». Однако его дедушка понимает, что там ребенок превратится в бездельника, и показывает внуку, что истинное счастье заключается в труде. В конце фильма герои вместе озвучивают главную мысль картины: «Счастье – это когда человек много знает, много умеет и все это отдает людям».

В 1960-х гг. после сталинского периода в мультипликацию возвращается сатирическое направление. «Сатирические мультфильмы наряду с игровым кино, периодикой и литературой были призваны обличать общественные пороки, искоренять существующие в обществе проблемы. И еще одной важной задачей оставалось духовное воспитание подрастающего поколения и формирование у детей

художественного вкуса» [2, с. 236]. Одной из первых работ в этом русле является картина «История Власа, лентяя и лоботряса» (Г. Г. Ломидзе, 1959) по стихотворению В. В. Маяковского. В основе сюжета лежит история об избалованном мальчике, который, повзрослев, не захотел трудиться, за неуспеваемость был отчислен из училища, потом из института и в итоге спился.

В 1962 г. выходит мультфильм А. Г. Карановича и С. Ю. Юткевича «Баня» (экранизация стихотворения В. В. Маяковского). В картине олицетворяются проблемы чиновника и власти. В этом же году был снят мультфильм Ф. С. Хитрука «История одного преступления», повествующий о служащем, которого шум соседей доводит до убийства. Посредством сатиры фильм обличает хамство и неуважительное отношение к окружающим. В 1968 г. выходит пародия на кинопроизводство – картина «Фильм, фильм, фильм» (Ф. С. Хитрук). По сюжету созданию фильма мешают различные неприятности: отсутствие вдохновения, плохая погода, превышение бюджета и т. д. Несмотря на препятствия, фильм все же был смонтирован и показан зрителям. После успеха картины съемочная группа плачет от счастья.

В начале 1960-х гг. национальная политика была направлена на сближение, единение и равенство наций в стране. В ответ на эту политику выходит агитационный фильм против западного расизма «Мистер Твистер» (А. Г. Каранович, 1963), снятый по мотивам поэмы С. Я. Маршака.

Противостояние двух сверхдержав и Карибский кризис вновь повернули идеологические установки в сторону олицетворения пороков капиталистического мира. В 1963 г. выходят ряд фильмов в русле заданного идеологического курса. Мультфильм «Акционеры» (Р. В. Давыдов) критикует народный капитализм. Рабочий, став акционером, поверил, что станет управлять предприятием, но в итоге был доведен до нищеты и стал инвалидом. В сатирическом фильме «Миллионер» (В. Я. Бордзиловский, Ю. А. Прытков) показана история о бульдого, который получает наследство от миллионерши. Собака входит в совет директоров банка, становится сенатором и кумиром общества.

Демонстрации буржуазных нравов посвящен фильм Г. М. Козлова «Случай с художником» (1962). В центре сюжета – художник, продающий картины на улице европейского города. Однажды во время дождя на одну из работ попали капли и размыли краски. Проезжавший мимо богач купил испорченную картину. Гонимый за прибылью, герой ставит изготовление абстрактных полотен на поток. Однако под давлением мыслей о том, что мир будет существовать в таком абстрактном виде в угоду моде, его душа не выдерживает такого груза.

В период правления Н. С. Хрущёва все еще серьезную роль играли патриотические и профессиональ-

ные установки. Согласно исследованию Б. А. Грушина, проведенного в 1961 г., в приоритете у населения в возрасте 15–30 лет были такие установки, как «служить народу, приносить пользу Родине» (на это указали 33,5 % респондентов), «стать перво-классным специалистом» (33,2 %), «стать настоящим коммунистом» (15,6 %) [3]. Однако в этот период в общественно-политической сфере происходит ряд изменений. Переломным моментом для критически мыслящей интеллигенции стал доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», зачитанный на XX Съезде КПСС в 1956 г. и вызвавший широкий общественный резонанс. Большая часть населения продолжала верить в силу советского строя и партии, но после указанного доклада творческая интеллигенция стала критически анализировать причины противоречий в советском обществе. «В результате этих поисков многие из них разочаровались в самой системе, которая сковывала любые инициативы, выходящие за пределы дозволенного и четко очерченного партией круга возможностей» [4, с. 44]. Начали создаваться подпольные организации и «самиздаты». К концу 1950-х гг. из-за сбоев в экономическом курсе недовольство властью в обществе стало нарастать. Как отмечает В. П. Васильева, «это десятилетие стало в истории СССР завершением эпохи коллективного энтузиазма и романтики, времени больших планов и надежд» [2, с. 230].

Особенности развития мультипликации в период брежневского застоя (середина 1960-х – начало 1980-х гг.). В 1964 г. первым секретарем ЦК КПСС становится Л. И. Брежнев. В целом брежневскую эпоху можно разделить на ранний и поздний периоды. Ранняя брежневская эпоха (середина 1960-х – середина 1970-х гг.) считается успешной в экономическом, политическом и социальном аспектах. Большинство советских граждан по-прежнему сохраняли доверие советскому строю и социальный оптимизм. Это подкреплялось реалиями: зарплата оставалась стабильной, обеспечивались социальные гарантии и другие блага (бесплатное образование и медицинское обслуживание, низкий уровень платы за жилищные и прочие услуги) [5, с. 376]. В стране активно развивалось производство предметов потребления, рос авторитет СССР на мировой арене, появилась уверенность в завтрашнем дне.

Однако дальнейшее правление Л. И. Брежнева привело к отставанию в развитии наукоемких отраслей, росту бюрократического аппарата, что обусловило сложную экономическую ситуацию. В приоритете была тяжелая и военная промышленность, производство предметов бытового потребления ушло на второй план, поэтому наблюдался дефицит многих товаров. Мировой нефтяной бум способствовал приходу нефтедолларов в экономику страны, но в то же время он привел к отсутствию модернизации в сельском хозяйстве. «В поздний период бреж-

невского застоя происходит критическое отношение к идеалам коммунизма, цели построения светлого будущего. Уходит прежний романтизм в ценностях периода оттепели. Изменяется отношение к труду. Все чаще возникает имитация труда. Важным является то, что за небольшой период времени в обществе возникают тревога, отсутствие веры в стабильность» [3]. Снизилась трудовая производительность, из-за уравниловки на производстве начал падать престиж сложного и квалифицированного труда. Стали развиваться диссидентские движения (националистические, экологические, религиозные и др.). К диссидентам относились несогласные с политикой СССР, идеологией партии, нормами и порядками в стране. Таким образом, экономическая ситуация, обострение идеологической борьбы, изменения в социальной жизни привели к росту недовольства населения.

С середины 1960-х гг. политический курс изменился – на смену строительству коммунизма пришло построение развитого социализма. «Общество ожидало перемен, ослабления контроля, послабления идеологического нажима. Однако нетерпимость к свободомыслию оставалась прежней, не допускалась критика властей, сфера применения и варианты репрессий даже несколько расширились» [5, с. 375]. В конце 1960-х гг. вышло постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», которое усилило контроль за учреждениями культуры. Цензура запретила выход ряда художественных произведений и кинофильмов. В приоритете были произведения патристической, военной или производственной направленности. Для периода брежневского застоя характерны такие элементы идеологизма, как культ коллектива, непогрешимость партии, негативный образ врага и культ героя. В анимации стали возрождаться агитационные и идеологические фильмы-плакаты. Среди них следует отметить картину «Непьющий воробей» (Л. А. Амальрик, 1960). В центре сюжета находится воробей, которого пригласили на банкет. Он отказался употреблять алкоголь. Однако это возмутило присутствующих и героя начали спаивать. В итоге пьяный воробей разбудил соседей и сломал чей-то скворечник. На суде филин заявил, что судить надо не только воробья, но и остальных гостей банкета.

Советские мультфильмы по-прежнему были призваны осуществлять нравственное, спортивное и трудовое воспитание. Телевидение стало приобретать массовый характер. Увеличилось количество мультфильмов. В 1967 г. выходит знаменитый кукольный мультфильм Р. А. Качанова «Варежка», в котором благодаря любви девочки варежка превращается в щенка. В том же году Р. А. Качанов снимает

кукольный мультфильм про Крокодила Гену, который завоевывает любовь зрителей. Нравственному воспитанию посвящена картина «Кентервильское привидение» (В. С. Брумберг и З. С. Брумберг, 1970), мультфильм о призраке мужчины, который 300 лет неприкаянно бродит по замку после убийства своей жены. И только доброе отношение девочки помогает ему отправиться в мир иной. Ценность родителей и семьи иллюстрируют мультфильмы «Мама для мамонтенка» (О. Д. Чуркин, 1981), «Два клена» (А. И. Солин, 1977), где показана сила материнской любви, а также картина «День рождения бабушки» (В. Г. Арбеков, 1981). О губительных последствиях жадности показано в одном из лучших предновогодних мультфильмов «Падал прошлогодний снег» (А. М. Татарский, 1983). Нравственным воспитанием были наполнены необычные и яркие мультфильмы режиссера Р. А. Саакянца «Ух ты, говорящая рыба!» (1983), «В синем море, в белой пене...» (1984) и др.

Ценность дружбы ярко иллюстрируют фильмы «Голубой щенок» (Е. А. Гамбург, 1976), «Большой секрет для маленькой компании» (Ю. А. Калишер, 1979), «Жил-был пес» (Э. В. Назаров, 1982). В простой форме иллюстрируются понятия о товариществе, дружбе, справедливости в мультфильмах «По дороге с облаками» (Ю. А. Бутырин, 1984), «Как львенок и черепаха песню пели» (И. А. Ковалевская, 1976). Мультфильм «Замок лгунов» (Г. М. Сокольский, 1983) помогает понять, какие могут быть последствия вранья.

К концу 1960-х гг. расширяется тематика мультфильмов, аниматоры по-новому начинают работать с цветом, фоном, материалами лент. «Реализм отходит на второй план, постепенно уступая место карикатурно-выпуклому, схематично-условному изложению» [1, с. 8]. Выходит ряд мультфильмов для взрослых. В картине «Очень синяя борода» (В. А. Самсонов, 1979) детектив расследует убийства жен Си-ней Бороды. Фильм учит критическому мышлению, а также внимательному и бережному отношению к близким. Главные вокальные партии исполнили знаменитые артисты М. С. Боярский, Л. А. Долина и В. В. Игнатъева. Для взрослой аудитории был предназначен мультфильм «Ограбление по...» (Е. А. Гамбург, 1978). В основе сюжета лежит ограбление банков в Америке, Франции, Италии и СССР. Сценаристы показали ограбление в сатирической форме в соответствии с представлениями о каждой из стран. Американское ограбление было совершено в стиле боевика с перестрелками. Во французском варианте гангстеры сначала пьют вино, а после удачного ограбления отмечают его в баре и забывают чемодан с деньгами. В итальянской версии грабителем является отец многодетного семейства. Герой решается на преступление, чтобы помочь семье. Однако у него нет ни сил, ни желания «идти на дело». В результате в банк его вносят друзья и знакомые, а служащие

ему добровольно отдают деньги. В советской версии грабители никак не могут попасть в банк, так как он все время закрыт: то санитарный день, то ремонт. Отчаявшись, преступники сами делают ремонт.

Просветительскую функцию несет семейный мультфильм «Пластилиновая ворона» (А. М. Татарский, 1981). В игровой манере картина учит зрителей разбираться в живописи и иллюстрирует знаменитую басню И. А. Крылова.

Спортивному воспитанию посвящен мультфильм «Как утенок-музыкант стал футболистом» (В. Я. Бордзиловский, 1978). Благодаря усиленным тренировкам утенок научился играть в футбол. Леня высмеивается в картине. В мультфильме «Футбольные звезды» (Б. П. Дёжкин, 1974) молодой спортсмен наблюдает за футбольным матчем и после проигрыша одной из команд решает стать ее тренером. Позже команда одерживает труднейшую победу.

Труд как основу жизни раскрывает картина «Мороз Иванович» (И. С. Аксенчук, 1981). Необходимость учиться и развивать любознательность иллюстрирует мультфильм «Приключения Хомя» (Г. Я. Бардин, 1978) про ленивого хомяка. Работа «Ивашка из Дворца пионеров» (Г. М. Сокольский, 1981) описывает приключения мальчика-пионера. Благодаря знаниям, смекалке и трудолюбию герой преодолевает опасные ситуации. Картины «Вовка в тридевятом царстве» (Б. П. Степанцев, 1965) и «В стране невыученных уроков» (Ю. А. Прытков, 1969) призваны воспитывать трудолюбие, а также несут просветительскую функцию.

В период застоя в советской мультипликации появляются картины о советском прошлом: о Гражданской войне, переходе к индустриализации, Великой Отечественной войне. В 1971 г. выходит музыкальный фильм о Гражданской войне «Песни огненных лет» (И. А. Ковалевская). В этом же году Б. П. Степанцев снимает картину о герое-музыканте «Скрипка пионера». Тема Великой Отечественной войны прослеживается в картине «Сказка сказок» (Ю. Б. Норштейн, 1979). В мультфильме переплетены разные сюжеты: поэт ждет музу, девочка с быком прыгают в скакалки, мальчик с воронами едят яблоко. За сменяющимися сценами наблюдает волчок из старинной колыбельной песни. Также волчок видит начало войны, уходящих вдаль солдат и их жен, остающихся без мужского плеча. Фильм наполнен самыми разными смыслами, показан таинственный мир детских и взрослых воспоминаний и образов. В 1977 г. выходит патриотический фильм-плакат «Вперед, время!» (В. И. Тарасов) по мотивам стихотворений В. В. Маяковского. Мультфильм раскрывает образ Родины и показывает историю страны, которой можно гордиться. История победы в Куликовской битве показана в мультфильме «Лебеди Непрядовы» (Р. В. Давыдов, 1980). Патриотическое воспитание прослеживается и в картине «Дядя Степа» (И. С. Ак-

сенчук, 1964) по мотивам поэмы С. В. Михалкова. История про советского милиционера, который спасает детей, помогает старушкам и следит за порядком в городе. Герой показан доброжелательным, отзывчивым оптимистом, который занимается любимым делом. В фильме прославляется образ советского милиционера.

Также в это время начался выпуск остросоциальных фильмов. В этом ряду, например, картины для сатирического художественного киножурнала «Фитиль».

В 1970–80-х гг. на экраны выходят культовые серии советских мультфильмов, таких как «Трое из Простоквашино», «Ну, погоди!», «Приключения кота Леопольда» и др. Выходят одни из самых удачных экранизаций сказок Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» (Е. А. Пружанский, 1981).

В 1960–80-х гг. советская анимация достигает высокого уровня развития. Фильмы отличаются хорошо продуманными диалогами, логично выстроенными причинно-следственными связями, а герои обладают богатым словарным запасом. Озвучивают мультфильмы знаменитые актеры театра и кино, среди которых М. М. Яншин, Ф. Г. Раневская, Г. М. Визин, Е. П. Леонов, А. Д. Папанов.

К сожалению, дальнейшие изменения в политической, экономической и социальной сферах привели к снижению качества выпускаемых мультфильмов.

Особенности развития мультипликации в период перестройки. К началу перестройки ситуация в СССР характеризовалась нарастанием как внешних, так и внутренних политических проблем: падением темпов развития экономики, дорогостоящей гонкой вооружений, невысоким уровнем оплаты труда, сложными отношениями с влиятельными странами, идеологическим давлением на творческую интеллигенцию. Экономический и политический кризис, снижение авторитета СССР вынудило правительство внедрять новые идеологические установки: «принципы партийной коллегиальности, борьба с последствиями культа личности» [6, с. 85] и др. Власть взяла идеологический курс в сторону марксистско-ленинской классовой теории. Однако существенных преобразований в русле октябрьских идеалов не последовало. В политической сфере в это время сложились три силы, противостояние между которыми вылилось в открытое столкновение в 1991 г. Первая из них – «сторонники достаточно осторожной перестройки общества на социал-демократических началах, постепенного вытеснения привычного административно-планового уклада» [7] и мягкого входа на рынок. Вторая сила активно препятствовала развитию перестройки, не желая существенных изменений в политическом и общественном строе. Третью силу представляли радикально-либеральные элементы, которые пропагандировали неза-

медлительный переход страны к нерегулируемому рынку. «Тем самым монолитное единство КПСС как сплоченной и дисциплинированной политической силы было подорвано, а ее ресурсы значительно ослаблены» [8, с. 308].

В середине 1980-х гг. проводилась антиалкогольная кампания, которая способствовала росту теневой экономики, дефициту вина и водки, что вызвало еще большее недовольство населения. Пропаганда антиалкогольной политики отражается в фильме «Жили-пили» (Т. А. Павленко, 1985) о вреде пьянства. В картине «Банкет» (Г. Я. Бардин, 1986) показано, как под влиянием алкоголя люди теряют самообладание, их диалоги становятся бессвязными и утрачивают смысл.

Аниматоры, почувствовав ослабление влияния партии, стали открыто поднимать острые социальные вопросы. Так, например, дефицит товаров первой необходимости показан в картине «Контракт» (В. И. Тарасов, 1985). Колонист оказывается на чужой планете, там же обитает робот из конкурирующей фирмы. Герой заказывает себе бритву, однако фирма утверждает, что это предмет роскоши, и отказывается предоставлять ее бесплатно. Робот дарит колонисту бритву. За сотрудничество оба оказываются без поддержки своих фирм. Сюжет, цветовая гамма и драматичная музыка передают тревожность по отношению к капитализму. В картине «Ишь ты, Масленица!» (Р. А. Саакянц, 1985) богатч требует платы налога за снег, мальчик из семьи бедняка решает его проучить.

Важность нравственного воспитания показана в картине «Пингвиненок Лоло» (К. Ёсида, Г. М. Сокольский, 1986). Фильм был создан советскими студиями «Союзмультфильм» и «Совинфильм» совместно с японскими компаниями. Работа «Большой Ух» (Ю. А. Бутырин, 1989) – история про волчонка, который чутко относился к своему окружению. Маленький герой лежит под деревом и слушает тишину. Из космоса на Землю попадает Большой Ух и рассказывает, что слышит различные чудеса из космоса. В дальнейшем он убеждается в том, что мир волчонка не менее чудесный. В мультфильме «Карманник» (А. П. Зябликова, 1990) девочка проникается любовью к вору-карманнику, тот решает измениться и стать летчиком. Необходимость трудового воспитания показана в картине «Нехочуха» (Ю. А. Бутырин, 1986), где идет повествование о мальчике-лентяе.

Несмотря на нестабильную политическую и экономическую ситуацию в стране, в это время появляется много талантливых мультфильмов. Продолжают выходить новые серии работ «Трое из Простоквашино», «Ну, погоди!» и др.

В период перестройки активно создаются фильмы, предназначенные для взрослой аудитории. В 1989 г. выходит кукольный фильм «Влюбчивая

ворона» (М. Муат). Картина повествует о том, как ворона восхитилась лесными жителями, а впоследствии была ими же изгнана из леса. В 1990 г. выходит мультфильм «Его жена курица» (И. Ковалёв). Фильм наполнен различными символами, метафорами и скрытыми смыслами. В мультфильме показана семья, где жена все время занимается домашними заботами, муж при этом не уделяет ей внимания и живет «по инерции». Выгнав жену, мужчина понимает, что стало только хуже, и зовет ее обратно, однако жена после возвращения начинает смотреть на мужа по-новому. В 1989 г. выходит фильм «Наваждение» (О. Э. Розовская) по мотивам украинской народной сказки «Болтливая баба». Картину отличают приглушенные темные тона, беспокойная музыка, страшные изображения героев. Мужик находит клад, но, зная о болтливости своей жены, решает сделать все так, чтобы ей никто не поверил. В 1990 г. выходит фильм «Чудовище» (Е. В. Нитылкина), раскрывающий сущность различных типов

людей, которые могут проживать в коммунальной квартире. Историю борьбы с Ордой освещает мультфильм «Сказ о Евпатии Коловрате» (Р. В. Давыдов, 1985). Картина «Два богатыря» (А. Р. Давыдов, 1989) посвящена русскому и казахскому фольклору. В центре сюжета – богатыри, которые отправились спасать своих возлюбленных, однако каждый из них спас чужую невесту.

В конце 1980-х гг. пропагандистские мультфильмы практически не выходят. Новым идеологическим инструментом становятся политические ток-шоу.

Экономический и политический кризис в России совпал с периодом, когда мировая анимационная индустрия переходила на новые цифровые технологии. В конце 1980-х гг. студия «Союзмультфильм» перестала существовать в своей прежней форме и перешла в частную собственность, что в дальнейшем отразилось на «качестве и количестве выпускаемой продукции» [9, с. 127–128].

Заключение

Исследование показало, что практически каждое десятилетие советского периода накладывало свой отпечаток на мультипликацию. В результате менялись облик, жанры, технологии и содержание мультфильмов. Анимация выражала идеологию каждого периода, а также ценности культурных и национальных групп. Картины создавались по мотивам армянских, русских, украинских народных сказок, иллюстрировали казахский фольклор, особенно

сти изобразительного искусства северных народов. Несмотря на различия, советские мультфильмы объединяют высокая нравственность, хорошее качество продукции, актерское мастерство, высококвалифицированный труд аниматоров, режиссеров, художников и отсутствие жестокости. Советская мультипликация, помимо идеологической функции, закладывала определенный уровень культуры поведения.

Библиографические ссылки

1. Петрухина ОВ. Методы и средства прикладной анимации в России на рубеже 1940–1960-х гг. *Человек и культура* [Интернет]. 2019 [протитировано 22 августа 2022 г.];1:1–10. Доступно по: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28734. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28734.
2. Васильева ВП. Профессиональные дискуссии начала 1960-х годов об основных задачах советской анимации на пути к коммунистическому будущему (по материалам журнала «Искусство кино»). В: Портных ВЛ, Потапова НА, Резникова МА, Речкалова АА, Слугина ВА, Хоменко ДЮ и др., редакторы. *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции; 25–27 августа 2016 г.; Новосибирск, Россия*. Новосибирск: Апелсин; 2016. с. 229–237.
3. Тазов ПЮ. Динамика ценностей российской молодежи 1960–2010 гг. в социокультурном анализе. *Современные проблемы науки и образования* [Интернет]. 2015 [протитировано 22 августа 2022 г.];1(часть 1). Доступно по: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17928>.
4. Бокова ЯМ. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х – первой половине 60-х гг. XX века. В: Ахметова ГД, редактор. *Исторические исследования: материалы III Международной научной конференции; май 2015 г.; Казань, Россия*. Казань: Бук; 2015. с. 41–45.
5. Никонова СИ. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-х гг. *Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008;7(63):374–382.
6. Наврузов ЗГ. К вопросу об идеологических приоритетах советского руководства на начальном этапе перестройки в СССР. *Современная научная мысль*. 2021;2:84–89. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-2-84-89.
7. Родионова ИВ, составитель. *Советская идеология в 30-е годы XX века: методические рекомендации по курсу «Отечественная история»*. Москва: Московский государственный институт электроники и математики; 2003. 30 с.
8. Вилков АА. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью. *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2021;21(3):303–309. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309.
9. Кривуля НГ. Специфика развития и формирование особенностей отечественной анимационной индустрии в контексте концепции детства. *Наука телевидения*. 2018;14(2):107–135. DOI: 10.30628/1994-9529-2018-14.2-107-135.

References

1. Petrukhina OV. Methods and means of applied animation in Russia at the turn of the 1940–1960s. *Chelovek i kul'tura* [Internet]. 2019 [cited 2022 August 22];1:1–10. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28734. Russian. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.1.28734.
2. Vasilieva VP. [Professional discussions of the early 1960s about the main tasks of Soviet animation on the way to the communist future (based on the materials of the journal «Art of Cinema»)]. In: Portnykh VL, Potapova NA, Reznikova MA, Rechkalova AA, Slugina VA, Khomenko DYU, et al., editors. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Sbornik materialov Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii; 25–27 avgusta 2016 g.; Novosibirsk, Rossiya* [Actual problems of historical research: the view of young scientists. Collection of materials of the All-Russian youth scientific school-conference; 2016 August 25–27; Novosibirsk, Russia]. Novosibirsk: Apel'sin; 2016. p. 229–237. Russian.
3. Tazov PYu. Dynamics of values of Russian youth in 1960–2010 in sociocultural analysis. *Modern Problems of Science and Education* [Internet]. 2015 [cited 2022 August 22];1(part 1). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17928>. Russian.
4. Bokova YaM. [The evolution of public sentiment and mass consciousness of Soviet society in the middle of 50s – the first half of the 60s 20th century]. In: Akhmetova GD, editor. *Istoricheskie issledovaniya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; mai 2015 g.; Kazan', Rossiya* [Historical research: materials of the 3rd International scientific conference; May 2015; Kazan, Russia]. Kazan: Buk; 2015. p. 41–45. Russian.
5. Nikonova SI. Crisis of ideology and Soviet society in 1970s–1980s. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2008; 7(63):374–382. Russian.
6. Navruzov ZG. To the question on ideological priorities of the Soviet leadership at the initial stage of perestroika in the USSR. *Modern Scientific Thought*. 2021;2:84–89. Russian. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-2-84-89.
7. Rodionova IV, compiler. *Sovetskaya ideologiya v 30-e gody XX veka: metodicheskie rekomendatsii po kursu «Otechestvennaya istoriya»* [Soviet ideology in the 30s of the 20th century: methodical recommendations for the course «Patriotic history»]. Moscow: HSE Tikhonov Moscow Institute of Electronics and Mathematics; 2003. 30 p. Russian.
8. Vilkov AA. Perestroika in the USSR: between the ideological concept and reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2021;21(3):303–309. Russian. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-303-309.
9. Krivulya NG. The specificity of development and the formation of the peculiarities of the Russian animational industry in the context of the conception of childhood. *The Art and Science of Television*. 2018;14(2):107–135. Russian. DOI: 10.30628/1994-9529-2018-14.2-107-135.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2022.
Received by editorial board 04.09.2022.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Петр Семенович
КАРАКО**
**Petr Semenovich
KARAKO**

В сентябре не стало активного автора и читателя нашего журнала доктора философских наук, профессора, заслуженного работника Белорусского государственного университета Петра Семеновича Карако. Буквально накануне он приходил на факультет, рассказывал о своей даче, делился творческими планами, рекомендовал ознакомиться с его новой работой. И как гром среди ясного неба новость: на 83-м году он ушел из жизни.

Петр Семенович был известным в стране специалистом в области социальной экологии, философии природы, философии и методологии науки. Он много писал о представителях науки, хорошо знал художественную литературу, постоянно следил за новыми изданиями. Уже будучи на пенсии, он часто приходил в университетскую библиотеку.

Петр Семенович родился на Гомельщине в большой крестьянской семье. После окончания сельскохозяйственного техникума работал агрономом в родном хозяйстве, отслужил три года в Красноярске-26.

Вся последующая жизнь этого трудолюбивого, любознательного и творчески одаренного человека прошла в стенах БГУ. В 1968 г. он с отличием окончил биологический факультет, но свое призвание

обрел в области философии. В 1971 г. Петр Семенович окончил аспирантуру на кафедре философии, затем прошел все ступени нелегкого педагогического роста – от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой философии естественно-научных факультетов БГУ.

В 1990 г. П. С. Карако защитил докторскую диссертацию «Революция в современной биологии и ее социальные аспекты (философско-методологический анализ)». Он написал монографии «Природа в художественной литературе» (2009), «Социальная экология: экологическое сознание» (2011), «Эстетика природы» (2012), «Природа и нравственность» (2013), «Философия природы: прошлое, настоящее, будущее» (2016). В последние годы жизни ученый занимался исследованием русского космизма, творчества сподвижников В. И. Вернадского.

Более десяти лет Петр Семенович плодотворно работал в экспертном совете Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по философским наукам, являлся членом Совета по защите диссертаций при БГУ, входил в состав редакционных коллегий научных журналов. В 2000 г. профессор П. С. Карако был удостоен нагрудного знака «Отличник образования».

Петр Семенович пользовался заслуженным авторитетом среди коллег и студентов, был отзывчив, трудолюбив и внимателен к людям. Очень любил природу и работу на земле.

Коллектив факультета философии и социальных наук БГУ, коллеги, друзья и ученики выражают

искренние соболезнования родным и близким Петра Семеновича. Память об этом прекрасном человеке, нашем товарище и учителе будет долгой и светлой.

А. Н. Данилов

**Ольга Викентовна
ТЕРЕЩЕНКО
Ol'ga Vikentovna
TERESHCHENKO**

Известный белорусский социолог, создатель и первый заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета кандидат социологических наук, профессор Ольга Викентовна Терещенко ушла из жизни 15 октября. Трудно осознавать, что рядом с нами уже нет уникального профессионала, доброжелательного и всегда готового прийти на помощь друга. Неожиданно и безвременно...

О. В. Терещенко родилась в Минске. С золотой медалью окончила столичную математическую школу № 50. Математика стала для нее призванием и судьбой. Получив хорошую подготовку на механико-математическом факультете БГУ, Ольга Викентовна стала одним из первых специалистов по обработке данных социологических исследований. Ей довелось участвовать в разработке и внедрении первого в СССР статистического пакета программ для IBM-совместимых электронно-вычислительных машин, ориентированного не только на программистов, но и на пользователей других специальностей, в частности на социологов.

С 1989 г. судьба Ольги Викентовны была связана с Академией наук БССР. Она перешла на работу во вновь созданный Республиканский центр социологических исследований Института философии и права АН БССР на должность научного сотрудника

с функциями статистического аналитика. В то время центр участвовал во всесоюзном исследовании развития советского общества под руководством И. Т. Левыкина. Начиная с этого проекта учреждение перешло на компьютерную обработку данных с использованием пакета СОМИ, которая осуществлялась в Институте математики АН БССР. По настоянию О. В. Терещенко выросший из центра Институт социологии АН БССР приобрел первый персональный компьютер, и данные исследований стали обрабатываться в пакете SPSS.

С 1990 г. Ольга Викентовна начала преподавательскую деятельность, первое время по совместительству. По приглашению профессора А. Н. Елсукова она преподавала статистические дисциплины на кафедре социологии философско-экономического факультета БГУ, в 1992 г. перешла работать на кафедру социологии на полную ставку в должности старшего преподавателя. Окончательное становление О. В. Терещенко как социолога-аналитика, по признанию ее самой, состоялось в период работы в рамках всесоюзного академического лонгитюдного проекта «Пути поколения» (1983–1998) под руководством М. Х. Титмы. Ольга Викентовна участвовала в трех из четырех этапов данного исследования (в 1988, 1993 и 1998 гг.). Обобщив результаты, полученные в ходе проекта, она в 1997 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Причинная

модель как средство объяснения расслоения общества по уровню доходов» (научный руководитель – профессор Г. Н. Соколова).

Ольга Викентовна всегда была творческим и целеустремленным человеком. Поэтому вполне закономерно, что именно она стала первым заведующим кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук БГУ. Работа на кафедре стала делом всей ее жизни. Она приложила немало усилий для создания коллектива новой кафедры, а также для ее методического обеспечения.

О. В. Терещенко пользовалась заслуженным авторитетом в профессиональном сообществе как

в своей стране, так и далеко за ее пределами, была руководителем и исполнителем многих всесоюзных и международных грантов.

Коллектив факультета философии и социальных наук БГУ, коллеги и друзья выражают искренние соболезнования родным и близким Ольги Викентовны. Светлая память об этом прекрасном человеке и профессионале останется в памяти всех, кто хоть однажды с ней встречался, посещал ее занятия, слушал ее выступления на конференциях. Скорбим вместе со всеми, кто имел счастье общаться с ней.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 3(075.8-054.6)

Гаро С. А. **Обществоведение** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для слушателей подгот. отд-ния и подгот. курсов фак. доунив. образования иностр. граждан БГУ / С. А. Гаро ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 278 с. : табл. Библиогр.: с. 278. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289490>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 21.11.2022, № 010521112022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) включает систематизированные учебные и методические материалы по дисциплине «Обществоведение» для реализации содержания образовательной программы для лиц, поступающих в высшие учебные учреждения Республики Беларусь. В теоретическом разделе содержатся лекционные материалы для изучения учебной дисциплины в объеме, установленном учебной программой. ЭУМК содержит тестовые задания и контрольные работы для каждого раздела программы, позволяющие осмыслить и понять на практических примерах суть излагаемого теоретического материала, осуществить самоконтроль знаний.

УДК 316(06)

Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) [Электронный ресурс] : материалы I Междунар. науч.-методолог. междисциплинар. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума» (Минск, 10 нояб. 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.), А. А. Похотова]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 394 с. : ил., табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290017>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.11.2022, № 011230112022.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых по теоретическим и эмпирическим исследованиям. Рассмотрены междисциплинарные проблемы современной науки с учетом новых вызовов и рисков, трансформации предметного поля, тематики, методики и содержания социологических исследований. Адресуется широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Антонович И. И.</i> Борьба мировых сил и будущее демократии.....	4
---	---

КРУГЛЫЙ СТОЛ

<i>Данилов А. Н., Безнюк Д. К., Богдевич И. М., Водопьянов П. А., Волотовский И. Д., Зеленков А. И., Мамедов А. К., Можейко М. А., Рубанов А. В., Титаренко Л. Г., Щербин В. К.</i> Современный социум: новые вызовы и риски.....	12
---	----

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Подлесная М. А., Ильина И. В.</i> Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 2.....	34
<i>Севастов К. В.</i> Теория социальных систем Никласа Лумана: постмодернистский характер дискрипторов общества.....	42
<i>Лебедева Е. В.</i> Социокультурная эволюция городской среды как объект социологического анализа.....	48

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Шейнов В. П., Бубнов Ю. М., Ермак В. О., Грибановский С. П.</i> Социально-психологические корреляции зависимости молодежи от социальных сетей.....	57
<i>Симхович В. А., Наумов Д. И.</i> Канселлинг как социальный феномен: теоретический аспект.....	71
<i>Левченко Н. В.</i> Мультипликация как средство формирования ценностных установок в СССР в 1950–90-х гг.....	80

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<u>Петр Семенович Карако</u>	88
<u>Ольга Викентовна Терещенко</u>	89
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	91

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Antonovich I. I.</i> The struggle of world powers and the future of democracy.....	4
---	---

ROUND TABLE

<i>Danilov A. N., Bezniuk D. K., Bogdevich I. M., Vodopiyanov P. A., Volotovskiy I. D., Zelenkov A. I., Mamedov A. K., Mojeiko M. A., Rubanau A. V., Titarenko L. G., Shcherbin V. K.</i> Modern society: new challenges and risks	12
--	----

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Podlesnaia M. A., Ilina I. V.</i> The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 2.....	34
<i>Sevastov K. V.</i> Niklas Luhmann's theory of social systems: the postmodern character of society's descriptors.....	42
<i>Lebedeva E. V.</i> Socio-cultural evolution of the urban environment as an object of sociological analysis....	48

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Sheinov V. P., Bubnau Yu. M., Yermak V. O., Gribanovsky S. P.</i> Socio-psychological correlations of youth addiction on social networks.....	57
<i>Simkhovich V. A., Naumau D. I.</i> Cancelling as a social phenomenon: theoretical aspect.....	71
<i>Levchenko N. V.</i> Animation as a means of forming value attitudes in the USSR in 1950–90s.....	80

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Petr Semenovich Karako	88
Ol'ga Vikentovna Tereshchenko	89
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	91

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *А. С. Горзун*

Подписано в печать 21.12.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 10971.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 21.12.2022.
Edition 100 copies. Order number 10971.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022